

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
А.М. Сендзер

Намеснік галоўнага рэдактара:
С.А. Марзан

Міжнародны савет
М.М. Громаў (Расія)
А.М. Круглашоў (Украіна)
Эдвард Ярмох (Польшча)

Рэдакцыйная калегія:
Г.І. Займіст
(адказны рэдактар)
П.А. Вадап'янаў
В.М. Ватыль
А.М. Грыгаровіч
Ч.С. Кірвель
П.П. Крусь
Б.М. Ляпешка
С.В. Рашэтнікаў
Д.Г. Ротман
Я.У. Скакун
В.А. Сцепановіч
Л.Р. Цігарэнка
Я.С. Яскевіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1335 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ
ПАЛІТАЛОГІЯ
САЦЫЯЛОГІЯ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – Установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

№ 1 / 2016

У адпаведнасці з Загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі
Рэспублікі Беларусь № 84 ад 31.03.2016 г. часопіс
«Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія.
Сацыялогія» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі
Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па філасофскіх, палітычных і сацыялагічных навуках

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ

Яскевич Я.С. Сетевая философия: проблемное поле и этические регулятивы	5
Лепешко Б.М. Философия и литературный процесс: некоторые методологические константы.....	13
Воронкова В.Г., Ажажа М.А. Формирование концепции ноосферного развития современного социума: теоретико-методологический контекст	19
Беляева Е.В. Нравственная ценность хлеба и книг: трансляция в практиках повседневности.....	27
Иванчина О.Н. Междисциплинарный подход в исследовательской деятельности	34
Варич В.Н. Диалектика всеобщего и индивидуального в ценностях.....	41
Лагуновская Е.А. Духовные ценности христианства в формировании нравственных основ старобелорусского общества X–XVI вв. (часть II)	46
Павочка С.Г. Личностные основания социальной философии евразийства.....	55
Яручик А. И. Метод познания человека в «Опытах» Мишеля Монтеня.....	63
Булутова Ю.В. Эстетика искусства и спорта: сравнительный анализ.....	69

ПАЛІТАЛОГІЯ

Ярмусик Э.С. Религиозный фактор в общественно-политической и социальной жизни общества (на примере Гродненской области)	75
Лысюк А.И. Идеи Достоевского и современная политика	87
Храмцова Ф.И. Генезис эргономичности/этосообразности политики государства как методологического принципа политической модернизации.....	97
Костючков А.Н. Влияние РККА на образ СССР во время Великой Отечественной войны	101
Гарбуз А.А. Совершенствование функционирования местного управления и самоуправления в Республике Беларусь	107
Гайшун А.Н. От распада СССР к ЕАЭС: интеграционный выбор постсоветских государств.....	113

САЦЫЯЛОГІЯ

Красовский К.К., Даугирдас В. Трансформация демографических структур Беларуси и Литвы	121
Кавецкий С.Т. Особенности развития демографических процессов в Республике Беларусь на рубеже XX и XXI веков	128
Корженевич С.В. Припятское Полесье в социально-демографическом измерении	133
Салтанович И.П. Роль социокультурной среды в стратегическом управлении инновациями.....	141

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:

A.N. Sender

Deputy Editor-in-chief:

S.A. Marzan

International Board:

M.M. Gromov (Russia)

A.N. Kryglashov (Ukraine)

Edvard Yarmokch (Poland)

Editorial Board:

G.I. Zaimist

(managing editor)

P.A. Vadapyanav

V.M. Vatul

A.N. Grigorovich

C.S. Kirvel

P.P. Krus

B.M. Lyapeshka

S.V. Reshetnikov

D.G. Rotman

E.Y. Skakun

V.A. Stepanovich

L.R. Tsitarenka

Y.S. Yaskevich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1335 from April 28, 2010

Editorial Office:

224665, Brest,

Boulevard Cosmonauts, 21

tel.: 21-72-07

e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution

«Brest state university named after A.S. Pushkin»

№ 1 / 2016

According to the order of Supreme Certification Commission
of the Republic of Belarus № 84 from March 31, 2016, the journal
«Vesnik of Brest University. Series 1. Philosophy. Politology. Sociology»
was included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus
for publication of the results of scientific research
in philosophical political and social sciences

CONTENTS

PHILOSOPHY

Yaskevitch Ya.S. Network Philosophy: the Problem Field and Ethical Regulators	5
Lepeshko B.M. Philosophy and Literary Process: Some Methodological Constants	13
Voronkova V.G., Azhazha M.A. The Formation of the Concept of Noosphere Development of Modern Society in the Conditions of Information Society	19
Belyaeva E.V. Moral Value of Bread and Books: Translation in the Everyday Practices	27
Ivanchina O.N. Interdisciplinary Approach in Research	34
Varich V.N. The Universal and the Individual in Values	41
Lahunouskaya A.A. Spiritual Values of Christianity in the Formation of Moral Foundations of Old Belarusian Society in X–XVI Centuries	46
Pavochka S.G. Personality Basis of Eurasian Social Philosophy	55
Yaruchyuk A.I. The Method of Human Cognition in the Essays of M. Montaigne	63
Bulutova Y.V. Comparative Analysis of Arts and Sports: Aesthetic Aspects	69

POLITOLOGY

Yarmusik E.S. Religious Factor in Ideological Work, Social and Educational Spheres of Society (on the example of Grodno region)	75
Lysiuk A.I. Dostoyevsky's Ideas and Contemporary Politics	87
Hramtsova F.I. Genesis of Ergonomics / Etocongruity of State Policy as Methodological Principles of Political Modernization	97
Kostyuchkov A.N. Influence of Red Army on International Image of the USSR during the Great Patriotic War	101
Garbuz A.A. The Improvement of Operation of Local Management and Self-management in the Republic of Belarus	107
Haishun A.N. From the Collapse of the Soviet Union to the EAEC: Integration Choice of Post-Soviet States	113

SOCIOLOGY

Krasovski K.K., Daugirdas V. Transformation of Demographic Structures of Belarus and Lithuania	121
Kavetski S.T. Specifics of the Developments in Demographic Processes of the Republic of Belarus in Late XX – Early XXI Centuries	128
Korjenevich S.V. Pripyat Polesye in Social-demographic Dimension	133
Saltanovich I.P. The Role of Socio-cultural Environment in the Strategic Innovation Management	141

УДК 101.1

Я.С. Яскевич

*д-р филос. наук, проф., директор Института социально-гуманитарного образования
Белорусского государственного экономического университета*

СЕТЕВАЯ ФИЛОСОФИЯ: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ И ЭТИЧЕСКИЕ РЕГУЛЯТИВЫ

Статья посвящена выявлению и определению проблемного поля формирующейся в условиях информационного общества сетевой философии. Реконструируются этапы становления сетевой философии начиная от 60-х гг. XX в. до современности. Показывается, что сетевая философия включает в себя онтологические, гносеологические, аксиологические и методологические основания, нацеленные на раскрытие природы и пространственно-временных измерений виртуальной реальности, специфики ее познания и описания, социокультурные и ценностные регулятивы сетевой коммуникации. Раскрывается роль сетевого этикета как способа регуляции в Интернете.

Виртуализация культуры, экономики, политики, искусства требует философского осмысления разнообразных проблем информационного общества, феноменов электронной культуры, разработки ее этических аспектов, динамики социокультурной и национальной идентичности, экзистенциальных поворотов личностного бытия. Сегодня в контексте информационных технологий формируется своего рода социальный заказ от современного общества на разработку интегративной теоретико-методологической модели *сетевой философии*, которая бы задавала параметры исследования особенностей сетевых структур в различных областях: сетевой политике, сетевой экономике, сетевом коммуникативном пространстве и т.д.

На модель сетевой философии оказывают непосредственное влияние социально-политические коммуникации, современные бизнес-коммуникации через принципы создания и распространения рекламных и PR-текстов в Интернете, политическое и экономическое пространство. Современные социальные коммуникации в разных областях культуры под воздействием информационных технологий приобретают совершенно новые, порою парадоксальные черты. С одной стороны, например, современная экономика всё в большей и большей степени опирается на такие инновационные нематериальные производственные активы, как бренды, логотипы, авторские права, патенты и другие разновидности так называемой «интеллектуальной собственности», а с другой стороны, легкость копирования и распространения электронной информации делает защиту этих активов достаточно проблематичной задачей. Перенос традиционных форм бизнес-коммуникаций в виртуальную реальность приводит не только к банальному ущербу от незаконного использования интеллектуальной собственности, но и к активному сопротивлению со стороны довольно больших групп активных пользователей.

В процессе динамики современной сетевой философии сформировалось несколько течений, которые условно можно типологизировать как *хакерство*, *киберанархизм*, *сетевое либертарианство*, а также концепция копилефта [1, с. 79–78]. Ярким проявлением интенсивной философской и идеологической деятельности представителей указанных течений стали всевозможные декларации, манифесты, идеологические статьи, художественные произведения и т.п. Наибольшую известность среди них получили «Декларация независимости киберпространства» Джона Барлоу [2] и «Манифест киберпанка» Кристиана Кирчева [3].

Зарождение сетевой философии относится к 60-м гг. XX в., когда появились первые хакеры, а само хакерство стало заметным явлением, окружённым аурой таинствен-

ности и необычности. Проблемы изучения культуры хакеров связаны с выявлением *основ хакерского движения*, которые сводятся к следующему: значительное влияние на хакеров оказало движение хиппи; поскольку хакеры были первопроходцами компьютерных технологий и сети Интернет, а доступ к компьютерным технологиям в первое время был сильно ограничен, они выступали против государственного вмешательства в научно-технический прогресс; целью деятельности хакеров было развитие человеческого знания как такового; для развития знаний требовался свободный обмен информацией; необходимо было избегать нанесения ущерба при вторжении в систему [4]. В знаменитом «Манифесте хакера» Л. Блэнкеншипа (1986 г.) выражены основные ценности хакерской субкультуры: безразличие к цвету кожи, национальности и религии, превосходство знаний и нестандартного образа мыслей, безграничная свобода информации, необходимой для исследований, а также сами исследования на основе чистого любопытства [5]. В дальнейшем сращивание хакерского сообщества с криминалом показало слабость данной мировоззренческо-идеологической субкультуры, учитывая, что и на современном этапе развития хакеры сотрудничают с криминальными структурами, с ведущими коммерческими производителями программного обеспечения.

Киберанархизм как следующее направление сетевой культуры представляет собой новую версию классического анархизма, в основе идеологических постулатов которого выступают идеи равенства людей и неприятие государства. Сеть же дает возможность пользователям объединяться, эффективно самоуправляться в виртуальных сообществах, самостоятельно, вне государства, обсуждать и принимать решения, формировать взвешенное общественное мнение. Под концепцией *сетевого либертарианства*, получившей широкое распространение в современном мире, понимают виртуально установившуюся в киберпространстве глобальной сети идеологию, главными постулатами которой является максимальное ограничение вмешательства государства в процесс циркуляции информационных потоков; индивидуализм; представление о человеке как гражданине мира; свобода слова, граничащая с отрицанием прав на интеллектуальную собственность; сетевое самоуправление; этические, а не правовые нормы как основа самоуправления.

Платформа и практика «*копилефта*» (англ. сору – экземпляр, копия; left – лево) в Интернете направлена на то, чтобы пользователи Сети имели неограниченное право использовать, изменять и распространять как исходное произведение, так и производные от него объекты авторского права. Концепция копилефта как одного из направлений сетевой философии стала основой для таких явлений, как бесплатная операционная система Linux и интернет-энциклопедия «Википедия». Кроме того, идея бесплатного использования, модифицирования, тиражирования и распространения информации стала базовым принципом технологий вирусного маркетинга, активно применяемых в рекламных и PR-коммуникациях.

Обобщая некоторые подходы, формирующиеся в результате осмысления сетевых процессов в Интернете, можно сказать что, *сетевая философия* – это обобщенная, упорядоченная система взглядов человека на виртуальную реальность (лат. virtual – возможный) как социокультурный феномен информационного общества. Сетевая философия нацелена на выявление природы и специфики познания виртуальной реальности; особенности описания (нарратива) виртуальной реальности; социокультурные и ценностные регулятивы сетевой коммуникации, а также вытекающие из формирующейся картины мира основные жизненные позиции людей, убеждения, идеалы, принципы познания и оценки материальных и духовных событий в условиях сетевого общества.

В сетевой философии можно выделить онтологические, гносеологические, ценностные, методологические основания. Онтология сетевой философии раскрывает прежде всего сущность виртуальной реальности, специфику ее пространственно-времен-

ных измерений и механизмов трансформации. *Виртуальная реальность* как социокультурный феномен информационного общества рассматривается в качестве: а) концептуализации радикального этапа развития техники и технологии, позволяющей открывать и создавать новые измерения культуры и общества, одновременно порождая новые острые проблемы, требующие критического осмысления; б) развития идеи множественности миров (возможных миров) и относительности «реального» мира.

В современной философской литературе подход, основанный на признании множественности реальности и осуществляющий в таком контексте реконструкцию природы виртуальной реальности, получил наименование «*виртуалистика*» [6]. Здесь важны следующие *теоретические предпосылки*: 1) понятие объекта научного исследования необходимо дополнить понятием реальности как среды существования множества разнородных и разнокачественных объектов; 2) виртуальная реальность составляет отношения разнородных объектов, расположенных на разных иерархических уровнях взаимодействия и порождения объектов: виртуальная реальность всегда порождена некоторой исходной (константной) реальностью; виртуальная реальность относится к реальности константной как самостоятельная и автономная реальность, существуя лишь во временных рамках процесса ее порождения и поддержания ее существования. *Объект виртуальной реальности* всегда актуален и реален, виртуальная реальность способна порождать иную виртуальную реальность следующего уровня.

Для работы с понятием виртуальной реальности необходим отказ от моноонтического мышления (постулирующего существование только одной реальности) и введение *полионтической парадигмы* (признание множественности миров и промежуточных реальностей), которая позволит строить теории развивающихся и уникальных объектов, не сводя их к линейному детерминизму. При этом «первичная» виртуальная реальность способна порождать виртуальную реальность следующего уровня, становясь по отношению к ней «константной реальностью» – и так «до бесконечности»: ограничения на количество уровней иерархии реальностей теоретически быть не может. Предел в этом случае может быть обусловлен лишь ограниченностью психофизиологической природы человека как «точки схождения всех бытийных горизонтов» (С.С. Хоружий). *Виртуальность* – объект или состояние, которое реально не существует, но может возникнуть при определенных условиях.

Проблематика виртуальной реальности конституируется в рамках постнеклассической философии в последней четверти прошлого века как проблема природы полионтической реальности в ее многообразных измерениях и контекстах [7, с. 386]. Категория «виртуальности» вводится через оппозицию субстанциальности и потенциальности: виртуальный объект существует, хотя и не субстанциально; и в то же время – не потенциально, а актуально. Виртуальная реальность – это «недо-возникающее событие, недо-рожденное бытие» (С.С. Хоружий). Социальный теоретик М. Постер, сопоставляя феномен виртуальной реальности с эффектом «реального времени» в сфере современных телекоммуникаций (игры, телеконференции и т.п.), отмечает, что происходит проблематизация реальности, *ставится под сомнение обоснованность, эксклюзивность и конвенциональная очевидность «обычного» времени, пространства и идентичности*. Постер фиксирует конституирование симуляционной культуры с присущей для нее множественностью реальностей. Информационные супермагистрали и виртуальная реальность еще не стали общекультурными практиками, но обладают гигантским потенциалом для порождения иных культурных идентичностей и моделей субъективности вплоть до сотворения постмодерного субъекта. В отличие от автономного и рационального субъекта модерна этот субъект нестабилен, популятивен и диффузен. Он зарождается и существует только в интерактивной среде, что ставит перед сетевой философией *эпистемо-*

логическую проблему осмысления субъект-объектных отношений в сетевом пространстве, динамики экзистенциальной сущности человека суперинформационного общества.

Онтология виртуальной реальности детерминирует становление особого типа *гносеологических проблем*, изменяющих познавательные возможности человека, его восприятие, отношение к реальному и виртуальному миру. Принято считать, что идея виртуальной реальности как «киберпространства» («cyberspace») впервые возникла в знаменитом фантастическом романе-техноутопии У. Гибсона «Neuromancer», где киберпространство изображается как коллективная галлюцинация миллионов людей одновременно в разных географических местах, соединенных через компьютерную сеть друг с другом и погруженные в мир графически представленных данных любого компьютера. Однако Гибсон считал свой роман не предсказанием будущего, а критикой настоящего. Киберпространство, безликие суперкорпорации, управляющие им, отчуждение технологий, созданный пластической хирургией идеальный человек, подключенный к киберпространству через мозг и нервную систему, – это аллегория социального и культурного террора по отношению к реальному человеку – современнику писателя.

Как отмечал М. Хаим, *киберпространство* – это ментальная карта информационных ландшафтов в памяти компьютера в сочетании с программным обеспечением; это способ *антропологизировать информацию*, придать ей топологическую определенность, чтобы человек мог привычным образом оперировать данными как вещами, но на гиперфункциональном уровне, сравнимом с магией; виртуальная реальность и киберпространство должны будить воображение и дать возможность *преодолеть экзистенциальную ограниченность реальности*: выйти за пределы смерти, времени и тревоги; аннулировать свою заброшенность и конечность, достичь безопасности и святости.

В условиях современной сетевой культуры и философии формируется научная картина социальной реальности. Она, несомненно, испытывает на себе влияние инновационных стратегий, и все же она по-прежнему является, во-первых, *особой формой теоретического знания*; во-вторых, выступает важнейшим *компонентом общенаучной картины мира*; в-третьих, дает *обобщенные представления о системной организации и динамике общества*; в-четвертых, динамика организационных преобразований в сетевом пространстве задает необходимость выявления ее *антропологических и нравственных поворотов, в том числе и разработку сетевого этикета*. Конечно же, такая картина мира не претендует на описание всех деталей социальной жизни людей и вместе с тем схематизирует многообразие социальных процессов и выделяет их предельно *общие сущностные характеристики*. Множество конкретных теорий и фактов различных социально-гуманитарных дисциплин постоянно соотносятся с картиной социальной реальности. В свою очередь, она развивается под влиянием накапливаемого в науке эмпирического и теоретического материала. В настоящее время существуют различные подходы и конкурирующие парадигмы к построению картины социальной реальности. Однако их несовместимость не является абсолютной. В них можно выделить общее содержание. Во всех современных научных представлениях об обществе как целостной системе выделяют, как правило, три основных блока: 1) *экономика* в ее взаимосвязи с политикой, правом, моралью и др. формами общественного сознания; 2) *система социальных связей людей и соответствующие институты*; 3) *культура* [7, с. 542].

Проблема состоит в *выявлении взаимосвязей этих подсистем и их функций* в социальной жизни в условиях инновационных подходов в культуре экономике и ее сетевых структурах. При этом в исследовательское поле сетевой философии включаются следующие проблемы, требующие своей разработки:

- ✓ природа, специфика, причины и факторы развития феноменов сетевого пространства;
- ✓ статус и функции виртуальной реальности;

- ✓ тематизация содержания и взаимоотношений экономики с политикой, правом, моралью в условиях сетевой коммуникации;
- ✓ характер отношения прошлого, настоящего и будущего в виртуальном пространстве;
- ✓ проблема выбора путей исторического развития в сетевом обществе и т.д.;
- ✓ природа и специфика познания в условиях виртуальной реальности;
- ✓ особенности описания (нарратива) виртуальной реальности;
- ✓ социокультурные и ценностные регулятивы новых форм знания;
- ✓ рациональное и иррациональное в информационном обществе;
- ✓ структура и методы познания виртуальной реальности;
- ✓ формирование и статус фактов в сетевом пространстве;
- ✓ детерминизм, случайность и свобода воли в условиях сетевой коммуникации;
- ✓ функции информационно-виртуальной коммуникации;
- ✓ трансформация социокультурной и национальной идентичности в информационно-коммуникативном пространстве;
- ✓ виртуализация образа жизни человека информационной эпохи;
- ✓ характер экзистенциальных проблем в контексте сетевого общества;
- ✓ этика взаимоотношений в сетевом пространстве.

Информационная культура, экономика, политика реализуется только благодаря своему источнику, средству и результату, в качестве каковых выступает личность. Что происходит с личностью в условиях *глобализации, виртуализации и сетевизации социального пространства, массовизации культуры, проблематизации национальной идентификации человека и государств, запредельными очертаниями свободы и границ личности*? Как отмечают исследователи, человеческое Я все больше превращается в точку бифуркации, сборки, нелинейную волну свободы и ответственности, странника в стихиях возможного бытия. В соответствии с новыми вызовами современности, которым есть реальные предпосылки в виде социально-экономических и технологических оснований, можно говорить о *становлении транснациональной социально-политической картины мира*. В качестве оснований этого процесса следует назвать формирующиеся представления о сетевом обществе, сетевом человеке, его проектно-брендовой идентификации, корпоративной культуре, креативности, гибкости и своеобразной неуловимости в условиях виртуального пространства. *Жизнь в сетевом пространстве* способствует, например, созданию особого типа менеджмента, новой содержательной конфигурации *функций менеджера*. При этом на смену жесткой иерархии и линейности в принятии решений приходят гибкие творческие субъекты управления с учетом специфики сферы деятельности (экономики, политики, бизнеса и т.д.). Вместо иерархии разрабатывается система «доверия», вкладываются средства в развитие «корпоративной культуры» и «командного духа» с установкой на достижение гибкости и ухода от авторитаризма [8, с. 110–119].

Кроме экономических процессов происходит серьезная *трансформация публичной сферы и идейно-символического пространства* под воздействием Интернета. Развитие пространства Интернета способствует становлению и развитию *сетевой культуры, политики, экономики*, которые все более интенсивно включаются в исследовательское поле сетевой философии. Характерной особенностью *современных рынков в рамках сетевой экономики* является возрастание скорости изменений и рост информационных потоков во внешней среде, вызывающие *ускоренные изменения во внутренней структуре компаний*. Эти процессы вызваны бурным ростом экономики и технологических возможностей в сфере организации бизнеса, свободой предпринимательской деятельности и, как следствие, обострением рыночной конкуренции, нарастанием в некоторой степени неупорядоченных и несогласованных действий разрозненных рыночных

агентов в среде предпринимателей. Основой для возникновения этих эффектов является информация в форме знания, на базе которого строится повторяемость процесса или происходит группировка элементов оргструктуры [9, с. 13–17].

Немаловажная проблема сетевой философии связана с необходимостью разработки регулятивов организации нравственно ориентированного поведения в сети. Здесь особую роль играет так называемый *сетевой этикет* (*нэтикет, netiquette*) – новая область знания, связанная с необходимостью и потребностью осмысления и нравственной оценки сетевой экономики, бурно развивающихся Интернет-технологий, их достижений и проблематики. Появляется сетевой этикет на основе классической этики и принадлежит к разделу прикладной этики (наряду с такими ее областями, как биоэтика, экологическая этика, биомедицинская и другие прикладные этики), выступающей как способ нормативной регуляции поведения в Интернете: запрет грубости, пропаганды наркотиков, насилия, размещения материалов порнографической, нацистской и другой общественно опасной направленности. В последнее же время возникает проблема этического регулирования и оценки сетевой экономики, придания ей нравственных ориентиров при принятии решений в предпринимательской деятельности и бизнесе.

Правила нэтикета носят рекомендательный характер и в отличие от правовых норм, предусматривающих определенные санкции за их нарушение, не рекомендуют конкретных мер наказания за тот или иной нравственный проступок, кроме общественного порицания. Внутренним гарантом пользователя Интернетом выступает совесть, а внешним – общественное мнение. Тем не менее информационное сообщество, учитывая специфику совершенно новой сферы – Сети, обеспечивающей внедрение новых информационных и коммуникационных технологий, формирует соответствующие принципы сетевой этики.

Обобщая различные подходы к исследованию сетевой экономики, отметим рождающиеся при этом обобщенные темы. В рамках сетевой философии актуализируется, во-первых, *проблема виртуального мира, виртуального бытия*. Фундаментальный вопрос, с которого начиналось философское познание, сегодня в условиях сетевого общества заявляет о себе вновь и вновь: что собой представляет виртуально-информационный мир, в который мы стремительно погружаемся и в котором живем, как он возникает, каково его прошлое и будущее? Философия – дочь своего времени, как писал Фейербах, и в соответствии с этим формировались различные философские модели мира, сохраняя во все времена первостепенное значение в устремленности к познанию тайн мира. Сегодня в ответ на вызовы информационного общества философия постепенно выстраивает соответствующие времени ответы.

Вторая философская тема сетевого общества связана с *проблемой человека, изменения его сознания, парадоксов его существования в информационно-виртуальном мире*. Антропологический поворот глобальной культуры фиксирует еще одну «вечную» философскую тему бытия человека в виртуальном пространстве, актуализируя различные феномены человеческого бытия, специфики коммуникации, культуры диалога, психологии общения, субъективности, самоидентификации в условиях сетевого пространства и т.п. Проблема человека остается самой трепетной философской темой сетевого информационного общества.

Третья важнейшая тема сетевой философии – *проблема отношения человека и виртуального мира, субъекта и объекта, субъективного и объективного, виртуального и реального, взаимосвязи онтологии и гносеологии в сетевом пространстве*. Тема отношения человека и мира на протяжении всей истории философской мысли инициировала постановку и специфическое решение проблемы познаваемости человеком мира, соотношения мнения и знания, истины и заблуждения, возможностей и пределов познания, проникая в механизмы и тайны познавательной деятельности человека, поиска

критерия истинности наших знаний и т.п. В современных условиях глобального информационного общества эти темы звучат не менее остро, актуализируя проблему сетевой эпистемологии, субъект-объектных взаимодействий, создания и конструирования действительности, саморегуляции, самокорректировки субъекта в сетевой коммуникации.

Четвертая философская тема связана с решением *субъект-субъектных, межличностных, социальных отношений, рассмотрением человека в «мире людей» в условиях виртуальной коммуникации*. Возможен ли поиск согласия, взаимопонимания, толерантности, гибкости, коммуникативного решения возникающих конфликтов в рамках сетевого общества, что происходит с психикой и сознанием человека при этом. Ни одна из обозначенных новых философских тем не может быть полностью изолирована от другой. Они взаимодополняют друг друга, способствуя построению новой модели мира, исследуя проблему виртуальной реальности, человека в ней, его субъективного мира, взаимоотношения человека и виртуального мира, постановку гносеологических, аксеологических и методологических вопросов и т.д.

Сетевая философия нацелена и на разработку методологических регулятивов в осмыслении таких феноменов информационного общества, как сетевая экономика, сетевая политика, сетевая культура. В таком ракурсе *методология сетевой политики и политических процессов* выступает как область исследования, направленная на изучение и конструирование содержательно-концептуальных подходов и методов изучения сетевой политики, политических институтов, сравнительных моделей политических режимов, динамики политического процесса и властных отношений, механизмов государственного управления и публичной политики, политических проблем международных отношений, прикладной политологии, политической культуры и идеологии, принципов создания и распространения рекламных и PR-текстов, политических мифов и слухов, манипуляционных техник и технологий, коммуникативных и междисциплинарных связей с другими науками и феноменами культуры.

Методология сетевой экономики и сетевых экономических процессов как рационально-рефлексивная область исследования направлена на изучение, совершенствование и конструирование методов и принципов сетевой экономической деятельности, выявление специфики, общих экономических закономерностей и разработку на их основе регулятивов для решения экономических прогнозов, экономических оценок и ожиданий, методологический анализ происходящих в экономике трансформационных процессов, сравнительный подход при оценке тенденций развития мировой и национальной экономики, влияния на динамику хозяйственной жизни и уровень жизни в стране инновационной экономики.

Философия коммуникационно-сетевой культуры предстает как междисциплинарная сфера исследования особенностей развития культуры и культурной коммуникации в условиях информационного общества и глобализации, радикального пересмотра шкалы ценностей, поиска механизмов сохранения традиций и новаций, обеспечивающих прогресс человечества, необходимость исследования особенностей сетевой культуры в различных типах общества, ее ценностных смыслов и норм. Естественным основанием сетевой культуры является, прежде всего, необходимость управления социальным действием, а также поддержание стабильности в обществе путем организации эффективного диалога между различными социальными слоями. Это неизбежно предполагает активный информационный обмен и взаимную корректировку ценностных ориентиров, культурный диалог как встречу различных мировоззренческих ориентаций и моделей поведения. Культурная коммуникация является необходимым условием существования информационного общества и присущего ему типа культуры.

Таким образом, современная сетевая философия ориентирована на теоретико-рефлексивное осмысление динамично развивающихся процессов в сетевом пространстве,

изучение и конструирование методов и принципов их познания, разработку моральных механизмов и регулятивов развития сетевой культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быков, И. А. Киберпространство как фактор развития политических идеологий / И. А. Быков // Политическая наука. – 2008. – № 2. – С. 79–98.
2. Барлоу, Д. П. Декларация независимости киберпространства [Электронный ресурс] / Д. П. Барлоу // XYZ – сетевой проектный журнал. – Режим доступа: <http://www.uis.kiev.ua/russian/win/~xyz/index.rus.html>. – Дата доступа: 20.02.2015.
3. Кирчев, К. А. Манифест киберпанка [Электронный ресурс] / К. А. Кирчев // Сайт Марата Гельмана. – Режим доступа: <http://www.guelman.ru/slava/mani-fest/istochniki/kiberpank.htm>. – Дата доступа: 20.02.2015.
4. Емелин, В. А. Киберпанк и сетевой либерализм [Электронный ресурс] / В. А. Емелин // Домашняя страничка Вадима Емелина. – Режим доступа: <http://emelm.narod.ru/cyberpunk.htm>. – Дата доступа: 20.02.2015.
5. The Mentor. The Conscience of a Hacker [Electronic resource] / Phrack. Vol. 1, Issue 7, Phile 3 of 10. – Mode of access: <http://www.phrack.org/archives/7/P07-03>. – Date of access: 20.02.2015.
6. Носов, Н. А. Виртуальная психология / Н. А. Носов. – М. : Аграф, 2000. – 432 с.
7. Яскевич, Я. С. Философия и наука: время диалога, ответственности и надежды / Я. С. Яскевич. – Минск : Право и экономика, 2014. – 551 с.
8. Акопов, С. В. Транснациональное измерение современности / С. В. Акопов. – Филос. науки. – 2015. – № 3. – С. 110–119.
9. Кареев, А. В. Сетевые эффекты на современных рынках / А. В. Кареев // Экономика, предпринимательство и право. – 2012. – № 4 (15). – С. 13–17.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 02.03.2016

Yaskevitch Ya.S. Network Philosophy: the Problem Field and Ethical Regulators

The article is devoted to identification and definition of the problem field of the network philosophy, which is formed in the conditions of information society. Stages of formation of network philosophy are reconstructed, beginning from the 60s of the XX century to the present time. It is shown that the network philosophy includes ontological, gnoseological, axiological and methodological bases aimed at disclosure of the nature and existential measurements of virtual reality, specifics of its knowledge and the description, sociocultural and valuable regulative of network communication. The netiquette role as way of regulation on the Internet is highlighted.

УДК 101.1+347.781

Б.М. Лепешко*д-р ист. наук, проф., проф. каф. философии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС:
НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ**

В статье рассматривается взаимосвязь категорий «философия», «методология», «литература», «идеология». Определено, что имеющее место «пересечение» смысловых полей дефиниций «методология» и «идеология» в принципе не может быть исключено. Однако важно констатировать, когда имеет место первое, а когда второе. Приведены аргументы в пользу того утверждения, что выбор того или иного теоретического основания литературного произведения может быть случаен, может быть, такая цель вообще автором не ставилась, но этот выбор не может быть произвольным и исключительно субъективным. Приведены примеры обращения к марксистской, позитивистской, экзистенциальной философии в качестве методологических основ творческого процесса. Высказано и обосновано мнение, согласно которому классификация методологических подходов применительно к методологическому процессу неэффективна и что приоритет всегда остаётся за личностью и жизнью.

Понятие «константа» в данном контексте применяется для обозначения постоянных величин, имеющих место в рамках философского анализа литературного процесса. Ключевые категории здесь – философия, методология, метод, идеология, литература. Очевидно, что тема весьма широка и может быть рассмотрена лишь в рамках сужения предметного поля за счёт приоритетов авторского характера. То есть рассматриваются и анализируются те методологические константы литературного процесса, которые имеют, на наш взгляд, наиболее актуальное на сегодняшний день значение. Хотя можно сразу же и оговориться: эти константы универсальны и достаточно эффективно могут быть применены в рамках рассмотрения иных эпох и иных авторов (концепций). Меняется содержательное поле, но не меняются формальные характеристики.

Например, первая из таких констант: необходимо исключить содержательное «пересечение» таких категорий, как методология и идеология. Обратимся к примерам. Вот письмо И. Сталина членам Политбюро ЦК по поводу одной из статей М. Горького. «Надо разъяснить всем литераторам-коммунистам, – пишет вождь, – что хозяином в литературе, как и в других областях, является ЦК и что они обязаны подчиниться последнему беспрекословно» [1, с. 26]. Перед нами пример «чистой» идеологии, выраженной в предельно откровенной и прямолинейной форме. Ныне понятно, что речь в данном случае шла не только о «писателях-коммунистах», а обо всех литераторах, профессионально работающих в этой сфере творчества. И методология здесь совершенно ни при чём. А вот пример поиска методологических оснований творчества той же примерно поры. Илья Эренбург в своей известной работе «Люди. Годы. Жизнь» так описывает поиски теоретических оснований писательского труда. «Меня давно мучала мысль, – пишет автор «Падения Парижа» и «Хулио Хуренито», – откуда приходит зло? Дуализм мне представлялся отвратительным, я по-прежнему ненавидел буржуазию, но я уже знал, что не все вопросы будут решены обобществлением средств производства» [2, с. 109]. Марксист, большевик, И. Эренбург, тем не менее, оперирует категориями «дуализм», обращается к классикам философской мысли той поры и тяжело, но неизбежно приходит к мысли о достаточно сложной диалектике между «базисом» и «надстройкой». Более того, он там же констатирует, что «надстройка» не всегда выглядит таковой, а базис менее всего похож на нечто незыблемое, вроде догматов церкви. Чтобы быть последовательным, обратимся к сегодняшнему дню, в частности, к творчеству С. Алексиевич. Оставляя в стороне иные вопросы, сосредоточимся лишь на одном: о каких методоло-

гических основаниях её литературного труда мы можем говорить с большей или меньшей долей уверенности? Можно ли каким-то образом выявить, определить ту или иную методологию творческого процесса писательницы, проследить связь между методологическими концепциями и конкретными литературными произведениями? Безусловно, можно, вот только окажется, что перед нами не столько методология в чистом виде, сколько политика, мировоззренческий выбор, влияние той среды, в которой нынче живёт писательница и т.д. Попробуйте выявить методологические составляющие её многотомной эпопеи про «красного человека» – быстро придёт понимание того простого факта, что в основе этой работы не методология, а идеология. Причём это вполне конкретная идеология, господствующая в западном общественном сознании (неприятие исторического выбора СССР, России, Беларуси, полярность ценностных предпочтений, страх перед непредсказуемостью действий ряда политических сил, критика православия и т.д.). Другими словами, проследить механизм влияния той или иной философской системы взглядов, представлений, ценностей на творчество того или иного автора достаточно сложно, всё это может быть опосредовано идеологическими, религиозными, ментальными характеристиками и убеждениями. Применительно к творчеству С. Алексиевич заметно, что называют её «национальным писателем» очень редко и с очень большой осторожностью (позиция власти здесь важна, но вторична). Причём критики, теоретики, занимающие полярные мировоззренческие позиции. И понятно, почему: в части методологии мы можем легко согласиться с выбором того или иного автора системы предпочтений, лишь бы творческий потенциал соответствовал заявленным амбициям. А вот относительно идеологии споры могут быть бескомпромиссными и бесконечными.

Вторая константа: понятие «методология» вовсе не является неким обязательным атрибутом писательского труда, хотя нельзя исключить и того, что достаточно часто вне методологических приоритетов понять, принять то или иное произведение достаточно сложно. Дело в том, что сегодня стало модным «привязывать» слово «методология» к любым процессам интеллектуального характера. Там, где есть мысль, обязана быть методология – вот кредо многих теоретиков. Почему в этом контексте литературный процесс должен и может существовать вне методологических новаций? Но, видимо, надо различать литературный процесс как предмет исследования: здесь без методологии не обойтись. И надо понимать литературный процесс как творческое, прежде всего, явление: здесь методология явно вторична, более того, она здесь вовсе может не приниматься в расчёт.

Что же понимать под выражением «методология литературного процесса»? Очевидно, базовые, прежде всего философские категории и доктрины, существующие в системном виде и выражающие сущность понимания данного (литературного) феномена. Так, например, не столь давно такой единственной методологией для понимания литературного процесса было единственно верное и победоносное учение, известное нам под именем марксизма-ленинизма. С точки зрения этого теоретического феномена литературный процесс можно было адекватно понять исходя из нескольких основополагающих позиций. Скажем, понимание литературы, прежде всего, как надстройки, то есть вторичного по отношению к экономическому базису феномена. Не литература первична и основополагающа в системе знания, а более важные, объективные по своему характеру явления. То есть не горьковский Данко (грубо говоря) самостоятельно решил вырвать себе сердце, чтобы осветить путь людям (исходя из логики творческого замысла), а писатель создал данный образ на основе понимания злободневных экономических и политических реалий. Второе – это активная роль литературы в процессе изменения мира. А то, что мир надо менять, марксистская доктрина воспринимала как нечто априорное. Созерцательная роль литературы исключалась, а если и допускалась, то исключительно как предмет последующей критики и сведения мировоззренческих счётов.

К слову, не надо думать, что подобного рода подход исключал свежие мысли, глубокие проникновения в суть вещей и вообще творческие достижения. Как раз наоборот: точно и ясно сформулированная методологическая мысль позволяла точно и ясно (в концептуальном смысле) отразить суть вопроса. Вопрос в ином: а есть ли желание ясно и точно излагать суть дела?

Вспомним некоторые замечательные произведения советской литературы, от её «детского» контекста до контекста взрослого. Помните классическое: «Крошка сын к отцу пришёл, и спросила кроха: “Что такое хорошо и что такое плохо?”»? И папа пытался растолковать в меру сил, что это такое. И какая здесь связь с методологией, спросит читатель. Самая что ни на есть прямая. Перед нами, во-первых, изображение мира и его ценностей в русле моноправды, монотерминов. То есть есть одно значение слова «плохо» и одно значение слова «хорошо». Есть белое, есть чёрное и граница между ними достаточно определённа. Это чёткий посыл марксистской методологии к творцам. Далее желающие могут сравнить данный подход с методологией постмодернистского характера, где адепты этой теоретической концепции предложат с десятков вариантов понимания базовых этических категорий. Более того, во-вторых, вам могут предложить немедленно исключить подобную постановку вопроса в принципе, поскольку нельзя ставить (формулировать) вопрос так, чтобы «на выходе» формулировалась некая единственная истина. Это так, поскольку истин вообще неимоверное количество и жить в плену старых позитивистских иллюзий, согласно которым вообще можно ответить каким-то образом на вопрос «крохи» в принципе невозможно.

Можно в этой связи рекомендовать обратиться к энциклопедии «Постмодернизм», книге, изданной в Минске в 2001 г. [3]. Применительно к нашему разговору там несколько запоминающихся вещей. Скажем, множество статей с приставкой «анти»: «Антикультура», «Антипсихология», даже «Антискульптура». Почему это важно подчеркнуть? Да потому, что постмодернизм в высокой степени нацелен на деструкцию, разрушение, даже тогда, когда его адепты высказывают действительно интересные и важные мысли. Очень популярны статьи вроде «Безумие» (кстати, статьи «Разум» там нет), «Деконструкция», «Деструкция», «Кризис идентификации», «Саморазрушающееся произведение» и т.д. Очень активно обыгрывается понятие «смерть» и кого только не хоронят: и Бога, и автора, и субъекта! В данном случае я не полемизирую с данной методологией, она уже давно реально существует и имеет своих почитателей. Вопрос в ином: содержательном поле тех произведений, которые будут написаны и уже написаны на основании данных и иных материалов. Да, это дело вкуса, но статья «Тело без органов» и «Оральная живопись» с трудом увязываются со стандартными призывами классиков к гуманизму и добру в духе Просвещения.

Константа третья: выбор того или иного теоретического основания литературного произведения может быть случаен, может быть такая цель вообще автором не ставилась, но этот выбор не может быть произвольным и исключительно субъективным. Возьмите булгаковский роман «Мастер и Маргарита». Сказать, что его можно трактовать в категориях марксистской методологии, сложно, хотя бы потому, что он не был опубликован и не мог быть опубликован в период написания. Господствующая методология в форме идеологических предпочтений в данном контексте задавала не только тон и характер творческого процесса, но и отсекала всё то, что «вылезало» из этого процесса. Но роман при всей фантастичности сюжета написан классическим языком классической русской литературы и, как ни странно, может быть связан с господствующими требованиями методологического характера той поры: писать ясно, без выкрутасов, разного рода верлибров и поисков новых форм выражения в духе А. Кручёных. Выскажу такое мнение: роман вообще читается как реалистическое произведение писателя, для которого граница между бытием и небытием достаточно условна. Понтий Пи-

лат реалистичен вовсе не потому, что это историческая фигура, а в связи с тем, что его существование взаимоувязано со всеми действующими лицами романа и выпадение любого звена будет означать «смерть» произведения. Другими словами, М. Булгаков не теоретизировал, не выдвигал гипотезы, не задавался целью обогатить, скажем, религиозоведение новыми концепциями («доказательствами») бытия Бога. Но он это реально сделал в рамках написания своего романа. Он мог не желать чего-то, но читатель это «что-то» обнаруживает и связывает как с системой собственных философских представлений, так и личными ментальными, социальными характеристиками.

Конечно же, надо признать очевидное: господство марксистской методологии сыграло не только позитивную, но и откровенно негативную роль в процессе понимания сути и перспектив литературы как общественного явления. Но здесь есть одно очень важное уточнение: исключение марксизма как методологии вовсе не означает, что наступившая творческая свобода будет иметь своим следствием массу замечательных произведений, не скованных методологическими догмами. Михаил Шолохов, кстати, был сторонником и советского образа жизни (при всём критицизме и несогласии с рядом отрицательных фактов), разделял основные принципы советской идеологии, с пиететом относился к методологическим основам литературы советского периода, что вовсе не мешало ему создавать талантливые произведения. Это же можно сказать применительно к десяткам, сотням авторов советской поры, которые жаловались на диктат, приспосабливались к статус-кво, но очень часто радовали нас действительно несленными произведениями, которые останутся, надеюсь, достаточно долго в памяти поколений. Самый простой и ясный пример – романы В. Короткевича. Если мы обратимся к «Дикой охоте короля Стаха», например, то перед нами налицо творческая реализация абсолютного большинства заветов марксистской методологии. Это протест социальных «низов» против засилья «верхов», вымирание эксплуататорского класса, отсутствие у этого класса каких бы то ни было общественных перспектив, важность и необходимость социального протеста, причём силового протеста, идеализм и бесплодность усилий одиночек (образ Светиловича) и т.д. Но что, это помешало В. Короткевичу создать запоминающее произведение?

Но вот позитивистская определённая уступила место многим иным новациям модернистского, постмодернистского толка, и насколько можно говорить о творческом прорыве, обогащении нас всех работами фундаментального, творческого характера? Ещё раз стоит повторить (и это четвёртая константа): смена методологических вех, методологическое раскрепощение вовсе не гарантия великих творческих достижений. Можно даже допустить крамольное положение: иногда важнее ясность и определённая в теоретических, философских категориях, нежели их аморфность, полифоничность и прочие изыски. Причём вопросы методологии в творчестве того или иного автора не обязательно могут выдвигаться на первый план, связь методологии с литературой вообще может быть затемнена. В этой связи закономерно встаёт вопрос и такого порядка: а если без всякой разумной методологии, без всяких концепций вроде «смерти автора», тогда как: литература вовсе исчезнет? Безусловно, нет. Просто понять некоторые вещи без обращения к философскому (прежде всего) первоисточнику достаточно сложно. Если обратимся к упомянутому роману «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, то адекватно осмыслить происходящее вне философского (методологического) контекста достаточно сложно. Можно, конечно, напирать на субъективное прочтение и защищать собственную оригинальную точку зрения, нынче это вообще стало фишкой литературного процесса («я так вижу и чувствую»), но как быть с неким общим знаменателем, с попыткой найти приемлемый для большинства ответ на поставленные автором вопросы? Трудности очевидны, но и здесь можно нарваться на теоретический протест: какие такие «общие знаменатели» в ситуации, когда «общие знаменатели» нынешними

адептами постмодернізма, напрыклад, воўбаче свалены ў некую сьмисловую яму. Нэт і не можа быць ніякіх «абуіх знаменателі», паськольку оні (знаменателі) вторгаюцца ў сфэру творчэскай свабоды, а здэсь ў прынцыпе не можа быць ніякіх агранічэніі. Можа пісаць аткрыўчэна «грязную» кнігу, дзе аўтар выгладзіт падроськом бэз тормозав? Канэчна, можа, этэ саотвэтствуэт некотарым мэтэдалагічэскім прэдпачтэніям пасьлэднэй пэры. Можа выварачываць сэбэ і чытацэля наізнаньку, довада прэцэс пісанія і чтэніа дэ логічэскага завэршэніа, дэ тошноты? Канэчна, можа. Г. Флэбэр, гаворят, іспытывал пароксізмы удушыа, кога апісывал сьмэрт мадам Боварі, у нас жэ сегоднја многіе творцы гатовы на любыя павораты сюжэта ісклучітэльно с мэргантільнымі цэлямі.

Здэсь нэт і не можа быць едінога поніманія і сабствэнна ролі мэтэдалогіі ў літэратурным прэцэсэ, і характэра «прэчтэніа» той ілі іной канкрэтнай кнігі. Вот ізвэстна тэчка зрэнія, сагласна катэрой кніга, катэрая вышлэ ў свэт, начінаэт асобую, атдэльную жызнь, саўршэнна не связанную с замыслом і надэждамі самага аўтэра. Тэ естэ дэля мэнэ, чытацэля, этэ кніга явлэється таковой, каковую ёё увідэл, понял і прынял я сам. І мнэ глэбоко всё равнэ, какіе мыслі і ідэалы залэжыл ў нёё тот чэловек, катэрый счítaэт сэбэ ёё аўтэром. Імэнно «счítaэт», так как каждаа прэчитанная мноу кніга фактічэскі явлэється кнігой нэвой. Созданной мноу самім і нікэм бэ-лэе. Ну, а тэ, чтэ на аблэжкэ стоіт некэе імэ, не ізвэстнэ мнэ, абсэлютно нічэго не азначает: чэго тэлько не напішут лэуді. Впрэчэм, можа аставіть аўтэру прэрогатіву пэрвого варіантэ осмыслэніа прэдставлэннаго сюжэта, прэдставлэнных гэрэев, прэдставлэннаго фіналэ, нэ бэ-лэе того. Вот і полэчается, чтэ мэтэдалогіа «прэры-вається» к аўтэру і чытацэлю ў некэем опосрэдованнэм відэ: ў фэर्मэ ідэалогіі, мэн-тальных прэдпачтэніі, традіцыйных чувств і верованій. Скажут: да вэдэ этэ і не мэтэдалогіа вэвсэ. Да, еслі братэ сístему філосэфських (прэждэ вэсего) вэглядов на мір і абушчэво, на чэловэка і ёго сущэ, ёго роль ў этэм мірэ, тэ этэ не мэтэдалогіа; нэ і ска-затэ, чтэ мэнталітэт, традіціі і прэчіе прэцэсы не імэют к мэтэдалогіі ніякаго атношэніа тэжэ нэльзя. Здэсь вступают ў свояа права законы творчэства, еслі оні естэ на саом дэлэ, эті законы. Чэловек творіт не потэму, чтэ прэнікся той ілі іной мэтэ-далогіей, а потэму, чтэ іначэ не можа. Как гаворіл Васілій Розанов, бэз всякой мэтэ-далогіі: «Я задыхаюсь ў слэвах, я жіву ў слэвах». Ілі вот этэ: «Нэсу літэратуру как грэб мой, нэсу літэратуру, как пэчаль мою, нэсу літэратуру как отвращэніе моё» [4, с. 122]. Этэ – тэжэ основа творчэства (одна із основ), а вэвсэ не абстрактнэе тэорэ-тізірованіе. Воўбачэ жызнь вышэ любой мэтэдалогіі, любого умствэванія, жызнь спо-собна на такіе павороты і нэожіданнэсті, пэ сравнэнію с катэрымі разного рэда мэтэ-далагічэскіе сístемы выгладят скучнымі ўпражнэніямі шкэляров ў правопісаніі.

І константэ пятая: сístематізіроватэ, классіфіціроватэ мэтэдалагічэскіе пэдохы к літэратурному прэцэсу, навэрное, можа, нэслэжно прэдположыть, чтэ та-кая классіфікаціа ўжэ сущэствуэт. Нэ этэ малэпрэдуктывнэ прэцэс. От того, как мы «обзовём» с пэзіціі тэорэтічэскай основы тэ ілі іноэ прэізвэдэніе пісалэя, прэізвэдэніе этэго пісалэя нэ станэт ні лэчшэ, ні хужэ, а наше атношэніе к нэму прынціпіальнэ не ізмэнітсэ. Нэ важнэ поніманіе глэбокой, органічэскай вэаімосвэ-зэ мэжду эпохой, філосэфскими пэіскамі этэй эпохі і творчэством пісалэей, пэ-этов, драматургов. Можа тэсячу раз прэізнэсті слэво «экзистэнціалізм», можа прэ-читатэ массу умных кніжэк пэ пэводу драматізма лічнэсті, пэгружэнной ў рэку врэ-мэні, о том, чтэ чэловек трагічэскі одінок і ёго жызнь часто не імээт ніякаго сьмис-ла. Нэ вот А. Камю пішэт «Міф о Сізифэ: эссе об абсурдэ» [5] – і Нобэлэвскій комі-тэт прісуждаэт філосэфу, пісалэлю прэмію ў облэсті літэратуры. Нэ за «чístую» філосэфію, нэ за «чístую» літэратуру, а імэнно за тэ, чтэ пісалэль отразіл дух своэ-го врэмэні ў бунтарскэой і трагічэскаой фэर्मэ одноврэмэнно. Нэ пасьлэднюю роль здэсь

сыграло и то, что французский мыслитель активно участвовал в движении Сопротивления, воевал с фашизмом так, как умел. Философия может «спровоцировать» целое поколение писателей на определённый стиль и смысл в литературе. Экзистенциализм расположен именно в этой содержательной, теоретической плоскости. Да разве речь идёт только об экзистенциализме или марксизме, о чём шла речь? Возьмите замечательный пример, связанный с творчеством Владимира Соловьёва и Александра Блока. Именно Соловьёв стал «родоначальником» многих идей в творчестве автора поэмы «Двенадцать». Именно Владимир Сергеевич Соловьёв, кстати, член Академии наук России по разряду изящной словесности (1900 г.) впервые сформулировал идею Вечной Женственности, Софии. А уже потом появились работы Александра Блока, образ «Незнакомки», который полностью соответствовал платоновскому (и соловьёвскому) пониманию сути прекрасного как некоему идеальному образцу.

Надо обязательно упомянуть и о том, что в настоящее время развивается новое направление в литературоведении, осмысливающее литературный процесс с точки зрения достижений философской, психологической, лингвистической мысли последних десятилетий. То есть с позиций синергетики, феноменологии, герменевтики и т.д. Это вообще общая тенденция последних лет, упомянем, в частности, соответствующие работы в юриспруденции (А.В. Поляков). Но это предмет для разговора в рамках отдельной статьи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сарнов, Б. Сталин и писатели. Книга первая / Б. Сарнов. – М. : Эксмо, 2008. – 832 с.
2. Эренбург, И. Люди. Годы. Жизнь. Воспоминания : в 3 т. / И. Эренбург. – М. : Советский писатель, 1990. – Т. 1. – 640 с.
3. Постмодернизм. Энциклопедия. – Минск : Интерпрессервис ; Книжный Дом, 2001. – 1040 с.
4. Розанов, В. В. Избранное / В. В. Розанов. – Мюнхен : Изд-во А. Нейманис, 1970. – 567 с.
5. Камю, А. Бунтующий человек / А. Камю. – М. : Политиздат, 1990. – 415 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05.03.2016

Lepeshko B.M. Philosophy and Literary Process: Some Methodological Constants

The relationship between categories «philosophy», «methodology», «literature», «ideology» is discussed in the article. It was determined that «intersection» of semantic fields of definitions «methodology» and «ideology» cannot be excluded. However, it is important to note when the first one is taking place, and when does the second. Arguments in favor of the contention that the choice of a theoretical foundation of a literary work may be accidental are listed, such a goal can be generally not intended by the author, but this choice cannot be arbitrary and purely subjective. The examples of references to the Marxist, positivist, and existential philosophy as a methodological basis of the creative process are given. The opinion that the classification of methodological approaches in relation to the methodological process is inefficient and that priority always remains with the person and life is expressed and justified.

УДК 1:316; 130:3+504.05/06:37

В.Г. Воронкова¹, М.А. Ажажа²¹д-р филос. наук, проф., зав. каф. менеджмента организаций и управления проектами
Запорожской государственной инженерной академии (Украина)²канд. наук гос. управления, доц., доц. каф. менеджмента организаций и управления
проектами Запорожской государственной инженерной академии (Украина)**ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ НООСФЕРНОГО РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ**

Проанализирована философия ноосферного развития современного социума, теоретико-методологические основания которого разработал В.И. Вернадский. В статье раскрыты условия, при которых развивалась и эволюционировала концепция ноосферного развития современного социума в контексте истории социально-философской мысли; разработан понятийно-категориальный аппарат темы, связанный с категориями биосфера, ноосфера, ноосферное управление. Раскрыты направления политики, власти и управления, которые должны определяться сферой разума (ноосферой), морали и справедливости и базироваться на научно-рациональной и морально-справедливой основе; обоснованы направления оптимизации концепции ноосферного развития современного социума.

Формирование концепции ноосферного развития современного социума представлено в философии ноосферного развития, разработанной В.И. Вернадским, в контексте учения которого обосновано понятие «стабильного социального общества». Данный термин был впервые употреблен Т. де Шарденом и Э. Ле Руа и означал, что в ноосфере (или сфере разума), как и в обычной биосфере, происходит замкнутое кругообращение веществ, которые должны утилизироваться и снова переходить в свой полезный продукт. Человек при этом не должен жить за счет биосферы, его производительные силы при этом должны стать частью ноосферы, которая беспрерывно будет обмениваться веществами с биосферой. Все это способствует согласованному развитию человека и окружающей среды, что получило название коэволюция, определяемая возможностями человеческого интеллекта, который должен взять на себя ответственность за судьбу планеты. Так, как сверхсложные системы принципиально не могут регламентировать все элементы процессов, то система управления должна быть не сверхцентрализованной, а опираться на принципы, реализованные в биологических системах, влияя на стратегию развития и некоторые интегральные процессы. Ноосферный путь развития представляется природным на фоне стремительного возрастания науки (или коллективного разума) во всех сферах человеческой деятельности. Так, в экономике решающее значение приобретают темпы внедрения новых научных достижений или создание новых технологий. Поэтому сегодня необходимо углубленное познание биосферных явлений и закономерностей человеческого общества [1]. Сегодня перед человечеством два пути развития, которые ведут к: 1) ноосфере, или увеличению коэволюции процессов в природе и обществе; 2) или самоуничтожению цивилизации и планеты в целом.

Главной гипотезой исследования, которая может сдвинуть радикально теорию, есть идея поиска инновационных механизмов формирования интеллектуальной цивилизации, а именно техно-гуманитарного баланса, в основе которого механизм преодоления кризисов планетарного масштаба. Гипотеза техногуманитарного баланса выявляет закономерную взаимозависимость между тремя составляющими технологического потенциала страны: информационным обществом, качеством культурных регуляторов и внутренней устойчивостью культуры. Именно эта гипотеза помогает объяснить явления, когда в результате масштабного антропогенного кризиса происходит не разрушение социального организма страны, а его кардинальная перестройка благодаря культуре, которая играет роль компенсаторского фактора, который включается в периоды ка-

тастроф, трансформаций, перестройки и способствует возобновлению нарушенного баланса инструментального и гуманитарного характера.

В.И. Вернадский (1863–1945) развил учение о биосфере и ноосфере, идеи которого легли в основу новых ведущих направлений современной минералогии, геологии, гидрогеологии, определив роль организмов в геохимических процессах. Ценность учения В.И. Вернадского о ноосфере именно в том, что он выявил геологическую роль жизни, живого вещества в планетарных процессах, в создании и развитии биосферы и всего разнообразия живых существ в ней [2]. Среди этих существ он выделил роль человека как могущественной исторической силы.

Сам термин «ноосфера», как и термин «биосфера», был впервые использован в 1926–1927 гг. в статьях Т. де Шардена и Э. Ле Руа в 1922–1923 гг., написанных после того, как они прослушали в Сорбонне курс лекций В.И. Вернадского по проблемам геохимии и биогеохимии [3]. В учении П. Тейяра де Шардена термин «ноосфера» имел мистический смысл, он считал его синонимом «царства человеческого разума». В. Вернадский начал применять термин «ноосфера» лишь в начале 1930-х гг., при этом в существенно другом смысле, в то время как до него этот термин применялся в материалистическом смысле. В концепции ноосферного развития В. Вернадского, ноосфера – это исторически неминуемая стадия развития биосферы. Ноосфера – это новая биологическая оболочка Земли, характеристику которой он дает на основании нового научного контекста. В 1926 г. в работе «Мысли о современном значении истории знаний» он писал, что «на протяжении всего геологического времени стабильная в своем равновесии биосфера начинает все сильнее и глубже меняться под влиянием научной мысли человечества. Ноосфера – это единственная организованная сфера, все части которой на самых разных уровнях гармонично связаны и действуют согласованно одна с другой. Ноосфера – это новое состояние некой глобальной суперсистемы как совокупности трех могущественных подсистем: “человек”, “производство” и “природа”, взаимосвязанных между собой при активной роли подсистемы “человек”» [4].

Спецификой концепции ноосферного развития современного социума является ее междисциплинарный характер, включая социологические, культурологические, экономические и ориентируясь на решение гуманистических задач социума. Концепция ноосферного развития современного социума ассоциируется с культурой, которая определяет развитие смоуправленческих начал общества, которые преломляются благодаря гуманистическим условиям развития и анализируются в формате аксиологических, гносеологических и методологических принципов. В основе концепции ноосферного развития – философия ноосферного развития, т.е. особенный тип сознательной деятельности человека и высшая форма управленческой деятельности, в центре которой человек. В основе субъект-субъектного управления данной концепции – тип такой сознательной деятельности, в центре которой человек, представляющий высшую форму управленческой деятельности. В основе концепции ноосферного управления – субъект-субъектное управление, связанное с формированием субъект-субъектного мира, детерминированного основаниями гуманистического менеджмента [4]. Философия ноосферного развития современного социума является новой отраслью философского знания, которая способствует повышению эффективности развития современного социума во всех сферах человеческой жизнедеятельности и детерминируется определенной ролью управления в жизни общества и отдельного индивида в контексте новых вызовов глобализации. Философия ноосферного развития современного социума, будучи синтезом науки и искусства, знания и опыта, философии и этики, представляет собой широкое исследовательское поле для изучения проблем современного социума, понимания их природы в разных ситуациях, поскольку управление пронизывает всю систему взаимоотношений в обществе.

В контексте концепции философии ноосферного развития современного социума выделяется понятие «когнитивное управление», которое используется для усиления обратных связей субъект-субъектного управления, поскольку необходимо постоянно отслеживать, как изменения влияют на повышение эффективности всего социального организма социума. Управление в этом процессе понимается как информационное влияние, в контексте которого информация несет в себе не только готовые решения, но и такие, которые детерминируются всей внутренней структурой того вида деятельности, который выполняет функцию управления. В профессиональной практике управленцев разрабатывается достаточно большое количество технологий, но они, не имея под собой категориальных оснований, дают лишь мозаичную картину и находятся на уровне исследовательских технологий и индуктивных знаний. Поэтому следует выделить некоторые группы технологий когнитивного управления, которые находятся в основе концепции ноосферного развития и управления: 1) рефлексивное управление (включает рекламу, брендинг и формирование культурных образцов в контексте визуального восприятия); 2) управление знаниями (объединяет новые типы знаний (базы данных) и традиционные знания (факты, методики, модели, проблемы, задачи); 3) управление сообществами (партии, общественные организации, молодежные движения, Инترنت-сообщества); 4) инфраструктурное управление (включает разные социальные структуры образования, искусства, корпораций, сетей); 5) нормативное управление (включает законодательство, религиозные и моральные правила и инструкции, стандарты образования, бизнеса, организационные схемы и стратегии).

В основе концепции ноосферного развития современного социума – гуманистические характеристики управленческого процесса, переход на высший уровень управления, который демонстрирует общечивилизационный уровень и выражает универсальные связи и явления, которые демонстрируют качественное развитие социума во всех сферах жизнедеятельности – экономической, политической, социальной, духовной. Поэтому в основе концепции ноосферного развития – качество принятия эффективных решений, достижение поставленных целей («древо целей»). Философия ноосферного управления как теоретико-методологическая основа концепции ноосферного развития развивается в темпоральном измерении и учитывает пространство и время, детерминированные ментальностью, в основе которой «жизненный мир» народа, общества, нации, государства. Практика развития современного общества свидетельствует, что в условиях глобальной трансформации человечества изменяются мотивы поведения, ценностные ориентации, социально-психологические особенности человека и его отношения к человеку, социуму, природе и самому себе. Глобализация влияет на распад стабильных социальных связей, в результате чего усиливаются иммиграционные тенденции, неадаптированность человека к вызовам глобализации, что приводит к увеличивающейся дестабилизации современного социума, падению жизненных стандартов, социально-психологической дезадаптации современного человека, и ноосферное управление направлено на преодоление деструктивных явлений и процессов.

Концепция ноосферного развития современного социума включает совокупность таких процессов, в которых соединяются три вида эволюции: природная, социальная и деятельностная. Концепция ноосферного развития современного социума базируется на научном менеджменте и когнитивном управлении, поскольку каждый раз следует отслеживать, как влияет ноосфера на природные и хозяйственные процессы, на духовное развитие и управленческие парадигмы. Ученые разработали социальные технологии когнитивного управления, которые находятся в основе философии управления и включают: 1) рефлексивное управление; 2) управление знаниями; 3) управление сообществами; 4) управление гражданским обществом; 5) инфраструктурное управление; 6) нормативное управление; 7) управление изменениями; 8) управление организаци-

онным развитием; 9) управление информационными системами. Использование неадекватной информации (теории) приводит к неадекватной практике управления и неадекватному принятию управленческих решений в условиях информационного общества и глобализации, потому в основу концепции следует положить адекватность, точность и объективность информации.

Концепция ноосферного развития современного социума базируется на синергетическом и нелинейном видении решения общецивилизационных проблем, в контексте решения которых возможен альтернативный переход от техногенной модели развития социума, в которой человек противопоставляется природе, к коэволюционной модели социума, которая акцентирует внимание на формировании ноосоциогенезиса. Ноосоциогенезис означает, что политика, власть и управление определяются сферой разума (ноосферой), морали и справедливости, базируются на научно-рациональной и морально-справедливой основе, ноосферных подходах к развитию современного общества. В ноосферном управленческом организме социума должна сформироваться каждая клеточка организма, чтобы быть стабильной к динамике космической жизни, ментальным вихрям, силовому влиянию со стороны других структур и институтов. Ноосферный взгляд вселяет веру в то, что человек в состоянии творить мир параллельно с природой, не разрушая мир, созданный им же самим, а способствовать гармоническому взаимодействию всех жизненных факторов [5].

Концепция ноосферного развития современного социума представляет собой такую гуманистическую сферу, в которой управление реализуется морально-справедливым разумом и глобальным интеллектом. Критерием концепции ноосферного развития является развитие и качество жизни человека, гуманистические ценности и знания человека, который живет в гармонии с окружающим миром и природой. В контексте концепции ноосферного управления выделяются особенности, которые влияют на функции управления социумом: 1) экологические особенности, потенциал территории (население), оценка социоприродных ресурсов страны (эко); 2) экологические ограничения (нормы) в способах взаимодействия с природой – экологичность территории в совокупности с технообеспечением (техно); 3) учет критериев безопасности территории в оценке состояния жизни населения (паспорт территории) и функции институтов общества, которые регулируют взаимодействие с природой (полис); 4) управление, которое базируется на принципах справедливости, этики и морали [6].

Концепция ноосферного развития современного социума нацелена на формирование интеллектуального измерения социума. В основе формирования ноосферного развития современного социума лежат волны базисных инноваций, определяемые научными открытиями и большими изобретениями, которые способствуют становлению интеллектуальной цивилизации благодаря внедрению новых технологий и новых моделей поведения, создавая предпосылки для социокультурных изменений. Изменение доминирующих поколений техники и технологий лежит в основе циклов, которые определяют изменение технологических или экономических укладов при переходе от одного цикла к другому, именуемых Кондратьевскими. Высокая волна эпохальных базисных инноваций демонстрирует собой переход к сверхдолгострочным цивилизационным циклам, определяемыми новым технологическим или энергоэкологическим способом производства, экономическим или социокультурным укладом, геополитическим мироустройством, который изменяет облик планеты и формирует условия ноосферного развития современного социума.

Условиями формирования ноосферного развития современного социума является инновационная среда, которая образуется в территориально замкнутых областях, где создаются условия для интенсивного трансфера научных знаний, которые внедряются в производство в виде новых товаров или технологий. Сюда относятся наукограды, тех-

нополисы, научные и технологические парки, инкубаторы бизнеса, зоны сложных технологий, научно-технические центры информационного общества, которое эволюционно переходит в «общество знаний». Информационное общество – самая развитая относительно технологического способа производства цивилизация, которая возникает вследствие информационно-компьютерной революции и базируется на интеллектуальных компьютерах, в которой главным ресурсом является интеллект. Интеллектуальная цивилизация – это цивилизация, детерминируемая технологической верой в прогресс человечества, определяемая творчеством, который базируется на знании и интеллекте [7].

Ноосферное развитие современного социума создается в условиях информационного общества и способствует формированию интеллектуальной элиты нации. Это процесс творческого созидания и творческой деятельности, в рамках которого происходит не только духовно-интеллектуальное обогащение человека и человечества, но и созидание технико-технологическое, способное обеспечить прорыв нации, чтобы создать ей достойное будущее в контексте цивилизационного измерения истории человечества [8].

В интеллектуальной культуре как совокупности деятельности, предметов, технологий, идей всегда находится некоторое противоречие, которое движет миром и способом существования человека с целью его выживания. Здесь следует перейти от ценностей выживания отдельного индивида к ценностям выживания всего человечества, потому что каждая нация и все человечество должны беспокоиться о своем развитии. Поэтому необходимо дать научное объяснение развития и формирования интеллектуальных систем в процессе протекания эволюции интеллектуальной системы в истории человечества (ноогенезис).

Объективные основы ноосферного развития базируются на: 1) расширении и укреплении хозяйственно-экономических связей разных регионов планеты; 2) потребности совместных усилий в борьбе с экологическим кризисом; 3) потребности совместных усилий в преодолении военной угрозы; 4) инновационных прорывах нации и человечества. Парадигмальный характер кризиса современной цивилизации состоит в нарушении равновесия между инструментальным (технико-технологическим) и аналитическим (духовно-душевым) отношением человека к самому себе и миру. Использование человечеством научной школы В. Вернадского открывает новые возможности становления ноосферного мышления как основы становления человечества как единого организма, в котором будет возрастать роль человека как преобразователя, который будет жить по законам коэволюции [3–5].

Формирование ноосферного развития современного социума происходит в контексте «технико-экономической парадигмы», в которой выделяются принципы, определяющие этапы экономического развития, сопровождающиеся технологическими революциями. Волны инноваций (эпохальные, базисные, совершенствующие) сопровождаются сменой поколений техники, которые являются материально-технической основой десятилетних и более экономических циклов. В зависимости от развития этих циклов, т.е. материально-технической основы развития той или иной страны, возрастает индекс интеллектуальности нации, который определяет уровень ее конкурентоспособности, стиль и качество жизни, условия для достойного существования и развития способностей индивидов, экономический и государственно-политический строй. Как подтверждает практика, в периоды кризисов наблюдается резкое сокращение числа и масштабов инноваций, смещается акцент к инновационно-прорывной модели развития, в основе которой последовательная реализация инновационной стратегии как на национальном, так и на глобальном уровнях. Многие философы приравнивают цивилизации к культурам, мы же стремимся приравнивать цивилизации к интеллекту, знанию, информации, которые в XXI в. становятся движущими силами интеллектуального развития.

Формирование концепции ноосферного развития современного социума как новой парадигмы современной инноватики исходит из того, что человечеству угрожает обострение глобальных кризисов, увеличивается напряжение, общество выживает в условиях больших рисков (экзистенциальных, организационных, экологических), что требует выработки новой концепции развития человеческой цивилизации. Сегодня следует сформировать концепцию ноосферного развития, в основе которой новая система интеллектуальных ценностей, а именно знание, инновации, образование, культура, наука, что в совокупности означает развитие человеческого капитала [9].

В современных условиях циклический мир вступил в стадию системного кризиса. На протяжении всей истории цивилизации – в течение 10 тыс. лет – раз в несколько сот лет совпадают три уровня циклов: кризис глобальной цивилизации, кризис мировых цивилизаций и локальных цивилизаций. И финансовые проблемы, о которых сейчас говорят, не главные. Самая главная – проблема глубинного кризиса духовного воспроизводства. Вторая большая проблема – демографическая. Третья проблема – продовольственный кризис, четвертая – энергоэкологическая, пятая – технологическая, шестая – экономическая и седьмая – финансовая. Можно согласиться с авторами монографии «Экономика цивилизаций в глобальном измерении», что «мы переходим в стадию жесткой цивилизационно-инновационной революции, потому что практически сменяется исторический суперцикл, происходит переход к постиндустриальной цивилизации и формирование 5-го поколения локальных цивилизаций» [9, с. 255].

Основные приоритеты концепции ноосферного развития современного социума: высокое качество образовательных услуг, качественное образование, развитие интеллектуального потенциала нации, развитие информационных технологий, формирование и стимулирование интеллектуального капитала нации, формирование нового стратегического мышления, утверждение нового социального статуса личности с учетом того, что главным стратегическим ресурсом страны является интеллектуальный (социальный, человеческий) капитал. Поэтому интеллект, образование, наука – главные составляющие национального богатства и основной ресурс социального, экономического, интеллектуального и социального прогресса. Главным механизмом формирования ноосферной цивилизации является инновационный механизм информационного общества, которое эволюционирует в «общество знаний» и может содействовать информационному единству мирового сообщества. В условиях стремительных бифуркационных изменений сегодня формируется новая парадигма (концепция, модель) развития общества, которая обуславливается преодолением энтропийных процессов в природе и социальной среде благодаря информационному творчеству, знанию, интеллекту, разуму, которые ведут к формированию ноосферно-разумно-морально-справедливого общества, в основе которого – опыт управляемой социоприродной эволюции, о которой мечтал В. Вернадский [3–5].

Философско-методологический аспект формирования концепции ноосферного развития современного социума как новой парадигмы XXI в. сводится к использованию следующих методов и подходов: 1) синергетический метод позволяет проанализировать развитие современного социума как нелинейную систему, которая развивается в нелинейном пространстве; 2) соединение синергетического и системного методов позволяет объяснить особенности развития современного социума в нормальном и катастрофическом состояниях; 3) метод системного и структурного анализа позволяет рассмотреть современное развитие социума как сложную социальную систему, которая имеет несколько подсистем, взаимодействующих с внешней средой; 4) структурно-функциональный и институциональный методы позволяют раскрыть содержание политических, экономических и культурных сдвигов в современном обществе; 5) антропологический и социокультурный подходы позволяют проанализировать социо-антропо-

логические, социо-экономические и социокультурные измерения ноосферного развития современного социума. Мы согласны с В.П. Андрущенко, который отмечает: «Интеллект еще не стал действенным фактором государство-культуро- и человекообразования, как того требует современная модель цивилизационного развития человечества. Первым и главным приоритетом государства в этом понимании является приоритет отрасли, где формируется и возрождается интеллект нации, – приоритет образования» [10, с. 461].

Формирование концепции ноосферного развития современного социума в контексте теоретико-методологического контекста требует философско-методологического исследования глобального информационного, сетевого, информатического, коммуникационного общества, так как речь идет о рациональности нового типа, ибо на смену социальной линейности как выражению гомогенности социальных структур и отношений приходит социальная нелинейность, которая указывает на имеющиеся отличия. Освоение прорывных технологий шестого уклада: нанотехнологий, биотехнологий, информационно-коммуникационных технологий, развитие образования, медицины, машиностроения, высокотехнологичной эффективной энергетики, производство продовольствия, развитие экологически чистого транспорта – должно стать основой перспективной инновационно-интеллектуальной стратегии государства и больших корпораций [10].

Таким образом, проанализировав условия формирования концепции ноосферного развития современного социума в теоретико-методологическом контексте, сделаем следующие выводы: в концептуальной парадигме концепции ноосферного развития современного социума сходятся все проблемы современного социума: онтологические, аксиологические, управленческие, гносеологические. Именно кардинальная трансформация современного социума в условиях информационного общества произойдет благодаря культуре, которая должна сыграть роль компенсаторского фактора, который включается в периоды катастроф, трансформаций и способствует возобновлению нарушенного баланса инструментального и гуманитарного характера, под которым мы понимаем развитие интеллекта, знания, образования.

Формирование концепции ноосферного развития современного социума направлено на то, чтобы реализовать идеи В.И. Вернадского о развитии гармонических отношений в онто-социо-природных процессах человеческой жизнедеятельности на основе знания, религии и философии. Ноосферная концепция осмысливает представление об особой роли человека во Вселенной как единственном носителе разума и направлена на формирование диалога (полилога) между людьми различных культурных традиций, национальностей, религиозных конфессий, гендерных отличий.

В ноосферной концепции социального организма страны как мире-онтосе континууме должна сформироваться здоровой каждая клетка организма, чтобы быть достаточно устойчивой к динамике космической жизни, ментальным вихрям, силовому влиянию со стороны различных структур. Ноосферный взгляд на динамику общественного движения вселяет веру в то, что на вершине развития должен быть человек, который в состоянии создавать мир параллельно с природой, не разрушая мира, созданного им же.

Философско-методологический аспект исследования концепции ноосферного развития современного социума позволяет выявить проблемы, которые стоят на пути достижения конкурентного потенциала, чтобы глубоко проникнуть в современное понимание управления современным обществом, которое является информационно-коммуникационным управлением, раскрыть тенденции развития современного социума в достижении конкурентоспособности и их влияния на цивилизационное развитие современного мира.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базалук, О. А. Мироздание: живая и разумная материя (историко-философский и естественнонаучный анализ в свете новой космологической концепции) : монография / О. А. Базалук. – Днепропетровск : Пороги, 2005. – 412 с.
2. Базалук, О. А. Теория эволюции: От космического вакуума до нейронных ансамблей и в будущее : монография / О. А. Базалук. – Киев : МФКО, 2014. – 312 с.
3. Вернадский, В. И. Бисфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М. : Айрис Пресс, 2007. – 576 с.
4. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1989. – 261 с.
5. Вернадский, В. И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1991. – С. 77.
6. Воронкова, В. Г. Філософія гуманістичного менеджменту (соціально-антропологічні виміри) : монографія / В. Г. Воронкова. – Запоріжжя : РВВ ЗДІА, 2008. – 254 с.
7. Воронкова, В. Г. Філософія розвитку сучасного суспільства: теоретико-методологічний контекст : монографія / В. Г. Воронкова. – Запоріжжя : РВВ ЗДІА, 2012. – 262 с.
8. Пунченко, О. П. Цивилизационное измерение истории человечества : монография / О. П. Пунченко. – Одесса, 2013. – 448 с.
9. Экономика цивилизаций в глобальном измерении : монография / под ред. А. А. Пороховского, В. Н. Тарасевича. – М., 2011. – 768 с.
10. Андрущенко, В. П. Організоване суспільство: проблема організації та суспільної самоорганізації в період радикальних трансформацій в Україні на рубежі століть: досвід соціально-філософського аналізу / В. П. Андрущенко. – Київ : Атлант ЮЕ-мСІ, 2006. – 502 с.

Рукапіс паступіў у редакцію 01.03.2016

Voronkova V.G., Azhazha M.A. The Formation of the Concept of Noosphere Development of Modern Society in the Conditions of Information Society

The conditions of formation of the concept of noosphere development of modern society, based on the ideas of V. Vernadsky about noosphere are analyzed. The categorical apparatus of the themes associated with the concepts «biosphere», «noosphere», the «noosphere thinking», «academic governance» that is defined by a sphere of reason, morality and justice and are based on scientific and rational and moral and equitable basis is justified. The directions of optimization of policy, government, governance, which constitute the essence of the concept of noosphere development of modern society in the conditions of information society, are revealed.

УДК 17.022.1

Е.В. Беляева*канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии культуры
Белорусского государственного университета***НРАВСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ ХЛЕБА И КНИГ:
ТРАНСЛЯЦИЯ В ПРАКТИКАХ ПОВСЕДНЕВНОСТИ***

К практикам повседневности, связанным с хлебом, относится собственное хлебопечение и покупка хлеба, выбор сорта хлеба, обращение с ним и с его остатками. В них транслируются такие нравственные ценности, как благо, ценность семьи, ценность трудолюбия. К числу практик, связанных с книгами, относится приобретение книг и расставание с ними, обмен книгами, собирание библиотек, чтение текстов на тех или иных носителях, обращение с книгой как предметом обихода. В них проявляется нравственная ценность общения путем передачи знаний, в том числе между поколениями. Традиционные нравственные ценности транслируются не только и не столько в форме убеждений и установок сознания, но непосредственно в практиках повседневности. Нравственные характеристики практик, связанных с хлебом и книгами, устойчивы и не зависят от пола, возраста и профессии людей.

Введение

Изучение культуры через практики повседневности стало трендом мировой гуманитаристики. В этическом исследовании, анализируя характер практик, можно делать выводы относительно того, как нравственные ценности транслируются в современной культуре. Это выгодно дополняет картину нравственной жизни, не ограничивая ее представлениями морального сознания.

Всякую деятельность человека можно рассматривать как этически нагруженную, однако, выбирая практики для этического анализа, стоит сосредоточиться на тех, которые традиционно считаются носителями нравственных ценностей: практиках, связанных с хлебом, и практиках, связанных с книгами. Связь между хлебом телесным и хлебом духовным суть важнейшая метафора культуры, повседневное бытование которой стало предметом данного исследования.

Для получения эмпирического материала было проведено 60 стандартизированных интервью столичных жителей (г. Минск). Из них 37 женщин и 23 мужчины, возрастной состав которых колебался от 18 до 85 лет. В профессиональном отношении 27 человек относятся к гуманитарным профессиям, а 33 – к негуманитарным. При этом в число интервьюируемых были заведомо отобраны читающие люди. Сделанная выборка не является количественно репрезентативной, однако позволяет установить связи между аксиологическим содержанием различных практик.

Нравственные ценности в практиках повседневности, связанных с хлебом

Практики, связанные с хлебом, – это собственное хлебопечение и покупка хлеба, выбор сорта хлеба, обращение с ним и с его остатками. В них реализуются и формируются ценностные, в том числе нравственные, ориентации человека.

Как отмечают исследователи народной белорусской культуры, хлеб – наиболее сакрализованный вид еды. Образ хлеба как символа коллективной и персональной доли, добра и оберега от злых сил широко используется во всех жанрах белорусского фольклора [1, с. 532–533]. Хлеб – несомненное добро, его наличие само по себе благо. Будучи основным продуктом питания, он вполне естественно воспринимался как основа жизни, критерий ее благости и доброты. Другая нравственная ценность, которая воплощена в хлебе – это трудолюбие. Известная белорусская сказка «Легкий хлеб» содер-

*Статья написана при поддержке гранта БРФФИ-РГНФ Г15Р-002

жит явную мораль: легкого хлеба не бывает. Поэтому бережное отношение к хлебу подчеркивает уважение чужого и своего труда. Третья ценность, воплощенная в хлебе, – это ценность семейного очага, в котором и пекся хлеб, ценность семьи как единого нравственного организма.

Наблюдая трансляцию традиционных практик, связанных с хлебом, можно было бы умозаключить и о трансляции ценностей, инкорпорированных в эти практики. И наоборот, разрушение практик ведет к разрушению моральных ценностей. Однако картина современного положения вещей несколько ассиметрична.

Как и в прежние времена, хлеб в белорусской культурной традиции – это черный хлеб, его преимущественно и покупают. Собственной ручной выпечкой хлеба занимаются в одной трети столичных домохозяйств, однако делают это нечасто. Кулич на Пасху и еще пару раз в год пироги по праздникам – вот и все. Хлебопечение из повседневной и рутинной практики превратилось в эксклюзивную деятельность, в которой нет хозяйственной потребности. Те, кто занят ею, не столько воспроизводят традицию, сколько имеют личные мотивы, связанные с творческим самовыражением и, конечно, с любовью к семье. Хлебопечение не столько укрепляет семейные связи, сколько является свидетельством их прочности. Не столько сама практика транслирует нравственные ценности семьи (их можно сохранять и помимо кулинарии), но, напротив, нравственные отношения в семье побуждают ее членов сохранять некую требующую дополнительных усилий традицию питания, выражающую любовь и заботу.

Рецепты хлебопечения могут считаться маркерами сохранения традиции. Однако в городской среде семейные рецепты (которым следуют 12 человек) конкурируют с рецептами, почерпнутыми у знакомых, из книг, кулинарных передач и Интернета (10 человек). Самостоятельное изготовление хлебобулочных изделий уже не связано напрямую с воспроизведением традиционных приемов хлебопечения.

Культура обращения с хлебом включает также манеру обращаться с его остатками, т.е. проблема корок – это этическая проблема. Вся народная традиция предписывала бережно относиться не только к хлебу, но и к его кускам, крошкам. Экономно его отрезать и, конечно, не выбрасывать. В этом плане традиционные практики имели как экономический, так и символический смысл. Т.А. Новгородский подробно описал роль и место хлеба в народной культуре: «С детства у белорусов воспитывали уважение к хлебу как самому главному богатству... Было большим грехом обронить крошку хлеба. Если же кусочек хлеба падал случайно, то его поднимали, целовали и клали в рот. Запрещалось крошить хлеб: кто это делает, тот никогда не будет иметь хлеба... Весь нарезанный хлеб было принято съедать. Если же случалось, что он оставался, его сушили на сухари и готовили традиционный напиток – хлебный квас» [2, с. 173–174].

Современные столичные жители продолжают те же практики. У некоторых хлеб съедается целиком и практически не остается (14 человек); многие сушат сухари и используют их в других блюдах, вывозят на дачу и в деревню (23 человека); другие кормят птиц и животных (21 человек); и, наконец, 12 человек (20%) время от времени выбрасывают остатки хлеба. Нелегко определить, в какой мере позитивные практики сбережения хлеба мотивированы уважением традиции, а в какой – личными моральными принципами или практическими соображениями.

Для прояснения мотивации респондентам был задан ряд вопросов об их отношении к хлебу и происхождении этого отношения. В первую очередь приходится констатировать, что для современного столичного жителя хлеб во многом утратил свое особое значение: «хлеб – это просто еда» (34 человека). У тех, кто выразил особое отношение к хлебу, оно мотивируется различными аргументами, в том числе гедонистическими: (хлеб – это «любимая еда») и практическими («это необходимый продукт на столе», «необходимое в жизни»). Только у пяти респондентов в беседе присутствовали элемен-

ты религиозного дискурса: «бабушка приводила цитаты из Библии про хлеб», «выбрасывать хлеб – грех», «когда хлеб падал, его надо было поднять и перекрестить», «хлеб – это сакральное», «это культовая еда». Среди нравственных мотивов особого отношения к хлебу выделяется уважение чужого труда.

Для изучения происхождения ценностных установок, связанных с хлебом, в интервью был затронут вопрос о нравственном воспитании в детстве, о той нравственной культуре, которая передается из поколения в поколение в живом общении. Большинство респондентов вспоминают, что в детстве у них воспитывали особое отношение к хлебу (только 9 человек не помнят такого). Логично было предположить, что у тех, кто помнит такое воспитание, нравственное отношение к хлебу будет присутствовать, а у «невоспитанных» будет более пренебрежительное отношение к ценностно не нагруженному продукту. Между тем это далеко не всегда закономерность. Из 34 человек, для кого хлеб – это просто еда, у 28 воспитывали особое отношение к хлебу, однако это не сказалось на их современной практике однозначно: трое из них (около 10%) все-таки выбрасывают хлеб. А вот среди тех, кто не помнит процесса нравственного воспитания, связанного с хлебом, процент выбрасывающих существенно больше – 30%.

Главными воспитателями в этом деле выступают бабушки, т.е.: а) женщины, б) женщины, пекущие хлеб, в) пожилые женщины, причастные к традиции. На втором месте идут родители, в особенности мама. Представители мужского пола упоминаются всего 4 раза. О школе как воспитательном учреждении вспомнили 5 человек и еще двое сослались на общее воспитательное значение культуры.

Содержание нравственного воспитания относительно хлеба, осевшее в памяти респондентов, вполне традиционно. Наиболее часто повторяемая людьми всех возрастов заповедь: не выбрасывать («не выбрасывай – будешь голодать», «это неправильно, не по людски»). Другая заповедь: доедать. Ее чаще упоминают люди старшего возраста, ссылаясь на практику еще более отдаленных поколений («дед наблюдал за детьми, чтобы они не проронили ни кусочка, ни крошки испеченного домашнего хлеба во время еды» (68 лет); «дед собирал крошки со стола и бросал в рот» (85 лет); «маленький кусочек всегда надо доест, бери хлеба столько, сколько можешь съесть» (60 лет)). Еще одна распространенная установка – не баловаться с хлебом: не крошить, не разбрасывать. В качестве аргумента, обосновывающего такие правила, приводится народная поговорка «хлеб – всему голова». Другим аргументом является уважение труда («в школе объясняли, что хлеб – это человеческий труд, который нужно уважать и ценить»; «в семье рассказывали, сколько сил затрачено, чтобы вырастить хлеб»; «папа – из колхоза, он знал, как это тяжело – вырастить хлеб»). Хлеб – это воплощенный труд, большой труд, тяжелый труд. Третий аргумент бережного отношения к хлебу – это воспоминания о войне и голоде. Шесть респондентов от 20 до 68 лет обратились к этой мысли, вспоминая чаще всего опыт своих бабушек. Респонденты разных возрастов говорят практически об одном и том же («Учили не ломать хлеб, а резать, не оставлять излишки, брать столько, сколько съешь, чтобы хлеб был всегда прикрыт» (63 года); «Учили, что хлеб бесценен. Бабушка у меня еще войну застала, и не одну. Она пережила и гражданскую войну, и Великую Отечественную, поэтому у нас в семье было всегда особое отношение к хлебу. У нас хлеб не выбрасывают. Нельзя, по рукам раньше били» (41 год); «Всегда обязательно нужно было скушать весь хлеб, который ты начал кушать. “Хлеб – всему голова”, поэтому его нельзя выкидывать» (20 лет)). Таким образом, там, где историческая нравственная традиция сохраняется, она транслируется в практически неизменных практиках и сопровождающих их аргументах.

Нравственные ценности в практиках повседневности, связанных с книгами

К числу практик, связанных с книгами, относятся такие, как приобретение книг и расставание с ними, обмен книгами с другими людьми, собирание библиотек, чтение текстов на тех или иных носителях, обращение с книгой как предметом обихода.

По сравнению с хлебом, традиция ценить книги является не столь исторически глубокой, и, кроме того, она затрагивает чаще всего образованные слои общества. В народной культуре отношение к книге было двойственным, что отразилось в пословицах и поговорках. С одной стороны, подтверждается высокая значимость книги в жизни человека: «кто много читает, тот много и знает», «с книгой жить – век не тужить»; с другой – проявляется скептическое отношение к книжной учености: «книги читай, а дела не забывай», «книга книгой, да и своим умом двигай».

Книжная культура с момента своего возникновения была связана с духовными и нравственными ценностями. Создание книг свидетельствовало о духовных запросах общества, в книгах транслировались его нравственные ценности. До эпохи массового книгопечатания книга была редким и дорогим предметом, носителем ценной информации, под влиянием чего сложился культ книги, отношение к ней как к сакральному объекту, благоговейные практики обращения с ней. Сама манера обращения с книгами свидетельствовала о значимости таких нравственных ценностей, как человеческая мысль и труд, духовное наследие предков, знание в противовес невежеству. Традиционные практики, связанные с книгой, предполагали, что у нее должно быть свое место (библиотека, полка) и время, отдельное от труда и развлечений. Общение с книгой предполагало гигиеническую, а подчас и ритуальную чистоту. Книгу как творение человеческих рук нельзя портить, наносить ей какой-либо ущерб. Как величайшую ценность, книги надо собирать, хранить, копить. Делиться книгами – жест духовной щедрости, признание духовного союза и душевного расположения к человеку.

В современном обществе произошли целых две революции, принципиально изменившие практики людей, связанные с книгами. Одна из них – удешевление их производства и появление массовой литературы, упрощенной и по качеству издания, и по содержанию. Другая перемена связана с появлением многообразных электронных носителей текста, следствием чего стало изменение отношения к книге как предмету. С одной стороны, распространяется пренебрежительное отношение к книгам как легко восполняемому ресурсу, с другой – возвращается уважение к хорошо изданной содержательной книге. Социологические данные говорят о том, что треть белорусов вообще не читает книг, половина никогда не покупает книги [3], не более 2% семей имеют домашнюю библиотеку, превышающую 1 000 томов [4].

В какой степени жители белорусской столицы затронуты этими тенденциями, исследовалось на основе интервью, темой которых было не количество и содержание прочитанных текстов, а практические способы обращения с книгой как предметом, та культура повседневности, в которой, как предполагалось, и транслируются нравственные ценности.

Только 90% опрошенных сообщили о наличии домашних библиотек. Создалось впечатление, что под «библиотекой» некоторые люди понимают какое-то особое собрание книг, а не простое их наличие. В основном домашняя библиотека насчитывает от нескольких десятков до нескольких сотен книг, и только два человека сообщили о тысячах томов в домашней библиотеке. Большинство этих собраний имеют короткую историю: книги приобрел сам владелец и ближайшие родственники.

С появлением электронных носителей информации большинство людей стали ими пользоваться, не отказываясь от книг на бумажном носителе (65%). Тех, кто читает исключительно электронные тексты, оказалось 5 человек, принадлежащих к самым разным поколениям (19, 28, 38, 60 и 61 год). А вот среди тех, кто предан исключительно

бумажным книгам (25%), только двое моложе 30 лет. Отсюда напрашивается вывод, что молодые люди закономерно приобщены к электронным носителям информации, а старшее поколение разделилось на тех, кто их освоил, и тех, кому это не понадобилось. Люди, читающие тексты на электронных носителях, чаще всего имеют не одно такое устройство (ридер, планшет, смартфон, ноутбук, стационарный компьютер). Между тем это не побуждает людей массово избавляться от бумажных книг. Изобилие электронных носителей текстов повлияло на отношение к книгообмену, который в прежние времена, в том числе советские, был важнейшей нравственной практикой, основой сплочения интеллигентных сообществ. Делиться книгами – значит делиться сокровенными идеями и переживаниями, доверять человеку как в материальном (этот человек книгу вернет), так и в духовном плане. Сейчас на вопрос «даете ли Вы книги знакомым?» 63% ответили «да, конечно», а 20% – «нет, никогда». При этом отказ делиться книгами вызван отнюдь не жадностью, а отсутствием спроса, так как «книги сейчас никому не нужны, их никто не просит». Готовых дать на время книги знакомым (63%) вдвое больше, чем тех, кто сам их одалживает (30%). Люди все реже обмениваются бумажными изданиями, зато процветает электронный оборот текстов и форумы для обсуждения прочитанной литературы.

Отношение к бумажной книге как к особому предмету, что было главным признаком книжной культуры, по-прежнему разделяла половина наших собеседников, другая же половина ценит в книге исключительно содержание. Главную роль в привязанности к бумажным изданиям играют тактильные ощущения: «приятно держать в руках», «приятно пощупать». Для некоторых респондентов книга как предмет сохраняет свой сакральный статус: «Книга – одушевленный предмет», она «греет душу». «Электронные книги мне не нравятся, ибо мертвые». «Когда читаешь в бумажном варианте, то это своего рода ритуал, т.е. нужно специально выбрать время». «Со школьных времен это еще. Когда переворачиваю страницу, это какой-то эпизод закончился и начинается новый эпизод. Что-то такое вот необыкновенное начинается» (мужчина, 41 год).

Однако изменение статуса бумажных книг не повлияло на практику обращения с ними. Только 5 человек сказали, что они их не берегут, при этом двое высказались в пользу того, что беречь книги все-таки стоит. Способы поддержания сохранности книги транслируются из традиционной книжной культуры в полном объеме: не загибать страницы, не брать грязными руками, держать в особом месте, на полке, в шкафу, читать в обложке, обращаться аккуратно, бережно, пользоваться закладкой, стирать пыль, подклеивать, реставрировать. Трое респондентов сами заговорили о том, что нельзя совмещать чтение и еду, нельзя читать на кухне. Так, сакральные практики, связанные с хлебом, должны быть отделены от сакральной деятельности, посвященной книге.

Мотивация практик заботы о книге у людей существенно различается. Ведущий мотив – утилитарный (45%). Книги надо беречь, «чтобы не покупать заново и не тратить дополнительные ресурсы»; «они дольше прослужат»; «они мои, моя собственность»; «любую вещь необходимо беречь, а не портить». Другим важным мотивом выступает осознание роли книги в поддержании связей в человеческом сообществе (23%): «книги – результат человеческого труда»; «я берегу книги, которые беру у других». Кроме того, книги воплощают историческую связь поколений: «после меня будут читать другие»; «книги нужно беречь, чтобы использовать долго, передавать из поколения в поколение»; «старые книги будут передавать энергию дальше»; «книги хранят в себе важную информацию для истории». Еще одна группа мотивов (21%) также носит духовно-нравственный характер: особое отношение к книгам – это «показатель общей культуры», «показатель интеллекта, воспитанности, отношения к источнику знаний». Книга – «это мысли и чувства живого человека, которому есть чем поделиться с тобой», «книги представляют собой одну из составляющих духовной жизни», «это источ-

ник духовной радости». Экологические аргументы в духе «деревьев жалко» привели 5 человек. И, наконец, трое охарактеризовали практику бережного обращения с книгами как привычку.

Заключение

В ходе исследования было обнаружено, что в практиках повседневности современных жителей белорусской столицы: 1) самостоятельное хлебопечение происходит не в результате трансляции традиции, а по личным моральным мотивам любви и заботы о семье; 2) воспитание в детстве не оказывает существенного воздействия на последующее отношение человека к значимости хлеба, но оказывает влияние на практическое экономное, бережное отношение к нему; 3) лидерами нравственного воспитания и ответственными за трансляцию нравственного отношения к хлебу являются женщины вообще и бабушки в частности; 4) практики, связанные с хлебом, транслируют такие нравственные ценности, как благо, ценность семьи, ценность трудолюбия; 5) влияние традиционной нравственной культуры в большей мере сказывается на уровне практик повседневности, чем на уровне убеждений и принципов; 6) если практика, связанная с хлебом, сохраняется, то ее нравственное содержание транслируется у последующих поколений в неизменном виде.

В практиках повседневности, связанных с книгами проявились следующие тенденции: 1) широкое распространение книг на электронных носителях не приводит к отказу от бумажных изданий и практики бережного отношения с ними; 2) главной нравственной ценностью, транслируемой в практиках, связанных с книгами, является ценность общения путем передачи знаний, в том числе между поколениями; 3) несмотря на то, что половина опрошенных ценит в книге исключительно содержание, люди продолжают беречь бумажные книги, сохраняя сложившиеся практики аккуратного обращения с ними; 4) ценности традиционной книжной культуры транслируются в полном объеме именно в практиках повседневности; 5) характер практик, связанных с книгами (как и в случае с хлебом), не зависит от пола, возраста или профессии респондентов.

Между двумя видами практик не было обнаружено корреляции. Культурная метафора книг как «хлеба духовного» существует на уровне мышления, но не в контексте практик повседневности. Не подтвердилось существование консервативной части столичных жителей, которые предпочитают традиционные виды хлеба, трепетно к нему относятся и бережно читают исключительно бумажные книги. Точно так же не существует социально определенной группы лиц, устойчиво отвергающих нравственную традицию обращения с книгами или хлебом. Отказ от каждой из традиций носит индивидуальный и ситуативный характер. Невзирая на приверженность неким убеждениям и принципам на уровне сознания, некоторые люди не воспроизводят соответствующие им практики; влияние традиционной нравственной культуры в большей мере сказывается на уровне практик повседневности. И если некоторая культурная практика сохраняется, то ее нравственные ценности транслируются на протяжении многих поколений в неизменном виде.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лобач, У. А. Хлеб / У. А. Лобач // Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўнік / С. Санько [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 2004. – С. 532–533.
2. Новгородский, Т. А. Хлеб в традиционной культуре белорусов XIX – начала XX века / Т. А. Новгородский // Хлеб в народной культуре : этногр. очерки / отв. ред. С. А. Арутюнов, Т. А. Воронина ; Ин-т этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. – М., 2004. – С. 173–174.

3. Мы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belmy.by/mobile.html?n=17840>. – Дата доступа: 13.02.2016.

4. Белорусский журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://journal-by.com/news/knigi-v-musor-pochemu-belarusy-perestali-chitat-492>. – Дата доступа: 13.02.2016.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05.03.2016

Belyaeva E.V. Moral Value of Bread and Books: Translation in the Everyday Practices

The practice of the everydayness, which is associated with bread, includes baking of bread and buying it, a selection of bread, treating it and its remains. They compile such moral values as good, family values, diligence. Among the practices associated with books, there are the acquisition of books and parting with them, an exchange of books with others, collecting of libraries, reading texts on various devices, the attitude to the book as an object. Moral value of communication through the transfer of knowledge, including between generations is manifested. Traditional moral values are compiled not only and not so much in the form of beliefs and attitudes of consciousness, but directly in the practices of everyday. Moral characteristics of practices associated with bread and books, are stable and do not depend on gender, age and profession of people.

УДК 001.8 (303.4)

О.Н. Иванчина*канд. филос. наук, доц., зав. каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД
В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Междисциплинарные исследования рассматриваются как наиболее перспективные в постнеклассической науке. Автор выделяет наиболее значимые области междисциплинарного взаимодействия в социогуманитарных науках: экономике, праве, истории. В статье приводятся сведения о самых известных современных междисциплинарных исследованиях. Утверждается, что философия должна выступать как методологическая основа и как система ценностных ориентаций для современной науки.

Введение

Современная наука сохраняет классификатор, то есть деление на отдельные области знания. Однако всё более перспективными и интересными выступают исследования, которые могут интегрировать в себе знания, относящиеся к совершенно разным, иногда противоположным областям. Данные исследования обозначены как стратегически важные для инновационного развития, они включены Государственным комитетом по науке и технологиям Республики Беларусь в перечень государственных программ научных исследований на 2016–2020 гг. (п. 11 гласит: «Преодоление внутриотраслевых пределов технологического развития путем проведения *междисциплинарных исследований и разработки принципиально новых методов*») [1]. В перечне приоритетных направлений исследований для Республики Беларусь на 2016–2020 гг. в пункте 12 значатся «междисциплинарные исследования» [2]. Современный неклассический (постнеклассический) этап в развитии науки находится накануне перехода к новой научной парадигме, где возможно синергетическое взаимодействие между социогуманитарным и естественно-научным знанием. Такое взаимодействие может породить неожиданный эффект. Количественное накопление эмпирического материала может выводить исследователя на качественно новый уровень познания. Таким образом, синтез уже имеющего знания из различных наук при использовании новых подходов, методов может привести к новому знанию, возможно, в виде появления не только новых методов и принципов, но и новых наук.

В настоящее время наука переживает очередной этап становления, отличающийся тенденциями синтеза различных областей знания. В XIX – начале XX в. имела место противоположная тенденция – отделение друг от друга различных наук, которые долгое время имманентно существовали как целостное научно-философское пространство. Так появились религиоведение, культурология, политология, антропология и многие другие отдельные науки. Во второй половине XX – начале XXI в. начинается процесс синтеза научного знания. Возникают такие междисциплинарные науки, как психолингвистика (1953 г.) и конфликтология (середина XX в.). В начале XX в. в американских университетах как отдельная область знания появились PR-технологии (другое название – «Связи с общественностью»). PR-технологии генетически всегда были связаны с философией, идеологией, теорией управления, политэкономией.

На основе философского знания и методологии сформировались такие классические междисциплинарные подходы, как имогология и герменевтика. Имогология представляет собой синтез психолого-культурологического и искусствоведческого подхода о восприятии «чужих», «других». Герменевтический подход основан на правильной интерпретации и понимании. Этот междисциплинарный подход в настоящее время успеш-

но применяется в различных областях (юридическая герменевтика, философская герменевтика, искусствоведческая герменевтика, филологическая герменевтика).

В XXI в. имеет место устойчивая тенденция – рост количества ссылок в научных исследованиях на работы из других областей знания. Судя по всему, тенденция будет усиливаться, как и увеличение числа междисциплинарных исследований.

Целью данной статьи является выявление сущности междисциплинарного подхода, анализ его возможностей. Для реализации цели данного исследования необходимо было решить следующие задачи:

- сформулировать дефиницию междисциплинарного подхода, выявив иные формы взаимосвязей между науками;
- репрезентировать устоявшиеся (кодифицированные) междисциплинарные исследования;
- привести примеры применения междисциплинарных исследований в различных областях знания.

Библиография и источники

Междисциплинарные исследования становятся всё более актуальными в условиях большого количества информации, которую необходимо структурировать в связи с быстрым её устареванием. Знания (информация), которые теряют свою значимость, требуют непрерывного обновления образовательных компетенций. Исследователю приходится погружаться в новые для него сферы. Это явление породило большое количество исследователей, получивших образование в различных науках и специальностях, не связанных напрямую между собой. Экономические условия и рынок труда обусловил феномен «вечного студента», вынужденного постоянно учиться. Повышение качества образования явилось не только научным, но и социально-экономическим фактором инновационного развития. В связи с этим проблема междисциплинарности становится темой конференций [3], научных семинаров, публичных лекций [4], монографий [5] и статей [6]. Среди исследователей междисциплинарности можно назвать имена таких учёных, как Г. Беккер (США) [7], С. Левитт (США) [8], С.М. Гуриев (Россия, Франция) [9], Я.С. Яскевич (Республика Беларусь) [10].

Для проведения исследования использовались следующие методы:

- 1) дескриптивный (для описания способов и подходов взаимодействия различных наук друг с другом);
- 2) компаративного анализа (для выделения и сравнения междисциплинарного знания в основных науках).

Способы взаимодействия между науками

Изменяется мир – изменяется научное познание, его подходы и методология. В настоящее время можно выделить четыре ракурса междисциплинарного взаимодействия:

- 1) трансдисциплинарный (вертикальное взаимодействие);
- 2) междисциплинарный (горизонтальное взаимодействие);
- 3) интердисциплинарный (интегрирует и вертикальное, и горизонтальное взаимодействие);
- 4) мультидисциплинарный (предполагает одновременное использование данных многих наук; мультидисциплинарные исследования стремятся представить общую картину, в которой присутствуют части, при этом не происходит переноса методов из одной науки в другую науку).

Явление, которое рассматривается в данной статье, не новое. Ещё древнегреческий философ Аристотель (IV в. до н.э.) прослыл великим энциклопедистом, синтезируя

и анализируя различные области знания. Однако на современном этапе развития науки, который характеризуется огромным приростом знания за короткое время, феномен междисциплинарности приобретает новые характеристики. Так, во-первых, при завершении конкретного исследования нередко возникает проблема: к какой области наук отнести данную работу? Многие работы представляют собой синтез различных дисциплин. Особенно это актуально для социально-гуманитарного знания, всегда связанного с бытием человека.

Во-вторых, многие исследования приобретают новизну именно из-за «соединения несоединимого». Это могут быть работы, связанные с использованием нового категориального аппарата, заимствованного из других наук, с аппликацией концепций и подходов, существующих в иных областях знания и др. Среди самых перспективных междисциплинарных подходов в настоящее время выделяют нанотехнологии и синергетику. Синергетика представляет собой теорию открытых, неравновесных, самоорганизующихся систем. В качестве таких систем можно рассматривать общество (любые социальные сферы), природу, человека, науку и т.д. Категориальный аппарат синергетики применим к любому предмету исследования (точка бифуркации, флуктуации, неравновесность, самоорганизация и др.). На возможности самоорганизации мельчайших частиц основываются нанотехнологии.

В-третьих, современное образование, по сути, основано именно на междисциплинарном взаимодействии: многие учебные курсы являются синтезом разных областей научного знания. Для подготовки специалиста необходимо обучение навыку самостоятельного обучения, постоянного образования, использования данных разных областей знания. Необходимость постоянного повышения квалификации, конкуренции на рынке труда обуславливает динамичное развитие государства.

В-четвёртых, даже исследователи, включённые в рамки одной конкретной науки, неодинаково задают проблемные вопросы и неодинаково на них отвечают. Тем более междисциплинарное взаимодействие будет означать отсутствие системы координат, точек отсчёта и опоры в проведении исследования.

Междисциплинарность в идеале должна стать основой для формулирования новой методологии. Однако в реальности это нередко осуществляется в феномене обрывочных, логически несвязанных знаний, получившем название «мозаичное мышление».

Междисциплинарные исследования имеют свой предмет, цели, задачи, методологию. Поэтому они представляют собой целостное видение научной проблемы и пути её разрешения. Все научное знание исторически основано на философии – источнике гуманитарного измерения в исследовательской деятельности. Поэтому и возник феномен «философских наук» (культурология, этика, эстетика, религиоведение). Помимо этого, философия является методологией для любых других направлений научного познания. Поэтому междисциплинарные связи между философией и различными науками можно назвать естественными, генетическими. На основе философского мышления и методологии возникли синтетические дисциплины, такие как «Философия права», «Философия бизнеса», «Философия техники», «Философские проблемы естествознания» и др. Позже появились не только междисциплинарные предметы, но и целые специальности, как, например, «Экономическая кибернетика», «Экономическая социология», «Психология предпринимательской деятельности», «Политический менеджмент». Однако в любой науке можно найти генетические философские основания – методологию и ценностные ориентации исследователя.

Междисциплинарные исследования в экономике

В экономической науке появилось большое количество направлений, которые условно можно назвать «новым экономическим мышлением». К ним относят экономет-

рику, нейроэкономику, фриконику (фрикоэкономику) и др. Экономическая теория ещё в XIX в. претерпела значительные изменения (марксизм, английские политэкономические концепции, французский утопический социализм), однако в начале XXI в. экономика стала настолько интегративной дисциплиной, что связи этой науки с биологией, политикой, правом, социологией уже не удивляют. И тем не менее самые последние исследования междисциплинарного характера являются достаточно непредсказуемыми и неожиданными. Среди них можно выделить следующие:

1. Экономика красоты. Исследования позволяют проследить, насколько вырастают доходы человека в зависимости от того, сколько денег и времени он вкладывает в свой внешний имидж. Нейроэкономика исследует поведенческое поведение и поведенческие финансы.

2. Экономика счастья. Современные международные исследования позволяют говорить о степени удовлетворённости жизнью людей в разных государствах, при разных политических режимах, в разном возрасте и социальном статусе. Выявлена зависимость между экономическим ростом и ростом удовлетворённости жизнью. Но не только экономические факторы влияют на удовлетворённость жизнью и ощущение счастья, однако именно экономические аспекты измерить проще всего.

3. Экономика и человеческий капитал (социальный капитал, исследование взаимности). Общество может быть богатым не только благодаря растущему ВВП, но и нематериальным активам, среди которых можно назвать следующие: доверие, солидарность, образование, институт семьи, благотворительность, безопасность, терпимость. Размер и свойства этого человеческого капитала сегодня осмысливаются не только в философии и политологии, но и в экономике [4; 7]. В настоящее время стало возможным просчитать зависимость экономического роста от качества образования [11]. Очевидно, что инновационная экономика базируется на успешном внедрении новых технологий.

4. Экономика и ценность человеческой жизни. Ценности, отношения, социальные взаимодействия изучаются для определения не только духовной, но и экономической ценности-стоимости жизни (например, в разных странах отличаются социальные выплаты по страхованию в результате причинения вреда здоровью или лишения жизни).

5. Политические риски в ведении международного бизнеса. Оценку рисков политического характера просчитывают экономисты вместе с политологами. Методики «Принц», «Бери» для характеристики политических рисков и управления ими разработаны на стыке мировой экономики, экономической географии, политической теории.

Данные междисциплинарные исследования в экономике основаны на философском, социальном и психологическом измерении пространства культуры (ценности, потребности, мотивация, власть, эстетика, этика, религия и др.). Поэтому мировой экономический кризис ведущие экономисты мира эксплицируют не только как экономическое, но и как психологическое (социальное) явление, которое трудно предсказать [4; 10]. С другой стороны, экономические и математические методы прочно вошли в социологию, право, политологию, антропологию, религиоведение и другие социально-гуманитарные науки.

Междисциплинарные исследования в правоведении

В междисциплинарных исследованиях чаще всего выделяют основную дисциплину и дополнительную (дополнительные). Такие области знания называют бинарными. Таковыми в правоведении являются:

- Экономическое право.
- Экономика права.
- Социология права.

- Антропология права (Юридическая антропология).
- Юридическая психология.
- Юридическая лингвистика.
- Судебная медицина.
- Судебная психиатрия.
- Судебная бухгалтерия.
- Судебное религиоведение.

Помимо вышеназванных дисциплин существуют гибридные отрасли с включённым в них правовым компонентом (гендерная юриспруденция, маргинальная юриспруденция, юридическая этнопсихология, юридическая конфликтология и др.).

Междисциплинарные исследования в социально-гуманитарных науках

Социально-гуманитарные науки всегда были тесно взаимосвязаны. Но именно в настоящее время эти взаимосвязи актуализировались, как никогда ранее. Так, на стыке философии, культурологии, этнологии, психологии, лингвистики, политологии, социологии, демографии возникла отдельная область знания – «Социальная коммуникация». Данная сфера является ярким примером образования синтетического знания нового уровня, необходимого для информационного общества массового потребления.

В исторических науках методология исследования изменилась вследствие:

- а) «лингвистического поворота», где языковые конструкты определяют ценностное содержание информации;
- б) антропологического поворота, когда история повседневности становится важнейшим фактором осмысления «объективных» больших нарративов (психоистория стала модным подходом, проясняющим важнейшую роль личности в истории);
- в) конструирования каждым народом «своей» истории, «сакрализации» собственной истории.

Стали модными гендерные аспекты истории, создаются альтернативные версии исторических событий (от видения прошлого в альтернативном варианте до футурологических концепций) [12, с. 5–10].

Известнейшим примером, когда для изучения одного объекта потребовалось синтезировать данные разных наук, стало научное исследование Туринской плащаницы. В этой работе принимали участие физиологи, анатомы, антропологи, физики, химики, биологи. Общие выводы стали синергетическими, комплементарными. Они складывались как пазлы, соединяя и дополняя друг друга.

Заключение

Современные процессы развития науки протекают в особом пространственно-временном континууме, когда период распространения новой информации (открытия, изобретения, инновации) осуществляется в ускоренном режиме. Прирост нового знания с высокой скоростью является тем полем, где инновации возможны практически ежедневно. Скорость бизнес-процессов оказывает влияние на научные исследования, требуя всё новых и новых методов и подходов в достижении результата.

Тенденции к росту междисциплинарных связей в будущем будут нарастать. Данное явление воплотится в новых образовательных стандартах, новых учебных курсах, новых специальностях. Появление усовершенствованных методологий в различных науках будет способствовать технологическому прогрессу, однако тенденция дегуманизации образования на этом фоне будет также нарастать. Поэтому важно в любых исследованиях актуализировать гуманитарное измерение культуры, соотносить любые открытия с ценностью, полезностью для человека и природы.

Таким образом, междисциплинарные исследования выступают важным направлением развития современной науки, имеют перспективу в своём развитии. Кроме того, именно междисциплинарный подход выступает в качестве основы для конструирования новых методов исследования, а возможно, и новых наук.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об утверждении перечня государственных программ научных исследований на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 10 июня 2015 г., № 483 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=12551&p0=C21500483>. – Дата доступа: 12.03.2016.
2. О приоритетных направлениях научных исследований Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 12 марта 2015 г., № 190 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=1871&t=188763>. – Дата доступа: 12.03.2016.
3. Инновационное развитие экономики России. Междисциплинарное взаимодействие : сб. статей по материалам седьмой междунар. конф. / под ред. А. А. Аузана [и др.]. – М. : Проспект, 2016. – 758 с.
4. Гуриев, С. Междисциплинарные исследования в экономике: beyond neuronomics [Электронный ресурс] / С. Гуриев. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=98wnv5_P-iI&list=PLvLTxriAjPPfzhE-1NIdhYN1efyi2yZ3e. – Дата доступа: 12.03.2016.
5. Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования / под ред. В. В. Волкова. – М. : Статут, 2011. – 317 с.; Urbi et orbi / под общ. ред. Р. С. Гринберга, А. Я. Рубинштейна : в 3 т. – СПб. : Алетейя, 2014. – Т. 3 : Глобальный мир / под ред. С. П. Глинкиной. – 696 с.; Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / под ред. Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. – 204 с.
6. Сыров, В. Н. Философия и перспективы междисциплинарных исследований в отечественной науке / В. Н. Сыров // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. – 2011. – № 3. – С. 5–14; Междисциплинарные исследования в цифрах [Электронный ресурс] / Междисциплинарная коммуникативная платформа (МКП) «Пи-Сфера». – Режим доступа: <http://pi-sphere.ru/novosti/29-mezhdistsipli-narnye-issledovaniya-v-tsifrakh>. – Дата доступа: 12.03.2016.
7. Беккер, Г. Человеческое поведение: экономический подход / Г. Беккер // Избр. труды по экономической теории. – М., 2003. – 672 с.
8. Левитт, С. Д. Фрикономика / С. Д. Левитт, С. Д. Дабнер. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2010. – 272 с.
9. Гуриев, С. Мифы экономики: Заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики / С. Гуриев. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2009. – 296 с.
10. Яскевич, Я. С. Глобальная методология междисциплинарного синтеза в исследовании мирового экономического кризиса / Я. С. Яскевич // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 мая 2010 г. : в 2 т. / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол.: В. Н. Шимов [и др.]. – Минск : БГЭУ, 2010. – Т. 1. – С. 66–67; Яскевич, Я. С. Современная философская антропология: трансдисциплинарные и нравственно-правовые стратегии / Я. С. Яскевич // Философия и социальные науки. – 2012. – Вып. 1–2. – С. 73–81.

11. Ханушек, Э. Роль качества образования в экономическом росте [Электронный ресурс] / Э. Ханушек, Л. Вессман // Теоретические и прикладные исследования. – С. 115–185. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/06/1268032613/5.pdf>. – Дата доступа: 13.03.2016.

12. Яскевич, Я. С. Инновационная парадигма: нравственно-антропологический поворот в науке и образовании / Я. С. Яскевич // Вестн. Белорус. гос. экон. ун-та. – 2008. – № 6. – С. 5–10.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.03.2016

Ivanchina O.N. Interdisciplinary Approach in Research

The article under consideration deals with interdisciplinary research as the most promising in postnon-classical science. The author distinguishes the most important spheres of interdisciplinary interaction in socio-humanistic sciences such as Economy, Law and History. The author also presents information about the most well-known modern interdisciplinary research. It is said that philosophy should present methodologic basis and system of value orientations for contemporary science.

УДК 124.5

В.Н. Варич*канд. филос. наук, доц., доц. каф. гуманитарных наук
Брестского государственного технического университета***ДИАЛЕКТИКА ВСЕОБЩЕГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО В ЦЕННОСТЯХ**

В статье рассматривается проблема взаимосвязи всеобщего и индивидуального в ценностном сознании и в деятельности субъектов ценностного сознания. В ходе анализа выявляются элементы всеобщности в ценностном сознании, рассматривается диалектика всеобщего и индивидуального в ценностях как его элементах, выделяются альтернативные позиции в понимании ценностного статуса всеобщности и индивидуальности. В статье прослеживается корреляция данных позиций с ценностной противоположностью социальной общности и личности.

Введение

В современном обществе предметом постоянного обсуждения являются вопросы, связанные с изменением или утратой ценностей, а также с необходимостью поиска новых ценностей или возрождения старых. Анализ проблемы формирования ценностей и ценностного отношения, включающий рассмотрение ценностей со стороны их всеобщности/единичности представляется актуальной проблемой современного социально-гуманитарного знания.

Элементы всеобщности в ценностном сознании

Со времени выделения аксиологии в самостоятельную область философского знания ее важнейшей предметной областью является ценностное сознание. Сама возможность выделения его как особого состояния (компонента, аспекта) зачастую оспаривается, однако более распространенной представляется точка зрения, согласно которой ценностное сознание – это «определенный горизонт сознания, благодаря которому человек утверждает свои ценностные отношения с миром и становится субъектом постижения ценностных свойств бытия» [1, с. 66]. Дискуссионным является также и вопрос о том, что представляет собой ядро человеческого опыта, в котором возникают ценности. С одной стороны, они глубоко укоренены в эмоциональной жизни личности и не нуждаются в обосновании; с другой стороны, человек зачастую лишь с помощью разума рассматривает нечто как ценность. В таком случае умение обсуждать и обосновывать ценности само по себе представляет для него ценность.

Сознание как высшая форма психической деятельности взаимосвязано с эмоциями и чувствами, которые во многом обуславливают оценки и суждения личности. Но именно в сознании различные ситуации, в которых оказывается человек, приобретают ценностный статус: «всякое осознание ситуации одновременно есть сложное ценностное сознание, даже если соответствующие данной ситуации ценности как таковые не воспринимаются» [2, с. 34]. Более того, во многих случаях индивид не может объяснить, почему те или иные ценности представляются ему очевидными. Х. Йоас в книге «Возникновение ценностей» высказывает мысль о том, что в современном обществе существует разрыв между уверенностью в собственных ценностях и отсутствием общего языка, облегчающего их обоснование. По его словам, современный западный человек, оценивая честность как благо, не может «сослаться на десять заповедей еврейско-христианской традиции и исходить из того, что он и его собеседник единодушно признают значимость этих заповедей. Так же, как богооткровенные заповеди, ему недоступна и светская лексика рационального обоснования морали (например, философия морали Канта), с помощью которой он мог бы отстоять ценность честности» [3, с. 20].

Несмотря на такой разрыв, обусловленный объективными социальными процессами, в сознании современного человека ценности выступают как критерии оценки действительного мира: бытие, ценностно нейтральное само по себе, приобретает ценно-

ственный статус. Оценки и соответствующие ценностные суждения выражают ту внутреннюю связь, которая существует между статусом ценности и интенсивностью ценностного чувства. Согласно представлениям Н. Гартмана, в ценностном сознании присутствует «аксиологическое чувство высоты», которое обуславливает ценностные ориентации и практически не зависит от внешних факторов, включая исторически обусловленные культурные нормы: «Это чувство идеального порядка *sui generis*, которое нельзя сравнивать ни с каким другим и измерение которого ни с каким другим не совпадает» [3, с. 302]. Это ценностное отношение проявляется во всех актах деятельности субъекта, на что бы она ни была направлена. Является ли результатом деятельности объект, знание или оценка, личность всегда находится в ценностной связи с миром. Данная связь распространяется и на саму личность, когда она оценивает саму себя как субъект.

Своего рода психологическим субстратом ценностного отношения является эмоциональное влечение, упомянутое «аксиологическое чувство высоты», которое, по мнению М.С. Кагана, не может быть передано другой личности в процессе обычной коммуникации. Ее средства позволяют лишь сообщить другому субъекту о собственных ценностях, но не позволяют убедить его принять их [4]. Ю.И. Мирошников справедливо отмечает, что акты ценностного сознания взаимосвязаны с актами сенсорной чувственности [1, с. 73] вне зависимости от того, сопровождают они познавательную или практическую деятельность. «Качественно дифференцированное чувствование» (Н. Гартман) неприводимо на язык понятий, но имеет не меньшее значение, чем содержательно наполненное сознание [2, с. 346]. Вместе с тем любое чувствование опосредовано рациональной сферой сознания и той социокультурной средой, в которой формируется и функционирует личность. Поэтому ценностное сознание и связанные с ним эмоции обладают intersubjective природой: субъектом ценностного сознания может быть не только отдельный человек, но и социальные группы разной степени общности.

Ценности чаще всего определяются как значимости (положительные, отрицательные или нейтральные) внешнего мира и других людей для субъекта ценностного сознания. Данные значимости составляют его объект, включающий также и значимость субъекта для самого себя. Предмет ценностного сознания – это ценность как элемент сознания, во многом определяемая деятельностным отношением человека к миру и его социальным статусом. Сам предмет ценностного сознания и образующая его иерархия ценностей исторически изменяются. Однако в каждом конкретном случае между субъектом и объектом ценностного сознания возникает ценностное отношение, которое принципиально отличается от познавательного отношения к миру. Ценностное отношение устанавливает соответствие объекта ожиданиям субъекта, в то время как познание ориентировано на приведение знаний субъекта в соответствие с объектом. Кроме этого, ценностное отношение снимает противоположность субъекта и объекта, так как мир ценностей человека и есть его ценностное сознание. Ценности образуют в сознании личности определенную иерархию, строение которой во многом обусловлено преобладающими в обществе мировоззренческими установками, определенной религией, идеологией, философией, научными представлениями. Однако сущность ценностного сознания не сводится к его социальным или личностным модификациям – оно всегда является сознанием иерархии, а любой выбор личности и сопровождающая его оценка могут быть рассмотрены как его функция.

Каждая ценностная оценка (в отличие от логической оценки) фиксирует определенные ценностные свойства объекта. Оценка содержит эмоциональную составляющую не только в момент оценивания, но и в последующем ее существовании в ценностном сознании. Осознанная оценка может быть выражена в соответствии с законами логики и правилами языка, однако в сознании индивида она не утрачивает эмоциональную окраску. Таким образом, в ценностном сознании выделяются наивный уровень, имеющий непосредственно-эмоциональный характер, и рефлексивный уровень, на котором ценностное сознание имеет опосредованный и рациональный характер. Сте-

пень рационализации и соответственно значение всеобщих элементов в ценностном сознании могут быть различными. В обыденном сознании она выражается в знании ценностей и умении их обосновать, т.е. в рефлексии над ценностями. Ее результатами становятся ценностные идеи, которые выражают ценностные свойства объектов. Ценностные идеи выполняют функции смыслообразования и целеполагания, а также образуют в ценностном сознании определенную последовательность – ценностную иерархию. В силу этого всякое сознание бытия – это ценностное сознание, т.е. осознание не только мира, но и человека в нем, включая его ценностное отношение к нему: «Все ситуации, в которые человек попадает, он воспринимает с точки зрения увиденных ценностей, в результате чего ситуации приобретают смысл и значимость» [2, с. 347].

Взаимосвязь всеобщего и индивидуального в ценностях

В качестве элемента ценностного сознания ценность характеризуется и с эмоциональной, и с рациональной стороны. Эмоциональная составляющая сознания имеет конкретно-чувственные формы выражения, рациональная – опосредованно-рациональные. Соответственно существуют две основные точки зрения, определяющие статус ценностей противоположным образом. Одна позиция заключается в том, что ценности вообще являются всеобщими в силу того, что некий объект (свойство, отношение) имеет общезначимую ценность для любого ценностно чувствующего субъекта, а ценность имеет объективную значимость для совокупности ценностных носителей. Другая позиция акцентирует внимание на том обстоятельстве, что ценности конкретных благ и ситуаций не имеют общезначимого характера, а для отдельной личности определенную ценность представляет и само специфическое переживание ценности. По словам Н. Гартмана, существуют «ценностные содержания, которые точно так же индивидуальны, как нечто онтологически однократное и единичное, то есть ценности, сами обладающие индивидуальностью» [2, с. 324].

Всеобщность сама по себе представляет собой ценность, поскольку выражает однородность, тождественность свойств объекта, которые значимы для каждого субъекта, к примеру, ценность человеческой жизни или ценность равенства всех личностей перед законом. При всех различиях между людьми существуют определенные жизненные основания, в отношении которых индивидуальные предпочтения имеют ценностную границу, зачастую не осознаваемую. «Очевидно, что приверженность определенным ценностям не возникает благодаря осознанному намерению, – отмечает Х. Йоас, – но, несмотря на это, сильную приверженность мы воспринимаем не как ограничение, а как высшее проявление свободы воли» [3, с. 14]. Именно так трактовал значимость всеобщего в ценностях И. Кант, выражая в категорическом императиве единство личного мотива и всеобщего морального закона. В таком ключе всеобщность представляет собой ценность как нечто объективное, общезначимое для всех личностей.

В то же время ценностью является и индивидуальность, поскольку наряду с объективным и общезначимым в реальном бытии личности огромное значение имеет ценностное разнообразие. Однообразие всеобщего противостоит аксиологическая уникальность личности как реального носителя ценностей. Кроме этого, ценностью обладают и отдельные ситуации: «однократность и неповторимость всех открывающихся переживанию и деятельности жизненных положений, многообразие которых составляет полноту человеческой жизни» [2, с. 325]. В реальной жизнедеятельности каждый человек является одновременно носителем наиболее общих и наиболее индивидуальных ценностей, которые диалектически взаимосвязаны в его бытии в рамках некоей общности – социальной группы, сословия, класса, нации, конфессии, партии.

Индивидуальное может существовать лишь в некоем индивидуе, однако эти понятия принципиально различны: индивидуальное предполагает уникальность какой-либо ситуации или случая, индивид же – саму эту ситуацию или случай как таковые. Индивидуальность в характеристике человека – это неповторимое бытие данной конкретной

личности, индивид – отдельное человеческое существо как таковое. Индивидуальность противостоит всеобщности, а индивид – множественности: «Другие индивиды – не повторения одного, но такие же первоначальные отдельные существа, такие же сущностно единичные образования. Их множественность нагляднее всего доказывает, что индивидуальное бытие не означает индивидуальности, то есть уникальности» [2, с. 328].

Социальная общность, в противоположность индивиду, выступает в таком случае как носитель ценностей более высокого порядка, которые выражают фундаментальные потребности и задачи человека. Отдельный человек, входящий в социальную общность, сознательно принимает и признает превосходство этих ценностей и делает себя средством их решения, при этом такого рода самопожертвование принимается и осознается как нравственная ценность. Сама социальная организация любого рода также может быть рассмотрена как ценность, однако носителем индивидуально-человеческого она не является: «Гипостазировать субъект более высокого порядка не позволяет как раз феномен общества; ведь вся личность в обществе заимствована, перенесена сюда с индивида. Совокупная личность обладает лишь личностью более низкого порядка» [2, с. 330]. Поэтому высшие ценности, которые вообще могут быть реализованы в обществе, являются не ценностями общества, а ценностями отдельных людей. Однако не вызывает сомнений ценность солидарности, обеспечивающей единство членов сообщества. Она обладает более высоким ценностным статусом, чем ценности общности, поскольку выражает стремление человека реализовать их в своем индивидуальном бытии. Ценности индивида «превосходят по аксиологической высоте макрокосмические ценности целокупности. Но тогда также ясно, что как ценностный носитель индивид имеет более высокую ценность, нежели целокупность», – отмечает Н. Гартман [2, с. 331].

Таким образом, социальная общность, с одной стороны, и индивид, с другой, обладают определенным аксиологическим преимуществом. С позиций социальной общности бесчисленное множество индивидов существует только для того, чтобы поддерживать жизнь целого, а от отдельного человека практически ничего не зависит. Именно социальная общность в таком случае является субъектом истории, а значимость индивида определяется значимостью социальной общности. Общество одобряет и принимает только тех людей, которые соответствуют его целям и ценностям: «Его суверенные права выступают в отношении индивида как принуждение, как ограничение свободы действий, индивид же покоряется этому приказу; он даже предвосхищает приказ, заменяя его добровольным подчинением “высшим” целям целого. Одновременно он признает тем самым подчинение своей ценности ценностям общества» [2, с. 332].

С позиций индивида реализация ценностей общества возможна только тогда, когда он в них заинтересован, видит в них ценность для себя. Ни одна социальная общность не может существовать, если она не укоренена в общих интересах составляющих ее людей. В таком случае ценностное отношение общности и индивида выглядит противоположным образом: социальная организация является средством для реализации ценностей индивида, и он принимает ее лишь постольку, поскольку она соответствует его целям и задачам. Данное противоречие находит выражение в противоположных позициях коммунитаризма и индивидуализма, каждая из которых исходит из абстрактного понимания социальной общности и индивида соответственно.

Социальная общность представляет собой абстракцию, она существует только в индивидах, так как состоит из них, обусловлена самостоятельным бытием каждого из них. Даже будучи «строительным материалом» для общественного целого, индивид превосходит его как более высокое образование – личность: «Телеология “части” остается самостоятельной в отношении телеологии “целого”. Целое не может осуществляться как самоцель, коль скоро оно само не является средством для части» [2, с. 334]. С другой стороны, индивид тоже является абстракцией. Не существует изолированного, отдельного человека, пресловутого «социального атома». Своеобразие и самоценность личности поддерживаются реализованными ценностями общества, но и сама лич-

ность уважает социальную общность как ценность и возвышается в реализации ее целей. Таким образом, ценностное отношение социальной общности и индивида антинолично: личность и общество не только онтологически, но и аксиологически взаимообусловлены. Всеобщее и индивидуальное как в ценностях личности, так и в ценностях социальной общности находятся в диалектической взаимосвязи: «Индивид и целокупность точно так же, как индивидуальность и всеобщность, являются сущностно различными ценностными направлениями или ценностными регионами, которые существуют самостоятельно и, тем не менее, в конкретной жизни теснейшим образом переплетены» [2, с. 335]. Общество заинтересовано не только в индивидах как в своем «строительном материале», но и в углублении индивидуализации: чем более различаются личности, тем более богатым и ценностно наполненным является общество. Точно так же личность заинтересована не только в обществе как том единстве, к которому она принадлежит, но и во всем, что его определяет.

Ценностное отношение между личностью и обществом опосредуется ценностями своего рода промежуточных звеньев: семьи, группы, общины, народа, – в которых всеобщее и индивидуальное взаимодействуют в особенном (типичном). При этом любая социальная общность действует подобно личности и несет двойную ответственность – внешнюю перед другими социальными общностями и внутреннюю перед индивидами. Конкретную же среду ценностной реализации личности образует «выросшее в природе или даже исторически созданное эмпирическое общество. В нем, а не в целокупности в строгом смысле, расцветает изобилие всех тех ценностей, которыми в своем развитии овладевает индивид» [2, с. 338].

Заключение

Диалектика всеобщего и индивидуального в ценностях реализуется как на уровне ценностного сознания, так и в реальном бытии носителей ценностей. Соответственно выделяются две позиции в аксиологии, одна из которых подчеркивает особый ценностный статус всеобщности, а другая – ценностный статус индивидуальности. Во взаимодействии индивида и общества эти позиции подкрепляются ценностной противоположностью социальной общности и личности. Ценности социальной общности обладают более высоким статусом, чем ценности личности, однако могут быть реализованы только в том случае, если личность их разделяет и предпринимает усилия для реализации целей общества как своих собственных.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мирошников, Ю. И. Ценностное сознание и его структура / Ю. И. Мирошников // Науч. ежегод. Ин-та филос. и права. – Урал. отд. РАН. – 2003. – № 4. – С. 66–83.
2. Гартман, Н. Этика / Н. Гартман. – СПб. : Владимир Даль, 2002. – 708 с.
3. Йоас, Х. Возникновение ценностей / Х. Йоас. – СПб. : Алетейя, 2013. – 312 с.
4. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган // Избр. тр. : в 7 т. – СПб. : Лань, 2007. – Т. 3 : Труды по проблемам теории культуры.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.03.2016

Varich V.N. The Universal and the Individual in Values

This article discusses the elements of universality and particularity in the value consciousness. It reveals the relationship of individual and universal values in the social community and values of the person, as well as the value attitude of society and the individual.

УДК 101.8

Е.А. Лагуновская*канд. филос. наук, доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ ХРИСТИАНСТВА В ФОРМИРОВАНИИ
ПРАВСТВЕННЫХ ОСНОВ СТАРОБЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА X–XVI вв.
(часть II)***Окончание. Начало в № 1, 2015*

В статье представлено авторское видение формирования нравственных основ старобелорусского общества в контексте духовных ценностей христианства. В качестве структурных компонентов нравственной культуры общества выделяются духовно-нравственное наследие (моральный фонд), социальный механизм его распространения, процессы духовно-нравственной жизнедеятельности народа.

Введение

Духовно-нравственное наследие исторического прошлого Беларуси является важнейшим фактором, влияющим на формирование структурных составляющих нравственной культуры современного белорусского общества: идеалов, знаний, опыта, чувств. Осмысление и восстановление данного морального фонда нравственной культуры способствует ее развитию, решению насущных задач воспитания гражданственности и патриотизма. Наиболее значимым в связи с этими задачами представляется обращение к генезису белорусской государственности в Полоцком княжестве и Великом княжестве Литовском, в ходе которого поистине грандиозные общественные проблемы решались на основе нравственных принципов. Процесс духовного становления белорусской нации и государства осуществлялся на основе общемировых, европейских закономерностей и вписывался в общий контекст духовных достижений человечества.

Духовные ценности христианства в формировании нравственных основ старобелорусского общества

В XIV–XVI вв. христианство как господствующая сила всесторонне определило духовную жизнедеятельность и культурное развитие Европы. Усвоение культурного наследия прошлых времен, осмысление в религиозной форме новых социальных изменений и потребностей составляло неотъемлемую черту прогрессивных движений позднего средневековья. Во времена ВКЛ идет активное завершение процесса формирования белорусской национальной культуры и, прежде всего, ее важнейшего компонента – языка. В XIV в. старобелорусский язык становится государственным, а значит, не только языком юридических документов, но и языком высокохудожественных литературных произведений, языком межнационального общения.

Первый свод законов в феодальной Европе – Статут ВКЛ, разработанный учеными и юристами-практиками старобелорусского государства на основе феодальной конституции, основанной на новых принципах единства права и приоритета писаного права, кодификации и систематизации норм местного права, – вышел в 1529 г. Написанный на старобелорусском языке, он был доступен всем грамотным людям.

В ВКЛ развитие права опередило развитие капиталистических отношений. Феодальным отношениям Западной Европы была присуща строгая иерархичность: экономические, политические, социальные права принадлежали исключительно первому и второму сословиям, а третье сословие, бывшее бесправным, обеспечивало их благосостояние. Именно из среды третьего сословия в Западной Европе выделилась буржуа-

зия, борьба которой за свои права и привела впоследствии к подготовке Конституции США (1786 г.), Французской Декларации прав человека и гражданина (1789 г.). На белорусской территории отмечались низкие темпы генезиса буржуазных отношений: даже в XIX в. количество торгующих и гильдейского купечества, способных повлиять на усиление процесса капитализации, было незначительным [1, с. 20]. Однако уровень развития цехового производства, поддерживаемый представителями первого сословия в ВКЛ, в том числе и самым крупным земельным собственником – великим князем, оказал детерминирующее воздействие на демократические нормы Статутов, что отвечало государственным процессам того времени.

В русле христианского просвещения Статуты закрепляли нравственные нормы жизнедеятельности общества на государственном уровне. Творческий и духовно-нравственный потенциал ценностей христианства в своей просветительской деятельности использовали Евфросиния Полоцкая, Климент Смолятич и их последователи. Кирилл Туровский утверждал: «Аще бо в глубину Божиих книг внидох ... Бог же мира многою милостию да створит вашему отчъству» [2, с. 425]. Франциск Скорина стремился донести содержащиеся в Библии ценности христианства «люду простаму, паспалитаму». Представители светской литературы, основанной на христианских ценностях, в эпоху Возрождения «впервые в нашем регионе перенесли христианскую любовь, добро и правду на свой народ, свою страну и родной язык» [3, с. 399].

Возрожденческий индивидуализм западноевропейского общества, основанный на антропоцентризме, способствовал буржуазным революциям, созданию и развитию права в его позитивистском варианте. В соответствии с позитивистской концепцией, права человеку дает государство исходя из действительной ситуации: при условии, что он является его гражданином, а центральными понятиями выступают «норма», «принуждение», «авторитет».

Сторонники естественно-правовой концепции: Ф. Скорина, С. Будный, М. Литвин, А. Волон и др. – сущность права соотносят с представлением о том, каким право должно быть, а его содержание раскрывают через понятия «свобода», «разум», «справедливость». Принадлежность к человеческому роду в данной концепции рассматривается как определяющий фактор права человека на жизнь, свободу, личную неприкосновенность. В этом основы естественно-правовой концепции соответствуют христианству: права человека обусловлены его изначальным достоинством. Ценностью христианства является уважение ко всем людям, а образ и подобие Божие выступают как идеал, деятельное стремление к которому духовно возвышает человека, способствует формированию нравственной культуры отношений с людьми и обществом. Стремление к реализации духовно-нравственных принципов в повседневной жизни способствует установлению в обществе единомыслия и единоволия, о котором в Библии сказано как о «единстве духа в союзе мира» (Еф. 4:3).

На основе христианских ценностей любви, совести и справедливости, по мнению Скорины, должны базироваться не только отношения между людьми, но и составляться законы, осуществляться государственное управление и политика [4, с. 99–101]. Понимая совесть как свободу от греха в принимаемых решениях, Скорина придерживался идеи главенства народа в государстве и правотворчестве, что не соответствовало реальности того времени, но повлияло на будущее законодательство: идея верховенства надличностных ценностей (Бог, народ, государство, семья), а не отдельного индивида акцентирована в правотворчестве ВКЛ, и в частности, в Статутах. Создание Статутов предстает как самобытное явление, вызванное сложившимися конкретно-историческими условиями, в которых христианские ценностные ориентации, принципы и нормы нравственности способствовали развитию идеи государственности ВКЛ, формированию самосознания «посполитого народа».

Подчеркивая уникальность и самобытность страны, создатели Статутов связывали ее развитие с христианскими ценностями. Христианский духовно-нравственный идеал, библейские заповеди и принципы поведения, любовь к ближнему, толерантность, достоинство, совесть, свобода, стремление к самосовершенствованию понимаются как основа целостности и стабильности общества. Жигимонт I (1506–1548) в своем обращении, открывающем Статут 1529 г., указывает на «обстоятельно продуманное намерение ...одарить христианскими законами» всех своих подданных, независимо от их сословия и происхождения, католического или православного вероисповедания и обязуется все их права и церковные привилегии соблюдать и хранить. Выбор христианских законов, конституирующих отношения человека с внешним миром и другим человеком, в качестве главного источника морально-правовой регуляции повседневного поведения позволил Статутам ВКЛ выступить средством поддержания ценностей христианства в нравственной культуре старобелорусского общества.

Сын Жигимонта I Жигимонт II Август (1548–1572) с согласия высшего государственного органа (панов-рады) решил «папправіці, прыбавіці, расшырыці і дапоўніці» Статут 1529 г., ограничив судебное своеволие должностных лиц государственного аппарата. В Статуте 1566 г., закрепившем социально-экономические и политические изменения, утверждалась обязанность правителя защищать все слои населения, в том числе простых («паспалітых») людей, «пры свабодах і вольнасцях хрэціянскіх» [5, с. 78]. Принципы Статутов ВКЛ раскрывают христианские ценности единства, коллективизма, достоинства человека и закрепляют христианские идеи о свободе личности, равенстве всех людей перед законом, заботы о ближнем, что свидетельствует о стремлении их создателей соблюдать две главные заповеди христианства, конституирующие все остальные: любовь к Богу (отсутствие гордыни, стремление к самосовершенствованию, изменению своего собственного внутреннего и внешнего мира на началах добра) и ближнему (способность воспринимать каждого как самого себя и отдать за него свою жизнь).

Открывают Статут 1588 г. библейские рекомендации следовать христианским ценностям: «Смотрите, что должны делать, ибо не творите суда человеческого, но суд Божий. А что-либо осудите, все на вас же падет. Пусть будет в вас страх Господен всегда. А совершайте все чистосердечно, ибо нет пред Господом Богом нашим неправды, ни изъянов особ, ни пожелания даров» [7, с. 348]. В иерархии христианских ценностей интересы общества, любого человека стоят выше личных, что обуславливает идею справедливого и равного суда для всех людей, независимо от их социального положения.

Ценность свободы актуализируется в Статуте 1588 г. его издателем Л. Сапегой в обращении ко всем сословиям ВКЛ: «Все мы между иными народами христианскими хвалимся, что пана, чтобы согласно волей своей, а не согласно правам нашим управлял, над собою не имеем, а как славой добропорядочной, так жизнью и имуществом свободно пользуемся». Л. Сапега заявляет, что для соблюдения законов и наличия прав в обществе их необходимо знать каждому человеку, и поэтому он взял на себя расходы на печать, «дорогу удобную и легкую каждому к изучению права показав» [7, с. 350]. Выступив как мировоззренческое основание правового сознания, христианские ценности любви, достоинства, совести и свободы воплотили одновременно нравственный опыт народа и его устремленность в будущее, нацеленную на обеспечение внутренней целостности и стабильности общества и государства. Издание статутов ВКЛ, как и книгоиздательская деятельность Ф. Скорины, С. Будного, В. Тяпинского, П. Мстиславца, православных братств и др., было способом распространения ценностей христианства в нравственной культуре XV–XVI вв.

Духовные ценности христианства направляют активность личности на созидательный труд на благо своих соотечественников и Родины. В Статуте 1588 г. позиционируется желание «то видеть, чтобы в государстве нашем христианском всяческая по-

чительность и уважение, положению христианскому приличествующая, была сохранена» [7, с. 439]. В 54-й статье уточняется: «А где бы чего в том Статуте недоставало, тогда суд применительно к похожим случаям согласно своей совести и по примеру иных прав христианских то решать и судить должен» [7, с. 391]. Права человека в христианстве взаимосвязаны с его обязанностями: «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки» (Мф 7 : 12). За нарушение нравственных норм статутами предусмотрено наиболее строгое наказание независимо от социального статуса виновного. Отождествление норм права и норм христианской морали можно расценить и как следствие недостаточного развития старобелорусского права, как наличие в нем реликтовых прецедентов средневековой юриспруденции.

Утверждение ценности свободы в деятельности как результат ответственного выбора человека прослеживается в 35-й статье 11-го раздела Статута 1588 г., указывающей на необходимость умения «властвовать собой». О главенствующей роли христианского мировоззрения говорится также в 22-й статье 5-го раздела: «Устанавливаем ...чтобы подданные наши согласно правам Божиим и христианским жили» [7, с. 406]. Конституируя личностное отношение человека к социальной действительности, ценности христианства, эксплицированные в статутах как духовно-нравственные цели, мотивы, установки и ценностные ориентации, выступают как составной элемент нравственной культуры старобелорусского общества.

Особенностью понимания христианских прав в статутах ВКЛ является их соотношение со свободами. Во 2-й статье 3-го раздела Статута 1566 г. «О вольностях шляхетских» великий князь обязывался сохранять все население, в том числе и простых людей, «пры свободах і вольнасцях хрестіянскіх, вь которыхъ они, яко люди вольные, вольно обираючы изъ стародавна изъ вечныхъ своихъ продковъ собе пановъ и Господарей Великихъ Князей Литовскихъ, жыли и справовали прикладомъ и способомъ вольныхъ панствъ хрестіянскіхъ» [5, с. 78]. Свобода человека в христианстве предполагает его ответственность перед ближним, государством, самим собой: «И от всякого, кому дано много, много и потребуется; и кому много вверено, с того больше взыщут» (Лк 12 : 48). Принципы морально-правовой регуляции, ограничивающие жадность обогащения одних в ущерб другим, не возникают там, где люди не чувствуют своей ответственности за сограждан. В основе христианской ценности милосердия находятся отношения равенства, сопровождаемые искренней любовью: «производите суд справедливый и оказывайте милость и сострадание каждый брату своему» (Зах 7 : 9). Реализация ценностей христианства в системе социальных коммуникаций способствует закреплению милосердия в нравственной культуре общества.

Создание первой в Европе конституции и ее дальнейшая разработка свидетельствуют о том, что для элиты ВКЛ равенство людей, как Божья заповедь, было превыше собственных социальных и экономических интересов. Единство христианской веры отрицает национальные, социальные и демографические различия между людьми: «Ибо все вы – сыны Божии по вере во Христа Иисуса. Нет уже иудея, ни эллина, нет раба, ни свободного, нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал 3 : 26, 28). Свидетелями в суде могли быть только христиане либо татары, находящиеся на государственной службе (14-я статья 9-го раздела), а опекунами детей – люди набожные (3-я статья 6-го раздела). В христианском понимании отдаление людей от Бога и друг от друга происходит из-за безнравственности, нарушения заповедей. Проступок характеризуется в Статуте 1588 г. как противный Богу, власти государевой и законам государства [7, с. 428]. Ценности христианства в данном контексте выступают как критерий духовно-нравственного освоения социальной действительности, раскрывающий отношение людей к ее многообразным проявлениям.

Христианские моральные принципы понимались создателями основного закона как конструктивная основа для консолидации полиэтнического, поликонфессионального княжества. Следуя традиции, 3-я статья 3-го раздела Статута 1588 г. говорит о решении оберегать мир между разными религиями. Ценность христианской любви ориентирует личность на духовное единение с другими, выражает нравственное отношение человека к социальной действительности и артикулирует взаимный учет интересов личности и общества. Стремление к реализации христианского идеала целостности и стабильности общества и государства стимулирует максимальную реализацию нравственного потенциала личности и социума. Общественные отношения в статутах представлены на основе христианской нравственности: обязанности великого князя и панов-рады (рассмотрение судебных дел, поданных на апелляцию), адвоката (честно защищать своих клиентов, не разглашать материалов их дел), опекунов (ответственность за воспитание в соответствии с христианскими ценностями), воинская повинность, бесплатная работа депутатов [6]. Принципиальное значение для характеристики нравственной культуры старобелорусского общества имеет артикуляция ответственности должностных лиц за выполнение своих обязанностей.

Статус обязанностей как основы для реализации прав всех подданных в государстве постулирует важность их исполнения каждым членом общества. В 9-й статье 1-го раздела Статута 1529 г. великий князь устанавливает, «и на вечные времена должно быть сохранено», что правосубъектностью, т.е. правом иметь права, обладают «все наши подданные, как бедные, так и богатые, какого бы сословия и положения они не были» [6]. Таким образом, в соответствии с христианским пониманием гуманизма статуты раскрывают ценность личности любого человека, обладающей достоинством независимо от сословного происхождения и имущественного положения, что является критерием высокого уровня духовно-нравственного развития общества.

Несмотря на то, что законы сохраняли феодальный характер и не были в ряде случаев равными для разных слоев и сословий, гуманизм эпохи эксплицирован в их текстах через категории свободы и независимости личности, признания достоинства человека, что отвечало общественным процессам того времени. Уже в первой редакции основного закона присутствуют статьи, свидетельствующие об уважении к простому человеку, признании его права на достоинство. Так, 15-я статья 8-го раздела «Если бы кто-либо порочил свидетелей» предусматривает денежную компенсацию со стороны ответчика за моральное оскорбление крестьянина «столько, как если бы его ранили» [6]. В случае избиения как свободного крестьянина, так и несвободной челяди пострадавшему полагалась определенная денежная компенсация. При этом за избиение женщины виновный должен был заплатить в два раза больше, чем за избиение мужчины.

Права женщины (на достоинство, на личную неприкосновенность, в том числе и во взаимоотношениях с феодалом) признавались во всех изданиях основного закона. В 39-й статье 3-го раздела Статута 1588 г. провозглашалось, «что княгинь, паней, вдов, княжен, панен, девок, шляхтянок и всякого иного сословия женского пола, как людей свободных, под свободной властью нашей государевой, в Великом княжестве Литовском живущих, при свободах их должны сохранять, а насильно ни за кого не должны выдавать без их воли ...за кого хотят, за того в замужество свободно будут выходить и выдаваться» [7, с. 372]. Аналогичные нормы содержались в общеземских привилегиях 1387, 1413, 1447 гг. и в последующих правовых актах. Статут 1566 г. ввел новую юридическую норму, направленную на защиту достоинства женщины: если она была похищена и насильственно взята в жены, похититель должен быть наказан смертной казнью (статья 9 11-го раздела Статута 1566 г. и статья 13 11-го раздела Статута 1588 г.). Все статуты ВКЛ включали статью «Об изнасиловании». В случае изнасилования девушки или порядочной женщины независимо от ее сословной принадлежности и звания

насильник «должен быть наказан смертной казнью» [7, с. 429]. В это же время в Западной Европе продолжало существовать неписанное «право первой брачной ночи».

Провозглашение свободы женщины в обществе способствовало развитию ее способностей, самовыражению и самореализации. Например, Франтишка Уршуля Радзивилл из княжеского рода Вишневецких (1705–1753) была писателем, педагогом, издателем книг, редактором газеты, руководителем первого стационарного театра на территории Беларуси (Несвижского), автором пьес и оперных либретто для него. Это пример значительного различия в положении женщин 1-го сословия ВКЛ и Российского государства, которые до Петра I жили по правилам «Домостроя» в ограниченном мире «женской» половины дома. В 1718 г. Петр I впервые разрешил им появляться среди мужчин, издав указ о проведении ассамблей – вечерних мероприятий с обязательным присутствием дам.

Значительными были также отличия в положении крестьян Российского государства и ВКЛ. Россия последовательно шла по пути закрепления экономической зависимости и уменьшения личных прав крестьян. Статуты ВКЛ, закрепив личную свободу для всех поданных, предотвратили появление крепостного права на территории Беларуси в его российском варианте. В 7-й статье 3-го раздела Статута 1529 г. великий князь обязуется «сохранять за всей шляхтой, мещанами и их людьми свободы и вольности, данные им как нашими предками, так и нами». Далее провозглашается, что «свободный человек не должен быть обращен в неволю ни за какое преступление» и утверждается, что «если бы кто-нибудь из-за голода продал в рабство свободного человека или своего сына, или самого себя, то такой договор не должен иметь силы». В случае, если бы кто-нибудь во время голода прогнал свою несвободную челядь, не имея возможности ее кормить или не желая содержать, то она становится свободной (статья 11 (12) 11-го раздела) [6]. Сходные правовые нормы прослеживаются в положениях статуты 1566 и 1588 гг. Шляхтичу в статутах также предоставлена возможность завещания имущества в пользу несвободной челяди, чему обязательно должно предшествовать предоставление ей свободы. Таким образом, предоставляя несвободным категориям населения возможности для освобождения и одновременно провозглашая неизменным статус свободных людей, статуты ВКЛ оставляли ту правовую нишу, которая способствовала закреплению личной свободы крестьян.

Наравне с личной свободой статуты защищали экономические интересы крестьян и запрещали военным служащим причинять вред их хозяйству: разбирать дома, жечь заборы, уничтожать урожай. Статут 1529 г. предоставил крестьянам определенные экономические права: мещанам запрещалось за долги грабить их на рынке, а выплаты долгов они должны были «добиваться у их панов», а если крестьяне государственные – у вранников (государственных должностных лиц) [6]. 37-я статья Статута 1588 г. в данной ситуации обязывала кредиторов обратиться в суд. Если же произошел грабеж, то виновный обязан был выплатить штрафы в пользу государства и в пользу крестьянина, «а грабеж оплатить в двойном размере и вред также вдвойне возместить» [7, с. 372]. Данное правовое положение свидетельствует о защите товарно-денежных отношений в государстве независимо от классовой или сословной принадлежности человека.

Таким образом, христианские ценности явились моральными детерминантами развития общественно-политической и правовой культуры ВКЛ. Носителем христианского сознания на старобелорусских землях был, прежде всего, социальный институт элиты, желавшей воплотить на практике христианский идеал нравственной жизни. Стремясь к гармонии в нравственном единстве сознания, чувств и поведения, образуемому духовными ценностями, человек формирует свои творения по моральным законам, и в этой своей деятельности становится гармоничнее и совершеннее. Духовно-нравственные ценности сближают человека с другими людьми через сопереживание

нравственного, актуализируют моральные универсалии, выступающие как своеобразная форма коммуникации и диалога. Как свидетельствуют рассмотренные положения статуты, его создатели, обращаясь к актуальным общественным и моральным проблемам времени, разрешают их в соответствии с христианскими нравственными принципами. Исследуемая тема имеет перспективу дальнейшего развития анализа пути от противостояния основных христианских конфессий в X–XVI вв. к XVII–XIX вв., а через эти эпохи к их диалогу в Беларуси XX–XXI вв.

Функционально духовные ценности христианства выступили важным структурным компонентом смыслового фундамента нравственной культуры старобелорусского общества в ее различных формах проявления. Нравственная культура как неотъемлемое свойство духовно-практической деятельности общества всегда оценивает конкретную действительность, в своем развитии она дифференцирует совокупность значений и смыслов, доступных человеку. Анализ статуты ВКЛ подтверждает приоритет ценностей христианства как моральных средств-регулятивов в их оригинальных текстах 1529, 1566 и 1588 гг., несмотря на наличие проблем взаимодействия, а иногда и острого противостояния основных христианских конфессий. В концентрированном виде в статутах выражено то общее, существенное, что объединяло христианские конфессии, – нацеленность на нравственное воспитание личности на основе ценностей христианства, что придает им институциональный статус. Ценности христианства как система моральных ориентиров-регулятивов выступают по отношению к культуре старобелорусского общества как ее духовно-нравственная основа, признающаяся всеми христианскими конфессиями и объединяющая их.

Однако необходимо признать, что прогрессивные нормы трех статуты ВКЛ не в полной мере совпадали с общественными реалиями того времени. Неслучайно в XVI в. преследованиям со стороны церкви и властей подвергался антитринитарист Сымон Будный. Разнообразные поведенческие, в том числе и негативные, интенции как функциональный элемент системы действия обусловили разрыв между духовными ценностями христианства и их репрезентацией в социальной практике христианских конфессий, что проявилось в их взаимоотношениях, отношении к власти и государству. История взаимоотношений христианских конфессий сложна и противоречива. Также нельзя говорить о сугубо мирном распространении униатства на белорусских землях. После заключения Брестской унии 1596 г. оно превратилось в скрытую форму окатоличивания и порой навязывалось методом силового принуждения, что вызывало резкие протесты, особенно со стороны населения восточных белорусских земель. Об этом свидетельствуют исторические факты. В 1609 г. было совершено покушение на активного пропагандиста «объединенной веры», униатского митрополита Ипатия Патея. В 1623 г. в результате вооруженного бунта в Витебске был убит униатский архиепископ Иосафат Кунцевич, который пытался насильно утвердить Унию.

В XVII–XVIII вв. в ВКЛ обострились противоречия времен белорусского Возрождения и Просвещения, в частности, противостояние сторонников православной, католической и протестантской церквей, стремление сохранить авторитет или влияние церкви в социальных и политических делах. Механизм взаимодействия церкви и власти в основных христианских конфессиях строится по-разному: в православии – это идея симфонии, в католицизме – концепция двух мечей, в протестантизме – идея отделения церкви от государства [8]. Спецификой социально-политического развития Полоцкого княжества и ВКЛ является толерантное отношение властей к церкви и законодательное закрепление традиций веротерпимости: все религиозные перемены, реформационное движение, уния 1596 г. проходили без кровавых войн, характерных для стран Западной Европы. Однако дискриминация на основе религии во внутренней политике Речи Посполитой явилась поводом для ее разделов и продолжилась в Российской империи. Мы

не углубляемся в исследование противоречий XVII–XVIII вв., т.к. не ставим задачи систематического исторически последовательного изложения всего процесса становления в Беларуси моральных норм и регулятивов и его теоретической фиксации. Исторические персоны предстают как выразители достигнутого уровня развития нравственной культуры общества. Ценности христианства в процессе формирования белорусского этноса осмысливаются как своеобразная ступень духовно-нравственного освоения социальной действительности, раскрывающая отношение людей к ее многообразным проявлениям.

Делая выводы из вышеизложенного, выделим ведущие моральные регулятивы общественной жизни периода формирования белорусской государственности: 1) дохристианские духовные ценности, проявлявшиеся в языческих, мифологических обычаях и обрядах; христианские духовные ценности: заповеди Ветхого Завета, Нагорная проповедь Христа, нравственные нормы и др.; духовные ценности восточнославянских народов: единство, коллективизм, взаимопомощь (этап генезиса государственности); 2) ценностные ориентации единения и консолидации земель перед угрозой завоевания, героизм, патриотизм (этап становления государственности); 3) принципы христианства как ориентиры поведения, общения и деятельности, высшие духовно-нравственные ценности универсального порядка (эпоха расцвета старобелорусской культуры).

В период существования старобелорусского государства общечеловеческие нравственные нормы и гуманистические ценностные ориентации, развивающиеся в русле христианского мировоззрения, явились платформой для формирования первопричин гражданского общества. Социально-философский анализ ценностей христианства и их влияния на нравственное формирование общества X–XVI вв. позволяет сделать вывод о созидательных способностях народа, раскрывшихся на путях построения старобелорусской государственности и воплотившихся в духовной культуре (развитие политики и права, науки и искусства, способов хозяйствования). Ценности христианства, в наибольшей мере соответствовавшие мировоззрению и установкам старобелорусского общества, общей направленности протекания процессов государственного устройства, стали базовыми ценностями в формировании нравственной культуры старобелорусских земель X–XVI вв. и приобрели институциональный статус в статутах ВКЛ, репрезентуя единство индивидуального и общественного. Уровень развития нравственной культуры определяет судьбу государства, влияет на прогрессивное развитие общества или его деградацию. Успехи Полоцкого княжества и ВКЛ свидетельствуют о конструктивном характере выбранного направления развития общественной и государственной практики, основанного на ценностях христианства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лютая, А. Э. Изменения численности торгующих и гильдейского купечества в Беларуси в период позднего феодализма / А. Э. Лютая, А. М. Лютый // Новая и новейшая история Европы и США: проблемы, поиски, исследования : сб. науч. ст. / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. пед. ун-т ; редкол.: А. П. Житко [и др.] ; науч. ред. Г. А. Космач. – Минск, 2006. – С. 21–26.
2. Тураўскі, К. Творы Кірыла Тураўскага / К. Тураўскі // Кірыл, епіскап Тураўскі: Жыццё. Спадчына. Светапогляд / склад. і навук. рэд. А. А. Мельнікаў. – Мінск, 2000. – С. 252–452.
3. Конан, У. М. Хрысціянскія каштоўнасці беларускай літаратуры / У. М. Конан // Хрысціянства ў гістарычным лесе беларускага народа : зб. навук. арт. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, ГрДУ імя Я. Купалы, Ін-т гісторыі НАН Беларусі ; рэдкал.: С. В. Марозава [і інш.]. – Гродна, 2008. – С. 397–405.

4. Скорина, Ф. Предисловия и послесловия / Ф. Скорина // Франциск Скорина и его время : энцикл. справ. / Белорус. сов. энцикл. ; редкол.: И. П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 1990. – С. 7–216.
5. Доўнар, Т. І. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо; рэдкал.: Т. І. Доўнар [і інш.]. – Мінск : Тэсей, 2003. – 352 с.
6. Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.starbel.narod.ru>. – Дата доступа: 16.01.2015.
7. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. сав. энцикл. ; рэдкал.: І. П. Шамякін [і інш.]. – Мінск : БСЭ, 1989. – 573 с.
8. Короткая, Т. П. Христианство в Беларуси: история и современность / Т. П. Короткая, А. И. Осипов, В. А. Теплова. – Минск : Молодеж. науч. об-во, 2000. – 71 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 19.02.2015

Lahunouskaya A.A. Spiritual Values of Christianity in the Formation of Moral Foundations of Old Belarusian Society in X–XVI Centuries

The article presents the author's vision of the formation of moral foundations of old Belarusian society in the context of spiritual values of Christianity. As structural components of moral culture of society the spiritual and moral legacy (moral Fund), the social mechanism of its distribution, moral and spiritual processes life activity of the people are distinguished.

УДК 101.1:316

С.Г. Павочка*канд. филос. наук, доц., доц. каф. общественных наук
Гродненского государственного аграрного университета***ЛИЧНОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ЕВРАЗИЙСТВА**

В статье рассматриваются личностные основания социальной философии евразийства. Автор отмечает, что личность является центральной категорией философской рефлексии евразийства. Задействование методологического потенциала данной категории сделало возможным конструирование новой комплексной науки – персонологии, которая интегрирует в единое целое в евразийской философии культуру, социальную сферу, экономику и политику. При помощи категорий личности и персонологии как теоретической основы евразийского мышления наиболее известный вошедший в состав евразийства мыслитель Л.П. Карсавин обосновал новый вариант русской философии всеединства. Делается вывод о том, что этот вариант философии всеединства может оцениваться как творческое развитие русской философии. С другой стороны, теоретические спекуляции Карсавина могут быть представлены и как последнее по времени и наиболее оригинальное конструирование русской идеи единства в начале XX в. Благодаря логическим импликациям Карсавина евразийское движение обрело форму теоретически обоснованной конструкции.

Введение

Евразийство как идейное движение оформилось в условиях русской эмиграции «первой волны» в 1921 г. Оно прочно связано с именами Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Г.В. Флоровского, П.П. Сувчинского, Л.П. Карсавина и ряда других представителей русской интеллигенции. Евразийцы отличались в широком спектре идейных исканий пореволюционного интеллектуального ландшафта русского зарубежья радикальной постановкой вопросов о смысле русской революции, об историческом предназначении России и дальнейших перспективах ее развития, рассматривая русскую культуру как «евразийско-русскую» с явным преобладанием в ней восточных, «туранских» элементов. Социально-философские основания идейных поисков евразийцев обнаруживают достаточно определенный инвариант, восходящий к парадигме «положительного всеединства» В.С. Соловьева второй половины XIX в. Основополагающие спецификации евразийского мышления оказались центрированы на проблему личности и поиск основ ее теоретического осмысления – персонологию. Предлагаемая статья посвящена выявлению и анализу личностных оснований социальной философии евразийства, приведших в итоге его виднейшего теоретика Л.П. Карсавина к обоснованию нового варианта метафизики личности.

Понятие личности у евразийцев обрело расширенный статус: реально существующей полагалась не только индивидуальная личность, но и социальная группа («сословие», «класс»); реален народ, субъект культуры (европейской, русско-евразийской), реально человечество как соборные (симфонические) личности. Как носитель определенной культуры, системы ценностей и ориентаций любой народ – субъект исторического процесса, материализующий в нем свои духовные начала посредством объективации целесообразного творчества, обнаруживающего совокупность индивидуальных и коллективных целеполаганий и целенаправленных волевых усилий. Таким образом понятие личность атрибутировалась характеристиками неразложимости и неповторимости, закладывающими основы интегральной мировоззренческой призмы евразийского мышления – персонологии. Историческая конкретность, эмпирическая положенность индивидуальной и коллективной личности в историческом бытии фиксировалась в синтезе духа и плоти, функциональная обусловленность и взаимосвязь которых становилась

предметом синтетически ориентированного исследования, предполагавшего преодоление дихотомии души и тела в рамках трактовки данной оппозиции как психофизиологического единства. Включенность коллективной личности (а через нее и индивидуальной) в историю, локализация ее в пространстве, очерченном пределами государственно-территориальных образований, и ее временная идентификация становятся для евразийцев специфической познавательной ситуацией и формирующимся на ее основе понятийным каркасом геософии (П.Н. Савицкий) – установления системных характеристик, отражающих связи исторической личности с занимаемой ею природно-физической средой. Синтетичность подхода не позволяла «вынести за знак» познаваемого множества («месторазвития») многонародную личность, поскольку как коррелирует окружающей ее природной стихии она сопричастна ей, функционально ответственна и является ее продолжением. Разработанное мыслителями понятие личности стало ключевым понятием антропологической рефлексии евразийства, связывая его философскую, социологическую, историософскую и политическую проблематику. Идея личности, по словам П.Н. Савицкого, пронизывает все аспекты евразийской конструкции. В плане религиозном она представлена идеей личного Бога, в плане историософском – это идея России-Евразии как особого рода симфонической личности, в социально-экономическом плане она выражается в творческом значении личности.

Творческие силы современного им Запада диагностировались евразийцами как исчерпанные. Будучи внешне прикрытым успехами научно-технического прогресса, этот кризис наиболее полно выражен в упадке философских систем, «убывании души» западной культуры. Суть его усматривалась в отсутствии органически-синтетических идей, замене органического единства механическим, процессах атомизации социальной жизни. Данной тенденции противопоставлялось понимание личности как «живого и органического единства многообразия». Утверждая концепцию симфонической личности, симфонической культуры, евразийцы обращались также и к раннему христианству, развивавшему представления о естественном стремлении народов жить по правилам внутреннего порядка, основанного на вселенской гармонии Бога, человека и мира. Понятию симфонической личности было придано значение «качествования» – воплощения трансцендентного начала в мире. В соответствии с ним отдельно взятая личность раскрывает себя через связанное, «стяженное» единство объемлющего ее природного, социального, духовного миров. Предложенная евразийцами версия всеединства отличается своей онтологической и диалектической направленностью. Она включает иерархичность строения и упорядоченность целого, где степень индивидуализации личности (мера индивидуальности) зависит от свободного стремления личности к соучастию в созидании общественного порядка, приобщения к симфоничности бытия. В силу «тварности» любая личность несовершенна, и в этом состоянии всегда сказывается ее потенциальность, нераскрытость свойственных ей «качествований». Их актуализация связана с актами познавательной деятельности, приводящими к включению личности в структуру окружающей действительности, раскрытию внутреннего содержания личности и личностных качеств бытия, делая тем самым возможным процесс восхождения тварного мира к Богу посредством целеполагающей деятельности симфонической личности, направленной на преобразование ее внутреннего мира. Таким образом, личность не только индивидуальна, она соборна.

Сама культура и смысл ее существования детерминированы ценностями созидющего ее субъекта. Культура создается свободным субъектом, выступая одновременно и его свободным самопроявлением – частью живым и становящимся, а частью – отделяющимся от субъекта и застывающим в форме традиции, опять же свободно человеком приемлемой, одобряемой и видоизменяемой в соответствии с «духом», целым культуры. В культуре евразийцы различали прошлое (историческую традицию), насто-

ящее и будущее как сферу свободополагаемых целей. Культуру евразийцы истолковывали не как случайную совокупность отдельных элементов, а как органическое и специфическое единство, как живой организм. С чисто формальной точки зрения нет самостоятельных культур в том плане, что все новые культуры рождались в существующей среде других культур. Но в сущности своей каждая из них самобытна, возникает и развивается как нечто абсолютно новое и специфическое, что фиксируется евразийцами в понятиях «идея» или «дух» культуры.

Русское славянофильство XIX в. было «смутным» осознанием своеобразия русской культуры. Евразийство «углубило» понимание специфичности русской культуры, которая приводит мыслителей к решительному отрицанию сущности западничества именно как отрицания самобытности и существования русской культуры. Очарованию западного духа в свое время подверглись и славянофилы, что выразилось в растворении последними русско-евразийской культуры в племенном родстве. С евразийской точки зрения более важным в осмыслении русской культурной специфики признаются «туранские элементы», а механистический подход к культуре должен быть восполнен принципом органичности, единства и целостности культуры. Культура всегда рождается и развивается как определенное органическое целое; «конвергентно» локализуется в политической, хозяйственно-экономической и бытовой формах, выявляется в этническом типе, географических особенностях территории.

Развитие предполагает наличие того, что развивается, т.е. субъекта развития, в исторической действительности это всегда личность. При этом развитие не является каким-то самобытием, оно всегда есть сам саморазвивающийся субъект (личность). В истории субъектами развития могут быть как индивидуумы, так и, в случае «общего» развития, коллективные или соборные, симфонические личности, к примеру, группа, народ, культура, человечество. Культуру евразийцы понимали в двух ее значениях: 1) культура как симфоническая личность (культуроличность, культуросубъект), что приближало мыслителей к пониманию культуры Данилевским и Шпенглером; 2) культура как осуществленные возможности и продукты культуроличности. Допущение существования симфонических личностей не означает, с точки зрения евразийцев, гипостазирования отвлеченных сущностей. Симфоническая личность не существует вне своих индивидуаций, так же как культура или народы не существуют вне своих носителей, составляющих их индивидуумов. Различие между индивидуальным и общим сводится здесь к различию между индивидуумом и симфонической личностью. При этом индивидуумы представляют собой свободную самоиндивидуализацию симфонической личности, а сама симфоническая личность трактуется как единство и согласованное множество индивидуумов. Поэтому «христианская культура, как симфоническая личность, осуществляет себя в ряде низших симфонических личностей (культуры евразийско-русская, европейски-католическая и др.), а эти низшие – в ряде народов, как народы – в последнем счете – в индивидуумах» [1, с. 144]. По мнению виднейшего теоретика евразийства Л.П. Карсавина, реальное единство и личное бытие человечества, и в нем христианской культуры, не являются подтверждением «всемирно-исторической точки зрения» и не означают принятия идеологии прогресса. Единство личности предполагает, что ее «однородные» состояния суть разъединенные в пространстве и времени проявления одного состояния. С середины XIX в. стала преобладать доктрина исторического материализма. Ее предпосылка состоит в понимании исторического процесса как осуществляющегося по принципу материально-механических явлений. История предстает как сумма причинно взаимосвязанных процессов и неизменных фактов. Сам вопрос о природе каузальной связи не рефлексировался, также вне внимания остается и вопрос о «сумме», или «системе», которая отождествляется с естественнонаучными «законами», интерпретируемыми аналогично законам естествознания.

Начала материалистически-механистической доктрины евразийцы связывали с католическими религиозно-философскими учениями о Провидении, с новоевропейским деизмом. Формально материализм как методология, или понимание исторического бытия как устроенного по принципу материального мира, неизбежно приводит к признанию приоритета материальной стороны общественной жизни. Основа истории локализуется в «хозяйственных», материальных процессах, тогда как в действительности из материи нельзя вывести что-либо, кроме материи. Последнее ведет к разъединению симфонической личности на телоподобные системы и к отрицанию ее как личности. Основным социальным телом признается класс – наименее органическое из социальных единств. Класс как низшее единство элементаризируется далее, классовая борьба проецируется в прошлое, становится историческим нервом современности. При этом класс мыслится как сумма индивидуумов. Сама же гипотеза классового устройства общества, как и признание классовой борьбы сущностью и причиной истории, в действительности отражает внутреннее состояние современного западного общества, его разложение и «умирание» в нем личного начала, упрощение общественных отношений. Все богатое разнообразие личной жизни уходит в полуживотную сферу, упрощается и аккумулируется в элементарных стихиях зависти, жадности, ненависти. Определяющими категориями социального бытия становятся бедность и богатство, а сам социальный идеал усматривается в равенстве, охватывающем и сферу духовных явлений. Здесь действует элементарная логика: упрощенному состоянию общества соответствует упрощенное сознание, утрачивающее способность в прошлом и будущем рассмотреть сложное единство личности. В теоретических воззрениях современного евразийцам социализма была схвачена проблематика реальной жизни. Однако эти теории носили идеалистический характер. Негласно они признают симфоническое и личное бытие за классом пролетариев. Пролетариат наделяется многими добродетелями, прежде всего – государственными. Тем самым они отрицают себя самих точно так же, как отрицает себя и погибает отражаемая в них данность.

Единство личности имеет глубокие предпосылки и коренится в сверхиндивидуальном личном единстве. Сама она выступает как индивидуализация этого единства. Различая частно-человеческие (отдельные) личности и личности соборные, евразийцы указывали на губительность самозамыкания и изоляции личности. И индивидуальные, и соборные личности должны осваивать «исторический труд» других субъектов истории. При этом мыслители разграничивали личное усвоение чужого, т.е. усвоение, в котором личность преобразует усваиваемое ею в специфическое свое, и подражательное усвоение, имеющее внешний характер и ведущее к утрате личностью собственной культурной специфичности. Примером последнего усвоения может являться история европеизации России.

Эгоцентризм и эгоизм личности сказываются в умалении личного бытия в индивидуе, а через него и в любом соборном субъекте. Так, например, евразийско-русская культура может обладать личным бытием только потому, что она специфически осуществляет все человечество, а сама реализуется в ряде дальнейших соборных личностей (наций), которые, в свою очередь, раскрывают себя в ряде дальнейших личностей, каждая из которых определяется особым качеством, но для полноты бытия нуждается в многообразии проявлений. Это движение «вниз» осуществляется до уровня первоначальных соборных личностей – первичных социальных групп, состоящих в конечном счете из индивидуумов. Поэтому любая нация, хотя и специфична, но осуществляет всю культуру как целое. Ее отрыв от других наций, выраженный в образовании самостоятельного целого, неизбежно ущербен. В этом контексте Л.П. Карсавин определял и основные функции нации. С одной стороны, нация призвана к своеобразному осуществлению многонациональной культуры как целого, с другой – она должна осуществ-

ляют всю культуру, но только в одном из ее аспектов. Субъект культуры дифференцируется в многонациональной культуре через отдельные нации на частных соборных субъектах, представляющих собой его «вторичные индивидуации». Отличие между ними заключено в функциональном различии их качественностей. Различие между частными соборными субъектами и субъектом культуры относительно и локализуется в сферах ее качественностей (сферах культуры). В качестве таких сфер у Л.П. Карсавина выступают государственная (политическая) сфера, основная задача которой усматривается в преимущественном осуществлении единства культуры и личного бытия ее субъекта; духовное творчество, или духовная культура; сфера материального бытия ее субъекта. Они соотносятся в иерархическом порядке, обуславливающим их значение в культуре как целостности. Л.П. Карсавин при этом указывает на ошибочность обоготворения государства, признавая его конечной целью культурное развитие и бытие. Государство представляет собой личную форму культуросубъекта, подчинено его целям. Именно в этом проявляется смысл проводимого евразийцами в теории примата культуры. Взятое само по себе, государство не обладает творческой силой, хотя и является способом осуществления творческой деятельности культуросубъекта. Государство вторично по отношению к культуре, являясь формой ее личного бытия.

Заявленный Л.П. Карсавиным принцип анализа культуры базировался на актуализации аристотелевской терминологии – понимании политики как «огосударственного целого». Понимание соотношенной с политикой культуры как «огосударственного целого», с одной стороны, снимало антитезу общества и государства, но, с другой стороны, признавало государственность моментом, определяющим единство и целостность культурного организма [2, с. 111]. Представленная в плане единства культура предполагает не простое систематическое единство ряда самостоятельных сфер, таких как государственность, социальный и экономический строй, духовная сфера, и не монистическое ее понимание посредством выведения ряда частных сфер общественной жизни из какой-либо одной частной. Учение о личности евразийцы соединили с религиозными основаниями жизни. Религиозная вера, призванная воодушевлять «пафосом вечного, абсолютно-ценного», мыслилась как «властный призыв к абсолютно оправданной деятельности», вытекавшей из абсолютного обоснования религиозных начал и выводившей за рамки частных интересов индивида, социальной группы, культуры в целом. В эмпирическом мире не существует полноты и совершенства, в нем недостижимы ни цель, ни предел становления, ни истинное бытие. В эмпирии все потенциально, все моменты бытия представлены здесь «стяженно». Поэтому всеединство эмпирии является относительным, полнота бытия, как идеал и задание, остается неосуществимой. Она достигается в инобытии через акт, призванный восполнить творение вочеловечивания, воплощения Божества в человеке. Человек и человечество содержат в себе и актуализируют весь мир. При этом человечество представляет собой всеединство всех культурных личностей, всех культурных душ, а душа культуры – всеединство индивидуализирующих ее народов, народ, в свою очередь, – всеединство низших индивидуализаций «групп», любая из которых – всеединство индивидуумов. Таким образом понимаемое всеединство человечества в эмпирическом мире в каждом моменте и в целом этого бытия образует «ущербное» единство.

Развитый в русской философии принцип всеединства Л.П. Карсавин дополняет принципом триединства, в котором триада выявляемых мыслителем составляющих характеризует закономерность процесса становления и развития: первоединство – саморазъединение – самовосстановление. Принцип триединства описывает динамику бытия, тогда как всеединство отражает его статику и структуру. В сконструированном Карсавиным варианте метафизики бытия триединство было отнесено к истинному, божественному бытию. Этот принцип проецируется им и на эмпирический мир, соотносимый

с первым как несовершенство и совершенство. Данная экстраполяция приводила к утверждению личностного характера бытия, позволяя провести отождествление бытия с бытием личности.

Двойственность духовного и социального бытия весьма продуктивно была осмыслена в русской философии С.Л. Франком, усмотревшим все справедливые и обоснованные требования социального «универсализма» в утверждении первичной духовной формы «мы». «Народная душа», «общий дух» определенного социального целого, общее как подлинно реальное единство имеет своим носителем и реальным субстратом единство «мы», которое «лежит не в множественности индивидуальных членов общения и само не имеет облика лично-индивидуального всеобъемлющего субъекта (облика коллективного «я»); оно лежит в первичном единстве самой множественности, в том, что сама множественность отдельных индивидуумов может жить и действовать лишь как самообнаружение объемлющего и проникающего ее единства. Отдельность, обособленность, самостоятельность нашего личного бытия есть отдельность лишь относительная; она не только возникает из объемлющего его единства, но и существует только в нем» [3, с. 298]. Именно поэтому многоединство, или соборность, образует специфический фундамент общества и его жизни, разворачивающейся преимущественно в плане духовного, а не материального бытия.

Поскольку симфоническая личность реальна, то она необходимо должна обладать и формой своего личного бытия. Форма бытия коллективной личности определяется как система взаимоотношений между актуализирующими данную симфоническую личность индивидуумами. Эта система пространственно и временно превышает эмпирическую индивидуальную личность. В эмпирической жизни симфонической личности наличествуют ее прошлое (как традиция) и будущее (желания, цели). Но полнота симфонической личности, сама симфоничность, или соборность, не осуществима опытно: «осуществленность соборности предполагает, что всякий акт симфонической личности является свободным согласованием всего множества индивидуальных актов, которые «слагают» соборный и осуществляют в нем каждый свое» [4, с. 149]. Полнота симфонической личности выше эмпирических пространственно-временных разъединений, выше необходимости и свободы, бытия и небытия. Данная полнота, по мнению евразийцев, может быть осуществима только в Церкви, но не в эмпирической жизни, в которой неизбежны неполнота соборности, ограничение личности и свободы. Неизбежными в эмпирической жизни являются пассивность и угнетаемость, насилие и сопротивление ему, принуждение и согласие.

В религиозном вопросе евразийцы выразили дистанцию по отношению к надконфессиональному христианству. Парадигма «вселенского христианства» Вл. Соловьева оказалась преломленной через призму понимания христианства как объединяющего внутри, но обособляющего вне Евразии. Евразийское его осмысление было ориентировано на оправославление «нехристианских сущностей» Евразии, позволяя на уровне метафизического мышления через исключительность введенного евразийцами русского православия как всеединства и полной индивидуализации снять этноконфессиональные различия Евразии. Восходящая к Соловьеву классическая линия русского философствования мыслила Церковь в качестве посредника между государством и обществом и свой теократический идеал противопоставляла идеократии как государству с авторитарным режимом правления, при котором претендующая на всеохватность идеология лишала индивидов духовной суверенности. Дальнейшая эволюция русской религиозной мысли, полагает современный исследователь истории русской философии Е.М. Амелина, была сопряжена с неуклонным обмирщением идеала «свободной теократии», что наиболее полно получило свое разрешение в евразийстве [5, с. 278]. Более того, подчиняя личностному началу историческое и социальное бытие, трактуя любые

человеческие сообщества и социальные образования и группы как особые «симфонические личности», евразийцы, и в особенности Карсавин, грешат прямолинейностью и жестким подчинением индивидуального коллективному, хотя сама идея трансцендентально-индивидуального обобщения личностных категорий интересна и плодотворна, поскольку открывает новые возможности для философствования в ключевом топосе современной мысли – топосе субъективности [6, с. 80].

Свойственный русской философии принцип мистического единства людей постулируется и интерпретируется часто в качестве некоторой особой сущности наряду с отдельными входящими в него личностями. Это присуще и «мировому сознанию» П.Я. Чаадаева, «мистической Церкви» А.С. Хомякова, «Софии» Вл.С. Соловьева, что свидетельствует о формировании определенной имперсоналистской тенденции: «Если мы понимаем единство людей как сущность наряду с отдельными личностями, то неизбежно встает вопрос о метафизическом приоритете: либо отдельные личности обладают абсолютной фундаментальностью, и, значит, их единство вторично и не столь существенно, либо единство первично и фундаментально, и тогда личности не обладают всей полнотой независимого бытия» [7, с. 123]. Данное противостояние в истории русской мысли определило напряженность дискуссий между сторонниками «персонализма» и «соборности». Выход за рамки обозначенной оппозиции возможен не через принятие одной из противоположных сторон, а через признание ложности самой дилеммы, вытекающей из приверженности сознания к пониманию соотношения части и целого в духе пространственной аналогии, что последовательно было проведено Л.П. Карсавиным в его метафизике личности. Множественность и разъединенность признаются свойствами самого «всеединства», не менее важными, нежели единство. Сущностная дескрипция всеединства опирается на элиминацию самого противопоставления единства и множества, что достигается посредством радикального «замыкания» всеединства: самый «незначительный» и «мельчайший» элемент всеединства признается абсолютно тождественным всеединству как целому.

Заключение

Идея личности, являясь основополагающей в социальной философии евразийства, позволила мыслителям логически завершить построение нового варианта метафизики личности, не лишенного, однако, определенной противоречивости. Созданная Л.П. Карсавиным философская концепция личности, существенно выделяясь из предложенных ранее в русской мысли Серебряного века вариантов интерпретации взаимосвязи индивидуально-личностного и общественного начал, предельно радикализировала проблему связи личности, социума и трансцендентного начала. Вытекающие из данной концепции практические следствия оказались для судеб евразийства достаточно драматичны. Обмирщение социальных идеалов и общий практический пафос евразийства, ориентированный на переустройство общественного бытия, во многом стимулированный теоретическими изысканиями виднейшего евразийского философа, привел в дальнейшем к существенной политизации евразийства как идейного движения, его внутреннему расколу и постепенному исчезновению в конце 30-х гг. XX в. И тем не менее евразийский вариант метафизики личности может рассматриваться как хронологически последний и наиболее оригинальный способ теоретического обоснования социального единства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карсавин, Л. П. Феноменология революции / Л. П. Карсавин // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли : сб. тр. евразийцев. – М. : Беловодье, 1997. – С. 141–201.

2. Карсавин, Л. П. Основы политики / Л. П. Карсавин // Мир России – Евразия : антология / сост.: Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. – М. : Высш. шк., 1995. – С. 110–154.
3. Франк, С. Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию / С. Л. Франк // Русское зарубежье: из истории социальной и правовой мысли. – Л. : Лениздат, 1991. – С. 243–438.
4. Трубецкой, Н. С. К проблеме русского самопознания / Н. С. Трубецкой // История. Культура. Язык / Н. С. Трубецкой. – М. : Прогресс, 1995. – С. 105–211.
5. Амелина, Е. М. Проблема общественного идеала в русской философии конца XIX – начала XX вв. / Е. М. Амелина. – Калуга : Эйдос, 2004. – 336 с.
6. Мелих, Ю. Б. Философия Карсавина в Серебряном веке и в наши дни / Ю. Б. Мелих, С. С. Хоружий // Вопр. филос. – 2013. – № 4. – С. 76–87.
7. Евлампиев, И. И. Преодоление «атомистической» модели человека в философии Л. Карсавина / И. И. Евлампиев // От Я к Другому: проблемы социальной онтологии в постклассической философии : сб. докл. – Минск : ЕГУ, 1997. – С. 122–133.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 11.02.2016

Pavochka S.G. Personality Basis of Eurasian Social Philosophy

In the article, the personality basis of Eurasian social philosophy is analyzed. The author denotes that personality is a central category of philosophical reflection of Eurasian social thinking. With the help of methodological potential of this category, it was possible to construct new complete science – personology that in Eurasian philosophy integrate into culture, social sphere, economy and politics. The most famous Eurasian thinker L.P. Karsavin with help of personality and personology as theoretical basis of Eurasian thinking substantiated a new variation of Russian unity-philosophy. The conclusion is made that this variation can be evaluated as creative continuation of development of Russian unity-thinking. Other sides of Karsavin's theoretical speculation can be represented as the last and the most original construction of Russian unity idea of the beginning of the XXth century. Thanks to Karsavin's logical implication of Eurasian movement became a form of theoretically founded building.

УДК: 165.242.1(091)

А.И. Яручик*соискатель каф. философии, младший научный сотрудник
Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки (Луцк)***МЕТОД ПОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В «ОПЫТАХ» МИШЕЛЯ МОНТЕНЯ**

Статья посвящена осмыслению философского наследия Мишеля Монтеня, оставившего неоценимый культурно-исторический след в истории мировой мысли. Философия французского гуманиста основывалась на одном из древнейших призывов: «Познай самого себя». Мыслитель излагает свои взгляды на проблемы познания и самопознания, находясь в постоянном поиске истинных знаний о человеке. Его антропологическая рефлексия основывалась на личных ощущениях, настроениях, особенностях натуры, способе жизни, духовном мире. В стремлении к самопознанию Монтень видел не только возможность человека познать себя, но стать подлинной личностью. Познавательная деятельность Монтеня длилась четверть века – почти всю его сознательную жизнь, – что усложняет процесс исследования примененного им метода познания человека, но дает ключ к его разгадке. Наиболее приемлемым методом самопознания для Монтеня стало жизненно-опытное познание, которое непосредственно вписывалось в ход повседневной жизни. Его самопознание было очень разнообразным в проявлениях, но нерасчлененным ни по содержанию, ни по форме существования: эмоции переплетались со знаниями, желаниями, чувствами, душевным проявлениями. Прибегнув к самопознанию, Монтень хотел приблизить философию к человеку и его ежедневным проблемам, к жизни в целом. В центре его «Опытов» пребывал обычный человек, подверженный постоянной изменчивости и непостоянству.

Введение

Анализ тенденций духовного развития современного общества в целом и положения философии в частности свидетельствует, что назрела потребность переориентации философских исследований на решение главных мировоззренческих проблем и интеграцию нового исторического опыта и новых научных знаний. Главной задачей осмысления универсальной картины мира, которую Ян Амос Коменский образно назвал «лестницей мира» [1, с. 335], является объяснение и изображение ее определяющих компонентов (природы, общества и человека) достоверно и во взаимосвязи через раскрытие существующих между ними многочисленных отношений. Бесспорно, связующим звеном и главным «игроком» этих отношений выступает человек, который является реальным субъектом и центром своего универсума.

Стремление человека познать самого себя всегда было одним из главных стимулов развития философской мысли. Монтень начал переосмысливать наследие античности и нашел такой способ изложения, который дает возможность одновременно защищать и отрицать, быть отважным и умеренным, давал возможность совмещать синтез реальности и фантазии. В духе его времени мыслителем был основан новый оригинальный способ изложения, который имел античные корни, но само слово «essais» было введено Монтенем в мировое интеллектуальное пространство. В переводе с латинского «essais» следует понимать как «опыты на себе» [2, с. 6].

За четырехсотлетнюю историю существования «Опытов» Монтеня их изучению посвящено более трех с половиной тысяч трудов и публикаций. В современных исследованиях к вопросу о методе познания в философии французского гуманиста обращались Э. Ауербах, Ф. Десан, А. Горфункель, Э. Кассирер, М. Кириченко, Ф. Коган-Бернштейн, Г. Косиков, А. Стасенко, К. Штирле, Х. Фридрих и другие, но эти исследования не дают целостного понимания метода изучения человека Монтенем.

Научный руководитель – С.С. Возняк, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и менеджмента социокультурной деятельности Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки (Луцк)

Цель статьи – на основании переосмысления «Опытов» и их интерпретаций попытаться выяснить, какой метод для познания человека был использован М. Монтенем и в чем сущность предполагаемого метода. Возникает вопрос, правомерно ли прибегать к рассмотрению метода в «Опытах», если:

- 1) эссе Монтеня не совсем отвечают идеалу классического философского труда;
- 2) до этого времени остается неопределенным место Монтеня в системе смысловых эпох;
- 3) нельзя однозначно отнести взгляды Монтеня к определенному философскому направлению;
- 4) М. Монтень позиционирует себя случайным и неосмысленным философом;
- 5) сам автор указывает на отсутствие метода в тексте «Опытов».

Важным вопросом для нашего исследования является проблема понятия метода как такового. Далее мы попытаемся выяснить наличие или отсутствие метода познания человека в «Опытах». В случае успешного результата планируем раскрыть сущность предполагаемого метода, а также проанализировать, каким образом этот метод был применен Монтенем и какие выводы относительно человека были сделаны.

Метод – (древнегр. – путь, вослед пройденному) сознательно примененные порядок и последовательность действий, которые приводят к желаемому результату.

Как представитель новой гуманистической генерации, Монтень осознавал, что каждый исследователь должен извлечь собственный урок, прежде всего, из истории своего народа и собственной жизни. Еще до французского гуманиста была создана новая модель самопознания благодаря повороту Августина к внутреннему миру человека, которая впоследствии приобрела светский характер. Отныне, благодаря Августину, исследователи углублялись в себя, не обязательно ища Бога, а пытаясь осмыслить цель жизни и оправдать собственное бытие. Так называемый ранний Ренессанс открыл человека как явление, но не открыл глубины его антропологической структуры в предельной сложности и аутентичности.

Замысел М. Монтеня отыскать ответы на существенные мировоззренческие вопросы способствовал его интеллектуальной деятельности, которая требовала определенного философского осмысления огромного наследия предшественников и современников, а именно погружения в сферу философии. Впоследствии мыслитель будет утверждать, что другие авторы помогали ему высказывать мысли точнее и способствовали его личному поиску истины. Для Монтеня стало очевидным, что мудрым можно быть только благодаря собственной мудрости, а в поиске истины следует полагаться лишь на самого себя. Отсюда становится понятным, почему именно Сократа Монтень считал самым мудрым философом и почему призыв «Познай самого себя» стал его жизненным кредо.

Задачи философии Монтень видит в «искании истины, знаний и достоверности» [3, с. 438]. В поиске истинных знаний о человеке мыслитель преклоняется перед мудростью древних, но не находит единого убедительного ответа, поскольку «каждый из них по очереди прав, хотя они и противоречат друг другу» [3, с. 502]. Впоследствии философ изменяет подход к поиску истины, меняя местами жизнь и рефлектирующую мысль над ней. Теперь прочитанное проверяется со стороны жизни, хотя такая *интroversия* тоже не удовлетворяет Монтеня, поскольку, как он смог заметить, у каждого свое мировосприятие и свои законы жизни.

В эпоху гуманизма существовало два способа изложения размышлений: риторический и дискурсивно-логический. Им соответствовали два метода: метод убеждений и метод доказательства, но Монтень использует свой собственный способ философствования и излагает мысли по мере того, как они возникают. Связующим звеном, по его мнению, выступала случайность. Но эти «случайности» и «отступления» не отводят

мыслителя от замысла изучить определенную проблему или дать ответ на поставленный жизнью вопрос. В связи с этим А. Горфункель утверждает, что «Монтень отвергает метод бесконечных толкований и глосс», а прибегает к поиску истинных знаний о человеке и мире [4, с. 208].

Бесспорно, главным предметом познания Монтень избрал себя и, как всякий излагающий свои мысли, находился наедине со своим «Я». Э. Ауэрбах, немецкий исследователь, усматривает в «Опытах» наличие *экспериментального* метода, который благодаря самонаблюдению соответствует предмету исследования – человеку. «Метод Монтеня, столь хорошо учитывавший все изменения самого его существа, внешне капризный и прихотливый, не подчиняющийся никакому плану», – заключает ученый [5, с. 292]. Исследователь и переводчик трудов философа Ф. Коган-Бернштейн также однозначно заявляет, что «книга Монтеня представляет собой определенный этап в выработке экспериментального метода» [6, с. 344].

Монтень с детства приучился рассматривать свою жизнь через жизни других людей, поэтому решает исследовать человека, изучая жизнь «выдающихся и избранных людей» [3, с. 437]. В «Опытах» затрагиваются различные темы: культура, религия, народы, философские системы, но все это мыслитель рассматривает лишь для того, «чтобы неожиданно в какой-то момент приложить это к себе или, вернее, вложить в себя» [3, с. 331]. Впоследствии мыслитель отметит, что каждому человеку очень полезен опыт вообще, но самое главное для каждого – это извлечь выгоду из собственного опыта. Физикой и метафизикой для Монтеня стало познание себя, и это самопознание он предпринял в первую очередь для того, чтобы умудрить себя собственным опытом. «В жизни Цезаря мы не найдем большего числа поучительных примеров, чем в нашей собственной», – делает для себя вывод Монтень [7, с. 271, 272]. Именно как *опытное* познание позиционирует метод исследования в «Опытах» Монтеня украинский ученый М. Кириченко [8]. Если подразумевать опыт как особенную субъективную форму освоения мира, в которой органически переплетаются всеобщность, с одной стороны, и индивидуальность, уникальность, неповторимость конкретного человека с другой, то концепт опыта выступает как *экзистенциальный*. Такой подход используется в современной философии.

Безусловно, Монтень знал, что «Я» всегда выявляется через отношение к «Другому», но мнения и оценки «Других» – это лишь видение надетой маски, а не истинного облика. К тому же эти мнения постоянно меняются, поэтому Монтеня больше волновало то, каков он есть сам для себя. Основанный философом новый метод познания человека предполагал самопознание через изучение человеческого опыта, который мы получаем извне и изнутри, потом рефлектируем его и воспроизводим реальную картину. Такая рефлексия обязательно требует раздвоения личности на «Я», которое поддается анализу, и «Я», которое анализирует, т.е. на объект и субъект познания. Желанного личностного единства можно достичь тогда, когда эти два «Я» будут в гармонии, и тот, кто анализирует, получит одобрение со стороны того, кого анализирует. Как утверждает Г. Косиков, для рационалистического склада ума Монтеня единственным способом изучить свою «самость» был *познавательный-аналитический* метод, принявший форму самонаблюдения [9, с. 20–21]. В этой связи нужно вспомнить французского исследователя К. Штирле, для которого Монтень не художник самого себя, а художник собственных мыслей, которые сами определяют свою истинность [10, с. 45]. Но это мнение не выражает сути метода Монтеня, а еще больше усложняет поиск его понимания.

Анализируя становление метода в XVI в., французский исследователь Ф. Десан отмечает, что текстам Макиавелли, П. Рамуса, Ж. Бодена был присущ метод псевдообъективизма, который вел к универсализму [11, с. 116]. Но Монтень скорее принимает отличие, а не универсализм, поэтому его метод не подразумевает поиска готовой истины.

Первым шагом его размышлений выступает сомнение, которое не становится фундаментальной основой познания человека. Так, Х. Фридрих пишет, что познание вещей дается нам лишь через изменчивость и субъективность, поэтому объективной истины не может быть в принципе [12, с. 245]. Монтень понимает, что истина не дается человеку в готовом виде, ее нужно искать, поэтому следует использовать метод, который позволит учесть многогранность и отличия. Поскольку мир – это вечные качели, то человека он осмысливает тоже в движении, «от одного дня к другому, от минуты к минуте» [7, с. 19]. Монтень хочет показать свой истинный образ таким, каким он есть в определенное время, ведь завтра он может быть другим. Этот замысел можно осуществить лишь благодаря творческой деятельности, а именно, изобразив себя в книге. «Другие творят человека; я же только рассказываю о нем и изображаю», – делает вывод французский гуманист [7, с. 18].

Познание человека в «Опытах» впоследствии основывается на рассмотрении жизни «выдающихся и избранных людей» [3, с. 437]. Мыслитель не только ссылается на авторитетных авторов, но сталкивает их взгляды в поиске истины. Еще с детства Монтень приучился рассматривать свою жизнь в жизни других, но он не отсылает себя к античным авторам, а сам выступает причиной написания эссе. Книга стала неотъемлемой частью жизни и главным делом философа. «Моя книга в такой же мере создана мной, в какой я сам создан своей книгой», – говорит Монтень [3, с. 593]. В общем, три книги французского гуманиста отображают картину многолетнего непрерывного самоанализа и тщательного внимания к себе и всей своей многогранной жизни. Осмысление жизни в целом и отдельных жизненных проявлений в частности способствовало формированию у Монтеня убеждения, что познание самого себя – одна из важнейших задач человека.

Исследователь философии Монтеня А. Стасенко поднимает вопрос об аспектах различия методов Монтеня и Декарта. Отмечается, что «метод Монтеня, в отличие от метода Декарта, на котором может быть основана истинная наука, осуществляет разворот на “Я” еще до автора “Метафизических размышлений”» [13, с. 7]. Подход Монтеня отличается от подхода Декарта тем, что Монтень не подает свой опыт как универсальный, а Декарт делает акцент на индивидуальном нахождении истины. Если у Монтеня текст построен на различии и многозначности, то у Декарта он основан на методе и порядке. А. Стасенко делает вывод, что «“Опыты” традиционно считаются потерянным звеном, тщательно скрытым Декартом, которое связывает кризис средневековой мысли и инновационный характер философии Нового времени» [13, с. 7].

Наиболее приемлемым термином для обозначения метода Монтеня, по нашему мнению, есть *жизненно-опытное* познание, которое непосредственно вписывается в процессы повседневной человеческой жизни. Это познание является очень разнообразным в проявлениях, но нерасчлененным ни по содержанию, ни по форме существования: здесь эмоции переплетаются со знаниями, желаниями и т.п. Такое обоснование выше упомянутого метода делает В. Петрушенко, учитывая многоаспектность познания и необходимость расширения горизонтов познавательной деятельности человека, что может помочь ему предпринимать осознанные усилия для приобретения необходимых знаний [14, с. 354].

Возвращаясь к Монтеню, нужно подчеркнуть, что он был занят изучением лишь одной науки – «науки самопознания, которая должна ...научить хорошо жить и хорошо умереть» [3, с. 357]. Мы согласны с Э. Кассирером, который еще в начале прошлого века отмечал, что размышления Монтеня «дают нам ключ ко всему последующему развитию современной теории человека» [15, с. 12].

Для Монтеня было очевидным, что познать человека вообще можно лишь познав себя. Соответственно, познав себя, можно познать мир. «Наш мир – не что иное,

как священный храм, открытый для человека, чтобы он мог созерцать в нем предметы, не созданные смертной рукой, а такие, как солнце, звезды, вода и земля, которые божественное провидение сотворило доступными чувствами для того, чтобы дать нам представление о вещах, доступных лишь высшему разуму», – такой познавательный наказ дает Монтень последующим поколениям [3, с. 387]. Напутствие Монтеня человеку – «Будь мудрым! Будь здоровым! Будь рабом самого себя! Довольствуйся своим!».

Заклучение

В целом философские размышления Монтеня связаны с живыми наблюдениями, размышлениями и его жизненным опытом. Для мыслителя чужой была претенциозность на научность, полноту, индивидуальную значимость. Он постоянно подчеркивает необязательность своих личных взглядов, потому что для него осознанная рефлексия была несколько личной и интимной, то есть субъективной. Монтень как бы со стороны рассматривает себя, свое место в обществе и с некоторым разочарованием отстаивает для себя предпочтение личной жизни над общественной.

Посредством собственного «Я», используя жизненно-опытное познание, автор исследует свою «самость» во всех жизненных проявлениях. Попытка изобразить человека вообще стала более тяжелой, нежели философ мог себе представить, поскольку человек оказался настолько противоречивым и изменяющимся, что цель очертить его общий образ оказалась проблематичной.

Если следовать логике, что философия – это осознанная рефлексия, потребность в которой не пропадает, то нужно признать, что Монтень всей своей жизнью и творческой деятельностью утвердил довольно оригинальный идеал философа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коменский, Я. А. Всеобщий сонет об исправлении дел человеческих / Я. А. Коменский // Изб. пед. соч. : в 2-х т. – М. : Педагогика, 1982. – Т. 2. – С. 285–469.
2. Гитин, В. Г. Предисловие / М. Монтень // Афоризмы и сентенции ; сост. Г. В. Остапенко. – М. : АСТ ; Харьков : Торсинг, 2003. – 348 с.
3. Монтень, М. Опыты : в 3 кн. / М. Монтень ; пер. с франц. – М. : Наука, 1979. – Кн. 1–2. – 704 с.
4. Горфункель, А. Х. Философия эпохи Возрождения / А. Х. Горфункель. – М. : Высш. шк., 1980. – 368 с.
5. Ауэрбах, Э. Мимесис / Э. Ауэрбах. – М. : [б. и.], 1976. – С. 292.
6. Коган-Бернштейн, Ф. А. Мишель Монтень и его «Опыты». Приложение / Ф. А. Коган-Бернштейн // Монтень, М. Опыты : в 3 кн. ; пер. с франц. – М. : Наука, 1979. – Кн. 3. – С. 315–361.
7. Монтень, М. Опыты : в 3 кн. / М. Монтень ; пер. с франц. – М. : Наука, 1979. – Кн. 3. – 535 с.
8. Кириченко, М. С. Гуманістичні засади розуміння людської природи у філософії Д. Юма та їх сучасні інтерпретації : автореф. дис. ... канд. філос. наук : 09.00.05 / М. С. Кириченко ; Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. – Київ, 2003. – 16 с.
9. Косиков, Г. К. Последний гуманист, или подвижная жизнь истины / Г. К. Косиков // М. Монтень. Опыты. Избранные главы. – М. : Правда, 1991. – С. 5–32.
10. Stierle, K. Le cadre vide, Montaigne peintre / K. Stierle // Conscience de soi de la poésie. – Paris, 2008. – 45 p.
11. Desan, P. Naissance de la Methode / P. Desan. – Paris, 1987. – 116 p.
12. Friedrich, H. Montaigne / H. Friedrich. – Paris, 1968. – 245 p.

13. Стасенко, А. Д. Монтень и Декарт: вопрос о методе и субъективности / А. Д. Стасенко // Дискурсы этики. – 2013. – № 1. – С. 7–21.
14. Петрушенко, В. Л. Філософія : підручник. – 4-е вид, виправл. і доповн. / В. Л. Петрушенко. – Львів : Магнолія, 2009. – 506 с.
15. Кассирер, Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры / Э. Кассирер // Проблема человека в западной философии ; сост. П. С. Гуревич. – М. : Прогресс, 1988. – С. 3–30.

Рукапіс паступиў у рэдакцыю 09.03.2016

Yaruchyk A.I. The Method of Human Cognition in the Essays of M. Montaigne

The article deals with the philosophical heritage of Michel de Montaigne, who made a valuable cultural and historical contribution to the history of world thought. The philosophy of the French humanist was based on one of the most ancient aphorisms «Know thyself». The thinker sets out his views on the problems of cognition and self-knowledge, being in the search for real knowledge of man. His anthropological reflection was based on his personal feelings, mood, character traits, way of life, and spiritual world. Montaigne viewed the striving for self-knowledge not only as the possibility of man to know himself, but also as the way to become a genuine personality.

Montaigne's cognitive activity lasted a quarter of a century, almost all his adult life, which complicates the process of investigation of his method of human cognition, but provides a clue to its understanding. Montaigne's most acceptable method of self-knowledge was the one characterizing life experience which directly fitted into the course of everyday life. The manifestation of his self-knowledge was very varied, but it was not divided according to its content and form of existence: emotions were intertwined with knowledge, desires, feelings, and mental manifestations. Considering self-knowledge, Montaigne wanted to bring philosophy closer to man and his everyday problems, to life in general. «Essays» focus on an ordinary person, subject to constant change and fickleness.

УДК 796.011.7

Ю.В. Булутова*аспірант каф. беларускай і мировой художественной культуры
Белорусского государственного университета культуры и искусств***ЭСТЕТИКА ИСКУССТВА И СПОРТА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

В статье анализируются основные выразительно-эстетические черты, свойственные искусству и спорту. Тенденции развития художественной культуры на рубеже XX – начала XXI в. отличают процессы художественных трансформаций, стилистического и жанрового смешения разных видов искусств. Закономерно наступил этап стирания границ искусства с другими формами культуры, затронувший физическую культуру. По эстетическим характеристикам спорт наиболее близок искусству. Есть отдельные виды спорта, в которых сложно провести четкую грань между искусством и спортом (художественная гимнастика, фигурное катание). Также рассмотрены аспекты тесного взаимодействия спорта и художественной культуры.

Введение

Динамика развития художественной культуры зависит от двух ее составляющих: 1) сохранение предшествующей художественной традиции и 2) актуализация новаций, соответствующих логике развития искусства в контексте культурно-общественных трансформаций. В художественной культуре рубежа XX – начала XXI в. масштабы стирания границ взаимодействия искусства с другими формами культуры, такими как физическая, порождают неоднозначные внутренние противоречивые тенденции в существовании самого искусства. Спорту, как и искусству, свойственна игра не только физических и эмоциональных, но и интеллектуальных возможностей человека. Это свидетельствует о полифункциональности спорта, обнаруживая широкий не только спектр социокультурных характеристик, но и непосредственную взаимосвязь с художественной культурой.

«Эстетизация» как ведущее направление в развития культуры и спорта на рубеже XX – начала XXI в.

Вольфганг Вельш, доктор философии, профессор университета в Бамберге, пишет об «эстетическом буме», переживаемом современной западной культурой начиная с конца 80-х гг. XX в. Проявления этого «бума» обнаруживаются повсюду: от разнообразия индивидуальных стилей поведения и одежды, городского дизайна и экономики вплоть до формирования имиджа отдельных государств. Эстетизация становится главным направлением экономической стратегии. Основным приобретением покупателя становится эстетическая аура, а уж вместе с ней и сам продукт.

«Эстетика ориентирована на выявление универсалий в чувственном восприятии выразительных форм окружающего мира, – подчеркивает О. Кривцун. – В широком смысле это универсалии произведения искусства, художественного творчества и восприятия, универсалии художественной деятельности вне искусства (дизайн, промышленность, спорт, мода и др.), универсалии эстетического восприятия природы» [1]. Профессор В. Вельш рассматривает спорт в качестве основного примера современной эстетизации повседневной жизни, в которой наблюдается определенный сдвиг от этики к эстетике. В качестве примеров он указывает на акцентирование во время исполнения на эстетических элементах движений спортсменов, в которых контроль над телом пре-

Научный руководитель – Н.В. Карчевская, кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры хореографии Белорусского государственного университета культуры и искусств

вращается в праздник тела; популяризацию эротических элементов в спорте, в которых происходит отрицание классической подготовки атлетов – античной аскезы, а также дизайнерские разработки спортивной атрибутики.

Идея эстетики спорта восходит к классической теории игры как формы искусства, изложенной Ф. Шиллером в работе «Письма об эстетическом воспитании». Ранее Платон и Аристотель находили родство между игрой и искусством, считая игру эстетичной по своему характеру. Они рассматривали ее как естественное выражение подвижной природы всего живого. По мнению Шиллера, художественная деятельность – наивысшая форма игры, поскольку она состоит главным образом в свободном выражении фантазии и интеллекта. Вероятно, в этом и заключается сложность проведения четкой грани между областью искусства и спорта: танец с лентой или шарфом на сцене относят к искусству, а упражнения с теми же предметами – к спорту; этюд на эстраде – явление искусства, а выступление на соревнованиях – спортивное явление. Такая размытость в очертании границ искусства и спорта объясняется многообразием их видов и разновидностей и возможностью в связи с этим соприкосновения и рождения переходных форм. Пожалуй, последнее представляется наиболее очевидным, особенно в видах спорта с ярко выраженной эстетической окрашенностью. Здесь «искусство» понимается как «искусность», как синоним мастерства, совершенства в области пластической техники, сложных и красивых композиций, гармонично связанных с музыкой, и переживание этих ситуаций спортсменом и зрителем подобно художественному. Так, проблема связи музыки и движения была центральной в эстетическом воспитании греков, что, как известно, было ведущим во всей системе воспитания греческих граждан. Музыка и гимнастика считались равнозначными, дополняющими друг друга в среде воспитания атлетов-воинов. Ни тому, ни другому не отдавалось предпочтения. Античные мыслители считали, что музыка воспитывает душу, гимнастика – тело, а вместе они служат гармоническому развитию телесных и духовных способностей человека, воспитанию в нем чувства красоты. Гегель отмечал, что греки вначале сами преобразовывали себя в прекрасные формы, а затем объективно выражали их в мраморе и на картинах. Музыкально-гимнастический характер античной теории и практики воспитания позволил грекам достичь успехов.

Выразительно-эстетические черты в искусстве и спорте: сравнительная характеристика

В работах советских ученых (А.А. Воробьева, Г.А. Праздников, М.Я. Сараф, В.И. Столяров), исследовавших уровни взаимодействия художественной культуры и спорта, анализируются проблемы привычного отнесения спорта к культуре физической, а искусства – к культуре духовной, создающие впечатление их полной противоположности. Все, что принято понимать под физической культурой: от простой гигиены тела до высокого спортивного мастерства, – кажется областью, обособленной от искусства или весьма отдаленной от него. Принадлежность искусства и спорта к различным сферам общественной жизни не исключает, а предполагает наличие у них общих черт. Это подтверждается следующими факторами:

- 1) их общей обращенностью к человеку, способному объединить ценности физической и духовной культуры в единый сплав;
- 2) подвижностью самих по себе форм спорта и искусства, имеющих точки соприкосновения, способных порождать различные виды художественно-спортивной деятельности;
- 3) общностью требований, которые предъявляет жизнь ко всем областям человеческой деятельности в каждую конкретную эпоху.

Наряду с общими чертами М.Я. Сараф приводит ряд принципиальных отличий между искусством и спортом:

1. Спорт не является образным отражением действительности.
2. Выразительность в действиях спортсмена и актера не совпадает, так как в спортивных соревнованиях ставятся иные задачи – приоритет технического мастерства.
3. В спорте первичен субъект – личность спортсмена, в искусстве, например, в театре, субъект вторичен, а все действия направлено на объект – зрителя.
4. Собственная индивидуальность в творческом акте у художника отличается экспрессивностью выражения эмоций, в то время как у спортсмена выражается в максимальной собранности внутреннего состояния [2].

В современных реалиях интеграции, синтеза, преобразования и, как следствие, стирания границ между жанрами и видами искусства взаимопроникновение различных социокультурных феноменов в художественную культуру выглядит вполне оправданным. Обозначим ряд **выразительно-эстетических характеристик**, свойственных искусству и спорту в их подобии и различиях:

1. **Эстетика прекрасного** в понимании Аристотеля выражается в конкретно-чувственных формах, что составляет сущность произведения искусства. Античный философ видит воплощение красоты в гармонии, чувстве меры, величине и порядке. Так, в концепции Б. Лоу красивого (изящного, гармоничного) спортивного выступления важен и еще один момент: «Атлет-художник трактует свое искусство в двояком аспекте: с точки зрения технического совершенства, исходя из таких критериев, как скорость, сила, стратегия и физическое мастерство, и в плане символических ценностей этики и общественного поведения» [3, с. 67]. Красота спорта строго целесообразна. Бег красив не потому, что спортсмен поставил себе целью бежать красиво. Он бежит красиво, когда бежит правильно. В противном случае, если и возникает эстетический эффект, то скорее комический. Ритмичность движений, выразительность линий, стремительность и устойчивость эстетически значимы только в структуре конкретного вида спорта, а потому эстетические параметры бокса иные, нежели в гимнастике. Впрочем и о специфической красоте того или иного вида спорта в целом можно говорить лишь теоретически.

2. Сходство в искусстве и спорте обнаруживается в уже существовавшем в античных драмах «триедином» эффекте **«соучастия – сопереживания – сотворчества»** и зрителя, и болельщика. Г. Гадамер подмечает, что «для спортивного болельщика художественное произведение, т.е. состязание как игра, понимается как «случай символической репрезентации жизни, и любое переживание в равной степени приближается к этому случаю» [4, с. 46].

3. Изобразительно-выразительным языком спорта является мастерское владение своим собственным телом. Гегель утверждал, что формирование тела человека при помощи физических упражнений есть процесс, подобный художественному творчеству, а гармонично развитое тело – живое произведение искусства. Таким образом, происходит совпадение законов красоты в художественном творчестве и в физическом совершенствовании человека. Более того, само формирование красивого тела рассматривалось Гегелем как некая художественная деятельность, как создание произведения на основе собственной **телесности**.

4. **Процесс создания** произведения искусства в его классическом понимании (скульптуры, живописи, дизайна или фотографии) направлен на получение **результата** в виде конкретного «опредмеченного» творения – музыкального или литературного опуса. Наряду с этим пространственно-временные искусства (театр, танец, цирк) выполняют двоякую функцию: законченные произведения «оживают» в процессе выступления. Здесь можно провести аналогию с выступлениями в спорте, в котором процесс заключен непосредственно в игре.

5. Искусство спортивной организации базируется на сознательном формировании *игрового азарта* у участников и зрителей спортивного действия с целью социально-психологического контроля (физиологические страсти переплавляются в эстетические эмоции), что принципиально отличает их от театральной зрелищности. К примеру, цирк вырос из школы верховой езды (XIV–XV вв.) и балаганного театра. Сущность данного вида искусства заключается в зрелищной демонстрации силы, ловкости, смелости, красоты человека. Это роднит цирк со спортом. Однако цирковые номера отличаются эксцентричностью, парадоксальностью, рассчитаны на удивление зрителей, а спортивные движения направлены на получение результата, престижа в спортивном мире.

В настоящее время, используя спортивную *зрелищность* как ведущий маркетинговый принцип, спортивные соревнования (профессиональные и любительские) приобрели эстетически законченный образ, в котором присутствует разработка фирменного стиля команд, спортивного инвентаря, атрибутики; открытие предваряет музыкально-театральное представление, в программу состязаний все чаще включают проведение художественных конкурсов. Для повышения внимания к физической культуре устраиваются показательные выступления, спортивные праздники, парады, манифестации, спортивные цирки. Мероприятия носят характер спортивно-массовых зрелищ, заранее поставленных режиссером, в которых происходит искусственная имитация воссоздания ценности спортивной деятельности.

6. Общность искусства и спорта проявляется в схожести применения ими *системы выразительных средств*: композиции, ритма, линии, цвета, динамики. Пластика, грация, изящество находят наиболее полное выражение в облике человека: соразмерности форм его тела, свободе, ловкости, гибкости и выразительности движений и жестов. Эти качества человека доставляют эстетическое наслаждение в жизни и искусстве.

7. В качестве *оценочной* меры явлений искусства выступает *художественный вкус*. Не обладая точной шкалой измерений, вкусовая оценка, однако, вовсе не лишена объективности, хотя и субъективна по форме. Этим критерием пользуются и в некоторых видах спорта, где оценка за художественность дополняет оценку технического мастерства. Показательно, что за редкими исключениями «перепад» мнений разных судей минимальный, что свидетельствует об однозначности впечатления. Однако этот критерий оказывается единственным в *художественных конкурсах* – своеобразных соревнованиях в сфере искусства, истоки которых находятся в глубокой древности. В Элладу любое состязание (атлетов или музыкантов) называлось одинаково – «агон». Это слово определяло сущность и место соревнования. Состязания в пении, танцах, импровизации, инструментальном исполнительстве – традиционные формы народной и профессиональной художественной культуры. Особым видом соревнования выступает концерт (от латинского *concerto* – состязаясь). Концерт как музыкальная форма представляет собой виртуозное сочинение для одного или нескольких инструментов и оркестра. Суть этой формы – сопоставление (состязание) солиста и оркестра. Концертный принцип может быть положен в основу иных жанров. Яркий пример – балет И.Ф. Стравинского, суть которого заключена в названии – «Агон». Подчеркнутое игровое начало этого балета находит выражение в «соревнованиях» 8 танцовщиц и 4 танцовщиков, а также инструментов в оркестре [5].

Искусство и спорт: современная философия взаимодействия

Возрождение Олимпийских игр и развитие новых, в том числе технических, видов спорта повлияли на архитектуру городов. Огромные стадионы, дома спорта, плавательные бассейны, мото- и велотреки, ипподромы, водные и лыжные станции, целые комплексы спортивных лагерей и «Олимпийских деревень» – все это вместе с парковым окружением, занимающее большие территории, заметно изменило архитектурный

облик городов. Олимпийские комплексы в Париже, Лондоне, Стокгольме, Амстердаме, Риме, Токио и других городах создавались в зависимости от спортивной программы Игр. Их архитектура отличается особой спортивной легкостью, сдержанностью, грациозностью, геометризмом. Города «олимпийской эпохи» трудно себе представить без спортивных сооружений, которые отражают динамичный стиль жизни людей XX – начала XXI в. Развитие физической культуры и спорта вызвало к жизни различные отрасли художественной промышленности, изготавливающей кубки, значки, эмблемы, плакаты. Моделирование спортивной одежды, конструирование спортивного инвентаря, создание спортивных маршей, песен, гимнов, издание альбомов, открыток, марок, различных этикеток на спортивные темы, отражение спортивной тематики в произведениях литературы, изобразительного искусства, драматургии, в кино и на телевидении сблизили и обогатили искусство и спорт.

Учитывая историческую тенденцию сближения искусства и спорта, организаторы XIX Олимпийских игр мексиканцы выдвинули лозунг: «Самая главная духовная цель Олимпийских игр – связать воедино тело и разум, спорт и искусство». Тогда, в оргкомитет вошли наряду с представителями спортивной общественности видные деятели искусства. В программу Олимпиады была включена выставка «Спорт в искусстве» и другие художественные проекты.

«Загадка формулы: спорт плюс искусство» – фильм режиссера Г. Чертова по сценарию Д. Полонского «Неделя» извещает о начале футбольного турнира в закрытом манеже статьей «Футбольный театр открывает сезон». «Считаю футбол искусством», – заявлял в интервью известный тренер Нодар Ахалкаци. В этой связи уместно обратиться к взаимоотношениям искусства и олимпийского движения. В разделе 4 Олимпийской хартии говорится: «Олимпийские игры должны включать следующие элементы: соревнования в атлетических и гимнастических упражнениях, игровых видах спорта, плавании, верховой езде, пятиборье и художественных конкурсах». Эта программа дополняется разделом 10 «Правила и протокол организации Олимпийских игр», гласящим: «Художественные экспозиции и другие мероприятия, которые могут быть организованы во время игр и в связи с ними, никак не регламентируются. Желательно, однако, чтобы они были многочисленны, чтобы среди них были публичные лекции и что-бы работы, представленные на художественный конкурс и отобранные жюри, экспонировались на олимпийском стадионе или в его окрестностях» [6].

Заклучение

Подобно искусству, спорт направленно формирует личность, организуя тело и душу в соответствии с идеалами человеческой культуры, приобщая каждое новое поколение к социально-значимым ценностям. М.С. Каган подчеркивает: «Чем более развитыми становятся все три способа человеческой деятельности – *материальный, духовный и художественный*, – тем дифференцированное оказываются порождаемые ими слои культуры – *материальной, духовной, художественной*» [7]. Этот процесс осуществляется путем синтеза, интеграции и взаимодействия художественного с внехудожественным (дизайн и материальная культура, художественная гимнастика, фигурное катание).

В спорте высших достижений, где физическая подготовка состояющих приобщительно одинакова, духовно-интеллектуальные качества личности играют не вспомогательную, а решающую роль. На рубеже XX – начала XXI в. актуальным направлением взаимодействия художественной культуры и спорта остается тенденция «спортизации» искусства, в первую очередь затрагивающая хореографический жанр. Как справедливо замечает М.С. Каган, искусство, «понимаемое как высокий уровень мастерства в любой области деятельности, внехудожественной и художественной, т.е. совершен-

ное исполнение данной работы, приобретает тем самым непосредственно эстетический смысл, т.к. искусная деятельность, где бы и как бы она ни проявлялась, становится красивой, эстетически значимой» [5].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Кривцун, О. А. Эстетика / О. А. Кривцун. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 430 с.
- 2 Сараф, М. Я. Спорт и художественная культура / М. Я. Сараф // Спорт, духовные ценности, культура. – М., 1997. – Вып. 5. – С. 35–41.
- 3 Лоу, Б. Красота спорта: Междисциплинарное исследование / Б. Лоу ; послесл. и коммент. В. И. Столярова и М. С. Сарафа. – М. : Радуга, 1984. – 123 с.
- 4 Гадамер, Г.-Г. Истина и метод / Г.-Г. Гадамер. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
- 5 Каган, М. С. Морфология искусства / М. С. Каган. – Л., 1972. – С. 434.
- 6 Никишин, Д. Эстетика спортивного зрелища (на примере футбола) / Д. Никишин // Рукопис. журн. Об-ва ревнителей рус. филос. – София. – 2002. – Вып. 4. – С. 13–16.
- 7 Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. – СПб. : Лань, 1996. – 415 с.
- 8 Питер, Дж. А. Эстетические аспекты спорта. Философия спорта : хрестоматия / Дж. А. Питер ; сост. А. И. Пешков. – СПб. : Олимп-СПб, 2005. – 233 с.
- 9 Титов, П. Б. Антропологические аспекты концепта «телесность» в философии спорта : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / П. Б. Титов ; МГУ имени М. В. Ломоносова. – М., 2015. – 29 с.
- 10 Гадамер, Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
- 11 Welsch, W. Aestheticization processes: Phenomena, distinction a. prospects / W. Welsch // Theory, culture & society. – Cleveland, 1996. – Vol. 13, № 1. – P. 1–24.
- 12 Зись, А. Я. Теоретические предпосылки синтеза искусств / А. Я. Зись // Взаимодействие и синтез искусств / под. ред. Д. Д. Благой. – Л. : Наука, 1978. – С. 5–20.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.03.2016

Bulutova Y.V. Comparative Analysis of Arts and Sports: Aesthetic Aspects

This article analyzes the main expressive and aesthetic features characteristic of art and sports. The trends in the development of artistic culture at the turn of XX – beginning of XXI century is distinguished by the processes of artistic transformation, stylistic and genre mixing of different kinds of art. Naturally came the stage of erasing the boundaries of art with other cultural forms that affected the physical culture. For aesthetic performance sport is the closest art. There are some sports in which it is difficult to draw a clear distinction between the domain of art and sports (the gymnastics, the figure skating). In addition, the article discussed the prospects regarding the revival of the Olympic Games, in the end contributed to a closer interaction with the artistic culture of the sport.

УДК 316.342.7:37.014.523

Э.С. Ярмусик

*д-р ист. наук, доц., проф. каф. истории Беларуси,
археологии и специальных исторических дисциплин*

Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

В условиях глобализации, постоянной трансформации современных обществ всё более очевидным становится усиление влияния Церкви, религиозных норм и ценностей на политику и социальные отношения. Процессы религиозного возрождения, происходившие в республике в 1990-е гг., позволили по-новому оценить роль церковных институтов в государстве. Религия стала важным фактором общественной и государственной жизни Беларуси. В статье рассматривается современная религиозная ситуация в Гродненской области, специфика отношений органов власти и религиозных институтов, их роль в идеологической, социальной и образовательной сферах. Потенциал религиозных организаций используется в целях консолидации общества, гармонического развития национальных отношений и межконфессионального диалога, в решении актуальных общественных, социальных и проблем духовного, нравственного воспитания. Данная тема не получила достаточно полного освещения в научной литературе, несмотря на её актуальность и несомненную практическую значимость. Цель статьи – раскрыть роль и значение религиозного фактора в современных политических и социальных процессах, происходящих на региональном уровне.

Введение

В современных условиях одно из существенных мест в политической и идеологической деятельности государств занимает геополитика. Конец XX – начало XXI в. ознаменовались резким обострением отношений в глобальных геополитических процессах, направленных на очередной передел мира и установление «нового мирового порядка». На общий мировой глобальный кризис накладывается внутриевропейский кризис, содержащий в себе в уменьшенном масштабе ту же совокупность проблем: геополитический, военный, идеологический, экономический передел мира, реализуемый в основном средствами силового давления. Всё это ставит на грань катастрофы ситуацию в Европе. Опускаясь ниже, имеем ту же картину на территории бывшего СССР, как в целом, так и в постсоветских государствах в частности. Как показывают события, происходящие в последние десятилетия, в них немаловажную роль играет религиозный фактор [1].

Демократизация общественно-политической жизни в бывших союзных республиках создала предпосылки для возрождения религиозных ценностей. Религия и ее институты активно проявляют себя не только в сфере религиозной, но и политической, социальной, культурной, образовательной. Не только государство, но и различные политические силы стремятся использовать религиозный фактор для достижения определенных идейно-политических целей, нередко деструктивных, которые могут привести к дестабилизации ситуации в обществе. Власть, надо отдать ей должное, обратила внимание на позитивную, объединительную роль Церквей, а Церкви, в свою очередь, стали рассматривать политику и партнёрские отношения с государственными и общественными структурами как средство достижения конкретных религиозных, социальных, просветительских, культурных и иных целей [2]. Церковь, отделенная по закону от государства, тем не менее, с одной стороны, активно служит объектом политики, а с дру-

гой – превращается в субъект политики, т.е. активное, направляющее начало политической воли. Свидетельством тому являются оценки религиозными деятелями политических событий в мире, стране, их участие в различных государственных, общественно-политических, культурных и других мероприятиях.

Церковь в условиях разрушения прежних коммунистических идеалов и ценностей, которые ранее культивировались в советском обществе, прилагает немало усилий для формирования новых духовно-нравственных и культурных ценностей и идеалов, фундаментом которых является христианское вероучение. В настоящее время она всё более и более претендует на роль общественного и социального института, который способен решить многие важные проблемы современного бытия человека и общества, подсказать пути выхода из кризиса.

Включение религиозных организаций в сферу общественной жизни и социального служения

В условиях падения одной власти (советской) и формирования новой (в суверенной Республике Беларусь) церковь (православная, католическая, протестантская и др.), используя свой богатый исторический опыт, быстро включалась в происходящие общественно-политические процессы, тем самым вольно или невольно вовлекалась в сферу политической деятельности. Правда, вскоре иерархи и духовенство поняли опасность политизации религиозной жизни и выработали иные, значимые для каждой церкви, государства и общества, направления деятельности.

В Республике Беларусь произошла переоценка взаимоотношений государства и церкви, имевших место в советском прошлом. Опыт, во многом отрицательный, показал, что религия была и остается одним из важнейших системообразующих компонентов политической культуры, напрямую соприкасающийся с политической и социокультурной жизнью общества. Несмотря на неудавшийся советский эксперимент полного вытеснения религии и церкви из публичной жизни и общественного сознания людей, получился обратный результат. Церковь, христианское учение не только помогали верующим в тяжелых жизненных ситуациях, но и служили источником общечеловеческих ценностей, являясь частью духовной культуры и нравственных начал народа [2].

Государство приняло новое законодательство о религиозных организациях, основанное на демократических принципах и полной гарантии религиозных свобод. Тем самым был совершён коренной поворот в государственно-конфессиональной политике, основанный на взаимовыгодном для обеих сторон сотрудничестве. При этом государство целиком не отказалось от контроля за деятельностью религиозных организаций, сохранив прежние структуры на республиканском, областном, городском и районном уровнях [3, с. 122–142]. С одной стороны, это позволяет властным структурам вникать в сферу религиозной деятельности, предупреждать нежелательные явления, такие как религиозный экстремизм, фанатизм, использование религии в политических целях. С другой стороны, органы власти на законодательном уровне могут использовать потенциал религиозных организаций в различных сферах общественной жизни, в том числе идеологической, социокультурной, просветительской и т.д. В этом случае многие сугубо религиозные мероприятия приобретают своеобразную идеологическую и политическую окраску, поскольку они санкционируются властными структурами и проводятся с их участием.

Таким образом, религиозный фактор приобрёл особую роль во всех сферах жизнедеятельности государства и общества. В идеологии белорусского государства он представляет собой совокупность религиозно-политических воззрений, религиозных идеалов, традиций, религиозно окрашенных ценностей, религиозно-психологических моти-

вов и побуждений, имеющих значения для поведения человека в общественной сфере, благодаря которым религия непосредственно или опосредованно проникает в сферу идеологии белорусского государства. Религия и идеология в реальной жизни тесно переплетаются. Власть всегда стремилась использовать церковь, вовлекая ее в те или иные политические процессы. С другой стороны, сама церковь нередко боролась за приоритет над светской властью, используя свое влияние на массы. В этой связи церковь может рассматриваться как одна из сил, которая формирует идеологию, наряду с такими институтами, как само государство, политические партии, СМИ и т.д. [4, с. 247].

Возрастание роли религиозного фактора в идеологических процессах, происходящих в Гродненской области (заметим, что они являются составной частью таких же процессов в Республике Беларусь, хотя имеют свою специфику), тесно связано с «религиозным возрождением». Оно проявилось в конце 1980-х – начале 1990-х гг. и стало заметным явлением в общественной жизни Беларуси и Гродненщины в частности. Этот период, продолжавшийся примерно до 2005 г., характеризовался как количественными (увеличение числа религиозных организаций, общин, духовенства, возвращение верующим культовых зданий), так и качественными (расширение сферы влияния религиозных организаций, активизация их связей с зарубежными церквями и центрами, усиление миссионерской деятельности, подготовка молодых кадров священнослужителей) показателями [5, л. 1–21].

В 1990-е гг. происходила идеологическая дифференциация православной и католической церкви на Гродненщине. Так, православное духовенство и верующие в большинстве своём выступали за союз с православной Россией, поддерживали усилия правительства Республики Беларусь в этом направлении [6, л. 95]. В то же время в католической церкви имели место прозападные настроения, которые распространялись прибывавшими из Польши ксендзами и монашествующими. Об этом, в частности, говорилось в письме председателя Гродненского облисполкома А.И. Дубко на имя Государственного секретаря Совета Безопасности В.В. Шеймана (1995 г.): «Польские ксендзы и монашествующие занимаются не только религиозной деятельностью, но и всемерно воспитывают у католического населения польский патриотизм. Ими подчеркивается, что область была дважды оккупирована – в 1939 и 1944 гг., что граница Польши находится в районе Столбцов. Ежегодно значительное количество детей приглашается католическими приходами на отдых, где с ними проводится соответствующая работа. Наблюдается тесное взаимодействие и координация усилий Союза поляков на Беларуси и костёла. Особенно это проявляется при увековечивании памяти солдат Армии Крайовой. Некоторые религиозные общины работают исключительно под патронатом зарубежных центров (Новоапостольские, иудейские, общины Церкви Христовой). Регулярно приезжают проповедники из США, Германии, Израиля. В некоторых общинах устанавливается индивидуальное членство. Для привлечения в общины используется гуманитарная помощь. Неразборчиво ведётся пропаганда религиозной идеологии в СМИ» [6, л. 30].

Существенным является и тот факт, что процессы религиозного возрождения объективно приводят к конкуренции между религиозными организациями – за паству, за влияние в обществе, за патернализм со стороны органов власти и т.д. Приграничное положение Гродненщины, ее соседство со странами Евросоюза создало привлекательность для зарубежных миссионеров, прежде всего католических и протестантских. Немаловажное значение имеет и то, что действующие на Гродненщине религиозные организации подчиняются заграничным центрам: Белорусская Православная Церковь – Московскому Патриархату, Римско-католическая – Ватикану, протестанты – различным центрам, находящимся в странах ЕС и США, неокульты – в азиатских странах или США.

Бесспорно, органы власти учитывают специфику деятельности каждой из церквей и степень влияния на них заграничных организаций, центров и миссий.

В этой связи религиозному фактору стало уделяться более пристальное внимание в идеологической, массово-политической, социокультурной сферах жизнедеятельности общества. Государственные органы и религиозные организации увидели друг в друге партнёров, что позволило более эффективно реализовывать стоящие перед ним цели и задачи. Гродненским облисполкомом принимаются программы развития конфессиональной сферы, национальных отношений и сотрудничества с соотечественниками за рубежом. В них предусматриваются мероприятия по развитию и регулированию конфессиональной сферы общества: проведение социологических мониторингов; разъяснение политики государства в этноконфессиональной сфере; работа по расширению сферы использования государственных языков при проведении религиозных служб, организации учебного процесса в духовных учреждениях; усиление взаимодействия местных исполнительных органов власти с представителями традиционных конфессий, редакциями СМИ, общественностью с целью предотвращения возникновения на территории области деструктивных и псевдорелигиозных групп; участие представителей органов власти в массовых мероприятиях, которые проводятся религиозными организациями; проведение встреч с руководством религиозных организаций по вопросам развития и деятельности религиозных организаций, недопущения деятельности незарегистрированных религиозных организаций, а также несанкционированных массовых мероприятий религиозного характера [7].

В идеологической работе, проводимой в Гродненской области, большое внимание уделяется гармонизации межконфессиональных и межнациональных отношений. Как результат, на этой почве не происходит каких-либо конфликтов или недоразумений. Органы власти совместно с руководством Гродненской епархии БПЦ и Гродненского диоцеза РКЦ, а также приходов и парафий согласовывают деятельность в этом направлении. Вот несколько примеров.

В 2000 г. при поддержке властей в городе Лиде был установлен памятный знак в честь 2000-летия Рождества Христова. Знак, который стал символом духовного единения православных и католиков, был освящен католическим епископом Гродненского диоцеза Александром Кашкевичем и православным епископом Новогрудским и Лидским Гурием. 7 июня 2014 г. в рамках мероприятий фестиваля национальных культур в Гродно был установлен памятный знак на месте разрушенной в 1961 г. Фары Витовта. Знак освятили епископ Гродненский и Волковысский Артемий и епископ Гродненский Александр Кашкевич. В выступлении епископа Александра Кашкевича прозвучали такие слова: «Это место – память о наших христианских корнях и прошлых поколениях жителей города Гродно. Надеюсь, что через сегодняшнее освящение этого памятного знака для всех нас это место будет не просто местом воспоминаний, но и напоминаний об уважительном отношении к родному храму, напоминаний о взаимоуважении различных вероисповеданий, различных религий» [8].

Иерархи, священнослужители, верующие всех конфессий понимают, что межконфессиональный диалог не имеет альтернативы. Это подчеркнул в выступлении на 8-й международной конференции «Христианская антропология перед вызовом современности» (ноябрь 2013 г.) Апостольский нунций в Беларуси архиепископ Клаудио Гуджелотти: «Диалогу никогда нет альтернативы ни в общественной, ни в религиозной жизни, где центром жизни является любовь. Тот, кто не ведёт диалог в сфере политики, делает ошибку, но тот, кто не ведёт диалог в сфере религии, грешит» [9].

Об эффективности проводимой работы свидетельствуют также данные мониторинга, проведённого властями Гродненской области в 2014 г. 73,2% респондентов счи-

тают себя верующими (среднебелорусский показатель около 50%), а 95,7% оценивают религиозную ситуацию на Гродненщине как спокойную. Религиозную деятельность в 2015 г. осуществляли 505 религиозных организаций 16 конфессий. Зарегистрировано 477 религиозных общин, из которых 200 православных, 1 древнеправославная, 176 католических, 2 греко-католические, 8 мусульманских, 4 иудейских, 85 протестантских, 1 Сознания Кришны. В распоряжении верующих 508 культовых зданий, из них 212 православных храмов, 216 католических, 18 протестантских молитвенных домов, 4 мечети, 1 синагога. Религиозную деятельность осуществляют 544 священнослужителей (среди них есть иностранные граждане – 31). Функционирует Минская Высшая Духовная Семинария, Высшая Духовная Семинария Римско-католической церкви в Гродно, Слонимское православное училище, 8 православных братств и сестричеств, 6 православных и 4 католических монастыря, 6 областных и республиканских религиозных объединений и благотворительное католическое общество «Каритас». Деятельность религиозных организаций была насыщена значимыми событиями, которые получили резонанс в обществе. В их числе – празднование 25-летия со дня основания Высшей Духовной Семинарии в Гродно, праздничные мероприятия по случаю 1000-летия преставления святого равноапостольского князя Владимира, Крестный ход «Церковь и армия», посвященный 70-летию Победы в Великой Отечественной войне и ряд других [10].

Социальное служение религиозных организаций

Это одна из важнейших форм выражения христианского мессианства – делать добро людям. Она опирается как на христианское вероучение, так и на богатые традиции благотворительности, которые имели место в деятельности конфессий в прошлом. Прежде всего, это благотворительность и милосердие – забота о больных, немощных, престарелых, бездомных, детях, неполных и многодетных семьях, людях, опустившихся на дно социальной жизни (алкоголики, наркоманы) и т.д. Можно привести сотни примеров такого служения, и все они будут свидетельствовать о том, что действующие в области конфессии проводят эту работу не от случая к случаю, а систематически, целенаправленно, адресно.

Социальное служение – одно из важнейших направлений церковно-приходской жизни Гродненской епархии. В декабре 1999 г. здесь создан Центр социальной помощи (ЦСП), цель которого – организация и координация социальной работы в приходах. Основным содержанием повседневной работы ЦСП первоначально стало воплощение в жизнь социальных проектов и программ. В 2002 г. в Центре работали два штатных сотрудника. Результатом годовой работы стало 10 реализованных социальных проектов и 3 минипроекта. Из года в год благотворительность ЦСП увеличивалась. Так, в 2002 г. была оказана продовольственная и медикаментозная помощь малоимущим бедствующим людям. В условиях кризиса эта проблема принимала всё большую остроту. Большинство настоятелей приходов приняли участие в реализации программ «Экстренная продовольственная и медикаментозная помощь». В результате свыше 850 человек, проживающих более чем в 20 населенных пунктах Гродненской епархии, получили продовольственные наборы, лекарства, средства гигиены. Городские жители (одинокое старики, инвалиды, матери-одиночки) получили помощь по проекту «Помощь малоимущим в заготовке картофеля и овощей на зиму». Продолжалась работа по проекту «Гуманитарная помощь нуждающимся одеждой и обувью». В приходах Гродно был объявлен сбор одежды. После санитарной обработки одежда передавалась нуждающимся – в основном жителям сельской местности, многодетным семьям (57 семей), воспитанникам сиротских детских учреждений, заключенным, лицам без определенного места жительства. Всего помощь получили около 1 000 человек. Реализовывался проект «По-

мощь заключенным»: в места заключения были переданы постельные принадлежности, одеяла, медикаменты, средства гигиены; с заключенными велась переписка, некоторым были отправлены бандероли с предметами первой необходимости. Постоянно проводилась работа с детьми, нуждающимися в особой опеке. В 2000 г. впервые был организован летний православный отдых для детей из неблагополучных и социально незащищённых семей. Отдохнуть в лагере ежегодно смогли почти 60 человек. Для обездоленных детей каждый год готовились рождественские и пасхальные подарки [11].

13 мая 2012 г. в Гродно в городском парке имени Жилибера состоялась благотворительная акция «День добра». Организаторами выступили Отдел церковной благотворительности и социального служения Гродненской епархии и Гродненское благотворительное общество. Акция открылась выступлением Преосвященнейшего Артемия, епископа Гродненского и Волковысского. Владыка отметил, что «дела милосердия делают нашу веру живой, поэтому важно найти способ творить добро, не пройти мимо человека, нуждающегося в помощи». На благотворительном концерте выступили архиерейский хор Свято-Покровского кафедрального собора, ансамбль Минской академии музыки, детские хоры и др. На акции прошла выставка-ярмарка творчества детей с ограниченными возможностями. Каждый участник мог приобрести понравившиеся сувениры и тем самым внести лепту в дело милосердия. Такие мероприятия помогали возрождению традиций благотворительности на Гродненщине [12].

Новогодний и Рождественский праздники в православных приходах Гродненской епархии ознаменовывались, как правило, благотворительными акциями, концертами, подарками. К примеру, 13 января 2015 г. в актовом зале церковно-приходского комплекса при Свято-Покровском кафедральном соборе г. Гродно для граждан пожилого возраста состоялся праздничный концерт «Рождественский сувенир». 9 января молодёжное братство в честь святых Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия вместе со священником прихода Храма Благовещения Пресвятой Богородицы г. Волковыска поздравили воспитателей и воспитанников детского дома с Праздником Рождества Христова и показали мультимедийную презентацию о праздновании Рождества в разных странах, провели с детьми веселые игры и забавы, раздали подарки [13].

8 января 2015 г. в малом храме в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы прихода Святых равноапостольных Мефодия и Кирилла учителей Словенских г. Волковыска прошло богослужение, на которое были приглашены члены Волковысского городского общественного объединения детей-инвалидов и их родителей «Ориди». Настоятель храма иерей Александр Юзва поздравил присутствующих со светлым праздником Рождества Христова и призвал всех учиться делать добрые дела близким, быть добрым и милосердным. По окончании богослужения детям и взрослым были вручены подарки, собранные в ходе благотворительной акции «Наши дети» [13].

Особое значение имеет деятельность религиозных организаций в местах, где существует ограничение свободы пребывающих в них граждан. Это места заключения и соответствующие медицинские учреждения (ЛТП, места лечения наркоманов) и т.д. Начало возрождения духовного окормления мест лишения свободы в Беларуси относится к 1993 г. У его истоков стояли в то время Митрополит Минский и Слуцкий Филарет, Патриарший Экзарх Всея Беларуси, протоиерей Иоанн Хорошевич, архимандрит Алексей Шинкевич, протоиерей Игорь Коростылев, Борис Иванович Матусевич, Леонид Михайлович Цурко, Александр Николаевич Пастушеня.

В 1994 г. прошел первый совместный семинар священников, практических работников исправительных учреждений, учёных Академии МВД, других республиканских вузов, представителей других государств. Этот семинар положил начало работы по возведению православных храмов, первый из которых был открыт в ИК № 20 г. Мо-

зыря. В 2008 г. решением Священного Синода Белорусского экзархата был учрежден отдел по взаимодействию БПЦ с МВД, председателем которого был назначен архиепископ Витебский и Оршанский Дмитрий. Устав Религиозной миссии «Синодальный отдел по тюремному служению БПЦ» утверждён в сентябре 2011 г., а официальная регистрация новой церковной организации произведена в ноябре 2012 г. В 2013 г. базовым центром для координации тюремного служения был определён приход «Введения во храм Пресвятой Богородицы» в Минске. По состоянию на 2015 г. в местах лишения свободы открыты 20 храмов, 5 домовых церквей. В исправительных учреждениях открытого типа имеются постоянные пастыри и действуют молельные комнаты. В учреждениях уголовно-исполнительной системы МВД ведут работу 82 православных священнослужителя [14].

Одна из главных задач католической церкви состоит в формировании мирового общественного мнения по важнейшим социально-экономическим, общественно-политическим и нравственным вопросам. С этой целью на протяжении многих десятилетий (с конца XIX в. и до настоящего времени) разрабатывается и пропагандируется социальная доктрина католической церкви [15]. Католическая социальная доктрина наиболее развита по сравнению с доктринами других христианских конфессий и течений. Известный теолог кардинал Йозеф Хёффнер определил социальное учение католической церкви как «совокупность социально-философских (взятых, в сущности, из социальной природы человека) и социально-теологических (взятых из христианского учения о Спасении) знаний о сущности и устройстве человеческого общества и вытекающих отсюда и применимых к конкретным общественным отношениям нормам и задачам строя» [16].

Социальное учение католической церкви реализуется через систему различных благотворительных организаций, проектов, программ, рассчитанных на различные слои населения, нуждающиеся в социальной помощи. Одной из известных благотворительных организаций является «Каритас». 7 января 1994 г. состоялось её торжественное открытие в Гродно. На церемонии открытия епископ Александр Кашкевич сказал: «Само слово “Каритас” обозначает любовь, но мало только говорить о любви, нужно совершать хорошие дела. Без этого наша вера мертва. Сегодня, когда мы соприкоснулись с экономическим кризисом, а людям не хватает средств для жизни, помощь людям, которые живут в бедности, приобретает особое значение, ибо осуществляется во имя Христа. Таким средоточием любви, настоящим Домом Любви Божией должна стать резиденция “Каритас” в Гродно». Время полностью подтвердило эти слова. Помощь, которая поступает из-за границы: из Польши, Италии, Германии и других стран, – направляется медицинским учреждениям, детским домам, домам престарелых, инвалидам, неполным и многодетным семьям и т.д. [17]. В последующие годы филиалы «Каритас» были созданы во всех деканатах Гродненского диоцеза.

Общеизвестно, какое внимание в нашей республике придается семье, повышению роли этого социального института в воспитании детей и подростков. Католическая церковь также уделяет внимание семье, которая в её учении рассматривается как «малый костёл», или «малая духовная семинария». В «Пастырском Послании Митрополита Тадеуша Кондрусевича на начало катехетического 2015–2016 года» высказывается озабоченность религиозно-моральным состоянием семьи: «Участие родителей в религиозном воспитании детей уменьшается с каждым годом. ...Встаёт логический вопрос: является ли ещё семья главным воспитателем детей и молодежи, а Костёл ей помогает? Костёл все более замечает такого важного партнёра в деле формации детей и молодежи, какими являются родители» [18].

Согласно христианской науке, семья должна защищать каждую зачатую и рождённую жизнь. В этой связи католическая церковь реализует ряд инициатив, которые

направлены на охрану жизни человека от зачатия до естественной смерти. Одна из таких инициатив, которая реализуется в Гродненском диоцезе, называется «Duchowa adoptacja» («Духовное усыновление»). Смысл её заключается в том, чтобы убедить верующих, в первую очередь женщин, в необходимости сохранить жизнь нерождённого ребёнка, а позже воспитать его в семейной любви [17].

В рамках выполнения областного плана мероприятий, посвящённого празднованию 1025-летия Крещения Руси, в г. Гродно и районах области были проведены информационные часы, «круглые столы», выставки книг, вечера вопросов и ответов. Также отделом по делам религий и национальностей, гор- райисполкомами была оказана помощь религиозным организациям области в доставке паломников в г. Минск для участия 29 июля 2013 г. в праздничных мероприятиях, посвящённых 1025-летию Крещения Руси с участием Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и глав поместных православных церквей.

В марте–апреле 2013 г. религиозные организации БПЦ, РКЦ, ХВЕ и ЕХБ при содействии отдела по делам религий и национальностей Гродненского облисполкома были привлечены к участию в областной благотворительной акции по сбору средств для детей инвалидов «Ангел в твоём сердце». По итогам акции Новогрудская Гродненская епархии БПЦ, Гродненская епархия РКЦ и местные религиозные объединения ХВЕ и ЕХБ были награждены почётными дипломами. В рамках различных социальных проектов в г. Гродно и районах области совместно с православными религиозными организациями ежегодно организуется работа по охране материнства и детства, оказанию помощи инвалидам, одиноким гражданам и престарелым, ветеранам Великой Отечественной войны и труда, многодетным семьям (сведения отражены в информации по выполнению Программы) [19].

Сотрудничество учреждений образования с религиозными организациями

В учреждениях образования воспитательная работа с участием представителей конфессий строится на основании положения «О порядке, условиях, содержании и формах взаимодействия учреждений образования с религиозными организациями в вопросах воспитания обучающихся», утверждённого Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24.06.2011 г. № 838. В документе отмечается, что взаимодействие учреждений образования с религиозными организациями в вопросах воспитания обучающихся может быть инициировано администрацией учреждения образования с согласия учредителя учреждения образования. Соответствующее предложение в письменном виде направляется религиозной организации.

В «Положении» определены поэтапно процедура взаимодействия, формы контроля, направления и содержание сотрудничества. В числе приоритетных названы гражданское, нравственное и патриотическое воспитание обучающихся на основе духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа; ознакомление с историко-культурным и духовным наследием; забота о сохранении и восстановлении памятников истории и культуры; организация досуга и оздоровления детей и подростков; работа с неблагополучными семьями, имеющими несовершеннолетних детей и др. Прописаны также и недопустимые формы взаимодействия учреждений образования и религиозных организаций: деятельность представителей иностранных религиозных организаций; миссионерская деятельность религиозных организаций; сбор денежных средств; распространение религиозной литературы, аудио-, видеоматериалов; проведение богослужений, ритуалов, церемоний; размещение в учреждении образования религиозных символов и культового имущества. Предусмотрена ответственность за несоблюдение

законодательства Республики Беларусь о культах в ходе взаимодействия учреждений образования с религиозными организациями [20].

Образовательным учреждениям разрешено взаимодействовать только с зарегистрированными религиозными организациями (исключительно во внеучебное время, в рамках воспитательной работы и только на основании письменных заявлений учащихся или их законных представителей), которые входят в состав республиканского религиозного объединения, заключившего соответствующее соглашение о взаимодействии в вопросах воспитания учащихся с Министерством образования в рамках соглашения о сотрудничестве религиозной организации с Республикой Беларусь. Тем самым подобное взаимодействие доступно лишь православной церкви, поскольку у католиков нет республиканского объединения, а крупные протестантские объединения: баптисты, пятидесятники – не могут заключить соответствующее соглашение с государством в силу своей «нетрадиционности»: они не упомянуты в преамбуле закона о религиозных организациях [21]. В Уставы учреждений образования (школ) включен пункт: «Учреждение во внеурочное время может взаимодействовать с зарегистрированными религиозными организациями с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа. Порядок, условия, содержание и формы взаимодействия определяются законодательством Республики Беларусь» [22].

В школах Волковысского, Дятловского, Кореличского, Новогрудского, Ошмянского, Свислочского, Слонимского районов, лицее № 1 г. Гродно организованы факультеты для старшеклассников «Основы православной нравственности» по программе, рекомендованной Национальным институтом образования. С 2013 г. в Свислочском и Мостовском районах в учреждениях образования «Учебно-педагогический комплекс Добровольский детский сад – средняя школа» и «Гудевичская гимназия» в режиме инновационной деятельности реализуются проекты Министерства образования Республики Беларусь «Внедрение модели организационно-методического обеспечения программ духовно-нравственного воспитания учащихся 8–9 классов на православных традициях белорусского народа». В школах Новогрудского, Вороновского, Слонимского, Кореличского, Лидского, Ошмянского и других районов с участием православных священнослужителей организована работа по краеведению. Лицей № 1 г. Лиды наладил тесное сотрудничество с Архистратиго-Михайловским кафедральным собором, в рамках которого проводится исследовательская работа по изучению истории православных храмов на Лидчине [23].

Со стороны священнослужителей всех конфессий уделяется много внимания работе с детьми и молодежью. В 2007 г. работала 321 воскресная школа всех конфессий. В 2006–2007 гг. в деревнях Нетечь Лидского и Ищелно Щучинского районов работали летние оздоровительные лагеря католической конфессии. В них прошли оздоровление 332 школьника. В области разработаны и реализуются совместные с религиозными организациями социальные проекты [24].

В районном Доме внешкольной работы г.п. Кореличи продолжалась реализация проекта духовно-оздоровительного центра «Подросток» (работает с 2005 г.), который предусматривает формирование духовного и психологического здоровья детей, создание условий для их социального становления, повышения правовой, духовно-нравственной культуры подростков, воспитание уважительного отношения детей к традициям, обычаям национальной культуры. Здесь проводятся плановые операции «Жёлтый лист», «Помощь ветерану», «Осени щедрая корзина», «Забота», «Возьмём в свои руки каждый двор», акции «Учитесь делать добро», «Твори добро», «Поздравительная открытка», в ходе которых оказывается помощь по уборке территории поселка, одиноким гражданам и ветеранам, посещаются больные и инвалиды на дому, в приюте, больнице.

В целях оказания помощи больным людям, малообеспеченным семьям в летний период в сельских населённых пунктах района проводятся субботники с участием волонтеров. С участием кружковцев в 2013 г. проведены мероприятия духовной направленности: «Мир прекрасен уже потому, что есть мама», «Светлый праздник Рождества», «Пасхи светлый день» и другие [23].

При Центре социальной помощи Гродненской православной епархии работает детский клуб «Нарния». Работа с молодёжью организуется в течение всего календарного года дважды в неделю, увеличивая объём встреч и мероприятий во время каникул, с подростками из многодетных, малообеспеченных семей, а также состоящих на учёте органов опеки и попечительства. Клуб осуществляет деятельность по следующим направлениям: духовно-нравственное развитие, культурно-досуговая деятельность, развитие творческих способностей, спортивно-оздоровительная деятельность.

При Свято-Никольском кафедральном соборе г. Новогрудка создан и реализуется духовный проект «Центр милосердия имени священномученика Митрофана Краснопольского». В рамках этого проекта организована работа приюта для детей из неблагополучных и социально опасных семей. Налажено тесное сотрудничество центра милосердия с районным Центром социального обслуживания населения, сельисполкомами района. В ходе работы центра изучаются потребности детей и семей указанной категории, оказывается помощь одеждой, продуктами питания. При каждом сельском приходе района созданы активы по изучению положения детей в трудных семьях. Всего в 2013 г. оказана помощь детям из неблагополучных семей на сумму более 28 млн руб. В Берестовицком районе продолжает работу культурно-просветительский центр имени Евфросиньи Полоцкой в агрогородке Пограничный. Работа Центра осуществляется по 3 направлениям: с детьми и молодёжью, взрослым населением, с одинокими и престарелыми жителями посёлка и близлежащих деревень [23].

Заключение

В современных условиях развития перед обществом возникает множество проблем, решать которые можно, лишь объединив усилия властных структур и негосударственных организаций. Такими являются религиозные организации, имеющие богатый исторический опыт взаимодействия с государством и влияния на общественные и социальные процессы. Партнёрство органов власти и Церкви стало возможным благодаря признанию государством совершенно иной, чем в советское время, роли Церкви в обществе. Церковь стала существенным фактором трансформационных процессов, происходящих в белорусском обществе.

В проводимой в Гродненской области идеологической работе религиозный фактор играет важную роль в консолидации общества, гармонизации межконфессиональных и межнациональных отношений, формировании гражданского общества. Религиозные организации участвуют в решении некоторых социальных задач, реализуют программы по оказанию благотворительной помощи различным слоям населения, которые в ней нуждаются. Накоплен определённый опыт сотрудничества православной церкви и учреждений образования. Оно направлено на приобщение детей и молодёжи к культурным традициям на основе мировых и отечественных ценностей, воспитание морально-этических качеств у личности учащегося. Дальнейшее развитие и совершенствование отношений государственных органов и религиозных организаций будет иметь позитивный результат в том случае, если они будут основаны на демократических принципах уважения прав и свобод человека, балансе общественных и религиозных интересов, невмешательстве государственных структур и религиозных организаций в дела

друг друга и взаимном доверии, безусловном соблюдении обеими сторонами Конституции и законодательства Республики Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малюта, А. Н. Геополитика, религия и государство на современном этапе социума [Электронный ресурс] / А. Н. Малюта, Е. А. Коломийцев, О. А. Хамза / Центр гражданских инициатив «Звёздный час». – Режим доступа: <http://www.startime.org.ua/maluta-articles/72-geopolitika-religia-i-gosudarstwo>. – Дата доступа: 16.03.2016.
2. Давыденко, С. С. Современная вероисповедная политика в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / С. С. Давыденко. – Режим доступа: <http://www.grosbook.info/index.php>. – Дата доступа: 21.11.2015.
3. Вопросы свободы совести и религиозных организаций в Республике Беларусь : сб. док. и материалов / авт. сост. М. В. Цвилик ; под ред. В. И. Новицкого. – Минск, 2009. – 336 с.
4. Земляков, Л. Е. Религиозный фактор идеологии белорусского государства / Л. Е. Земляков, Н. Н. Коликова // Проблемы управления. – 2008. – № 2. – С. 247–253.
5. Отчётная и итоговая информация Совета по делам религий при исполкоме Гродненского областного Совета народных депутатов за 1992–1994 гг. // Государственный архив Гродненской области. – Ф. 475. Оп. 2. Д. 4.
6. Документы Уполномоченного совета по делам религий при Совете Министров Республики Беларусь. 1995 г. // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 136. Оп. 3. Д. 22.
7. Ярмусик, Э. С. Социально-культурное партнерство органов власти Гродненской области и религиозных организаций / Э. С. Ярмусик // *Ekonomia i Zarządzanie. Economics and Management*. – 2014. – № 4 (6). – S. 196–206.
8. Освящение памятного знака в честь 2000-летия Рождества Христова [Электронный ресурс] / Официальный сайт Лидского районного исполнительного комитета. – Режим доступа: <http://www.belta.by/culture/view>. – Дата доступа: 22.03.2016.
9. Межконфессиональный диалог не имеет альтернативы – посол Ватикана в Беларуси [Электронный ресурс] / Новости Беларуси. Белорусское телеграфное агентство. – Режим доступа: <http://www.belta.by/ru/all.news/society>. – Дата доступа: 29.10.2015.
10. Гродненщина этноконфессиональная. 2015 г. [Электронный ресурс] / Гродненщина вчера и сегодня. Гродненский областной исполнительный комитет. – Режим доступа: <http://www.region.grodno.by/ru/oblast.kontes>. – Дата доступа: 17.03.2016.
11. Общая информация: Гродненская епархия [Электронный ресурс] / Официальный портал Белорусской Православной Церкви. – Режим доступа: <http://www.exarchate/resource/Dir0056/Dir0078>. – Дата доступа: 17.03.2016.
12. 13 мая в Гродно прошла благотворительная акция «День добра» [Электронный ресурс] / Блог Гродно s 13. – Режим доступа: <http://www.s13ru/archives/category/relief/page/5>. – Дата доступа: 30.01.2015.
13. Концерт «Рождественский сувенир» [Электронный ресурс] / Информационный центр для пожилых людей Ленинского района города Гродно. – Режим доступа: <http://www.pogilye.datacenter.by/index.php/novosti/76->. – Дата доступа: 21.11.2015.
14. Очищение души [Электронный ресурс] / Министерство Внутренних дел Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.mvol.gov.by/main.aspx>. – Дата доступа: 29.11.2014.

15. Ярмусик, Э. С. Проблемы современности в социальной доктрине католической Церкви / Э. С. Ярмусик // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1. Гісторыя і археалогія. Паліталогія. – 2012. – № 3. – С. 40–49.

16. Социальная доктрина Католической церкви [Электронный ресурс] / Википедия. Свободная энциклопедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Католическая_церковь. – Дата доступа: 21.10.2015.

17. Михайлик, Л. Освящение Дома Милосердия / Л. Михайлик // MISERICORDIA. – 1995. – № 10. – С. 11.

18. Пастырскае Пасланне Мітрапаліта Тадэвуша Кандрусевіча на распачацце кататетычнага года 2015/2016 [Электронный ресурс] / Парафія Маці Божай Фацімскай Мінска – Магілёўскай архідыяцэзіі ў г. Жодзіна. – Режим доступа: <http://www.Catholic-zhodzina.by/life/item/153-uch-godhtml>. – Дата доступа: 23.03.2016.

19. Религия в Беларуси [Электронный ресурс] / Belarus.by. Официальный сайт Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.belarus.by/ru/about-belarus.veligion>. – Дата доступа: 20.10.2015.

20. Положение о порядке, условиях, содержании и формах взаимодействия учреждений образования с религиозными организациями в вопросах воспитания обучающихся [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 24.06.2011 г., № 838 // Библиотека нормативка.by. – Режим доступа: <http://www.Normativka.by/lib/document/500135971/sid/6155>. – Дата доступа: 03.11.2015.

21. Василевич, Н. Белорусская православная церковь в тени государства / Н. Василевич [Электронный ресурс] // Pro et Contra. – 2013. Сентябрь–октябрь. – Режим доступа: http://www.carnegieendowment.org/files/PeC_60_80-96pdf. – Дата доступа: 17.11.2015.

22. Устав ГУО «Новодевятковичская средняя школа Слонимского района» [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.docviewer.yandex.ru>. – Дата доступа: 17.11.2015.

23. Информация о выполнении Соглашения о сотрудничестве между Республикой Беларусь и БПЦ за 2013 год // Текущий архив Отдела по делам религий и национальностей Гродненского облисполкома.

24. Культура и религия [Электронный ресурс] / Сайт Гродненской области. – Режим доступа: <http://www.w#c-user.com/projects/grodno/religia.html>. – Дата доступа: 17.11.2015.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 25.03.2016

Yarmusik E.S. Religious Factor in Ideological Work, Social and Educational Spheres of Society (on the example of Grodno region)

The article analyzes the reasons that have led to a reassessment of the role and importance of religion and the Church in the life of modern society emphasizing the importance of the religious factor in social processes at the present time. The most important directions and forms of activity of religious organizations of Grodno region in public, social and educational fields are considered. The authorities and educational institutions use the potential of religious organizations to the harmonious development of ethnic and religious sphere; closely cooperate with them in solving important public, social and spiritual problems of moral education. The effectiveness of partnership of authorities and religious organizations and their impact on the socio-political and religious situation in the region is shown. This subject has not received sufficiently complete coverage in the scientific literature, in spite of its undoubted relevance and practical importance. The purpose of the article is to reveal the role and importance of the religious factor as one of the fundamental elements of the authorities and religious organizations in the solution of important problems of society.

УДК 321.01

А.И. Лысюк*д-р полит. наук, доц., проф. кафедры политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***ИДЕИ ДОСТОЕВСКОГО И СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА**

В статье изучается степень интеграции политических идей Достоевского в современный политический процесс, прослеживается их связь с идеями современных русских консерваторов. При этом указывается как на их общность, так и различия, особенно относительно их попыток по своеобразному скрещивания идей русского консерватизма и сталинского социализма. Подвергаются критике идеи социализма и либерализма, главным образом за их утилитарность, пренебрежение религией, «высшими смыслами» и душой человека. Раскрывается социально-психологическая природа идеологии и практики политического террора.

Введение

Несмотря на то, что жизнь и творчество Ф.М. Достоевского все больше уходят в глубь веков, его идеи не только не теряют своей актуальности, но и выступают в виде идеологического оружия целого ряда современных политических акторов, в особенности тех, кто предлагает государственной элите России взять на вооружение концепцию российского консерватизма, призванную стать национальной идеологией Российского государства. Как отмечает В.И. Добренков, «современное состояние ...русского общества можно со всей определенностью охарактеризовать как кризисное. Наиболее яркой чертой этого кризиса является утрата российским обществом направления своего исторического развития, смысла своего исторического существования, идейный вакуум, отсутствие социального идеала и видения стратегии развития» [1, с. 3]. В этих условиях «необходима новая общенациональная идея, идея единения всего общества, вокруг которой можно было бы объединить российское общество и в основе которой лежат традиционные для россиян качества: коллективизм, бескорыстие, стремление помочь ближнему, жертвенность, доверие, совесть, сострадание, патриотизм. Особая роль в возрождении России принадлежит религии... Это повлечет за собой мощный интегрирующий заряд, пробудит массовую энергию, будет способствовать обретению чувства достоинства и самоуважения» [2, с. 25].

В своих базовых формах концепция русского консерватизма основана на идеях российских славянофилов, к которым принадлежал и Достоевский. В системной и интегрированной форме эти идеи изложены в монографии В.Н. Ватыля [3, с. 157–198]. Следует, однако, отметить, что Достоевский, разделяя базовые постулаты славянофилов, в своем творчестве создал оригинальную политическую концепцию, выходящую за рамки славянофильства и, более того, по некоторым параметрам нацеленную против современных адептов этой идеологии, особенно относительно интеграции идей славянофильства и сталинизма. Кроме этого, в полной мере Достоевского можно отнести к тем мыслителям, которые разрабатывали концептуальные основы идеологии и психологии политического террора. Для этого он использовал образы «бесов» и «бесовщины», историческим прототипом которых послужили С. Нечаев, М. Петрашевский и «нечаевщина».

Некоторые исследователи справедливо подчеркивают, что «понимание Достоевским природы и сущности человека в норме и патологии привело писателя к гениальным формулировкам сути социализма и “русской идеи”» [4, с. 341], а именно к тому, что саму будущую социалистическую революцию он выводил не из доктрины классовой борьбы, а из возможных трансформаций души русского человека.

В концентрированной форме политические идеи Достоевского представлены в первую очередь в романах «Бесы» и «Братья Карамазовы» (образы «бесов» и антихриста – Великого инквизитора), а также в его дневнике и публицистических произведениях. Однако нельзя не согласиться с М.М. Бахтиным, утверждавшим, что всякое литературное произведение Достоевского «внутренне, имманентно социологично. В нем скрещиваются живые социальные силы, каждый элемент его формы пронизан живыми социальными оценками» [5, с. 181]. Разумеется, их социологический анализ позволяет выявить важные закономерности общественно-политической жизни. Использование Достоевским ряда политологических терминов (например, социализма, либерализма, капитализма и др.) далеко от современных трактовок, поэтому при обращении к ним обязателен их содержательный анализ.

Целью данной работы является анализ содержания интеграции его политических идей в современный политический процесс. Работа условно состоит из трех частей. В первой будут изложены политические взгляды, подходы, оценки, относительно которых наблюдается тождество позиций Достоевского и современных русских консерваторов. Во второй будет сделан акцент на различии их позиций, в третьей – на разработке идеологических и психологических основ как политического тоталитаризма, так и политического терроризма.

Достоевский и современный русский консерватизм: зоны симфонии

Первоначально следует назвать некоторую совокупность универсальных славянофильских идей, которые Достоевский воспроизводит в своих как художественных, так и публицистических произведениях и по поводу которых у него наблюдается идеологическое сродство с современными российскими консерваторами. Это, в первую очередь, провозглашение России страной, обладающей высокой духовностью и особой, чрезвычайно благородной социальной миссией, поскольку «в русском характере замечается ...резкая особенность, что в нем по преимуществу выступает способность высокосинтетическая, способность всепримиримости, всечеловечности... У него инстинкт общечеловечности». В силу чего «великая наша Россия ...скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое, здоровое и еще неслыханное миром слово» во благо соединения «всего человечества новым, братским, всемирным союзом» [6, с. 38, 307].

Это и восприятие в качестве враждебной западной цивилизации, которая якобы уже вступила в фазу разрушения, отойдя (в отличие от России) от традиционных, главное, религиозных ценностей. При этом наиболее особые критические стрелы адресуются полякам, французам, немцам, католицизму и протестантизму за приверженность к секуляризации высших ценностей и церковных институтов.

Это и манифестация религиозного (православного) мировоззрения как духовной парадигмы, призванной очеловечить и возвысить окружающий социальный мир, поскольку, по его мнению, именно православие единственное из всех христианских конфессий слышит и следует голосу Христа – зову и императиву жертвенной любви. По этой причине предполагается усиление роли православной церкви при принятии государственных решений и организации общественной жизни. В случае же утраты религиозной веры, веры предков, русский народ, по его мнению, обречен на гибель. Да и возможные бунты в России начинаются именно с атеизма, что, собственно говоря, и подтвердила большевистская революция октября 1917 г.

Это и ориентация на спасение социального мира (не только западного) от буржуазности и меркантилизма («жидовства»), которые являются наиболее отчетливыми проявлениями человеческой узости, алчности и утилитарности.

Это и нацеленность на имперскость, на внешнюю экспансию, как духовную, так и территориальную: Москва должна стать не только «третьим Римом», гегемоном Европы, но и расширить свои границы на Восток, в Азию, для народов которой имя белого царя должно стать выше «ханов и эмиров, превыше индейской императрицы». И сделать это следует не в силу некоторой утилитарной необходимости, а по причине высших соображений: «Во имя чего же, во имя какого *нравственного* права могла бы искать Россия Константинополя?... – пишет Достоевский. – А вот именно – как предводительница православия, как покровительница и охранительница его, – роль, предназначенная ей еще с Ивана III... Это будет настоящее воздвижение Христовой истины, сохраняющееся на Востоке ...и окончательное слово православия, во главе которого давно уже стоит Россия» [6, с. 180–181]. Очевидно, что в «эпоху Путина» претензии Российской Федерации на глобальное лидерство четко обозначились, несмотря на ограниченность экономических и культурных ресурсов.

Это и актуализации проблематики славянства и славянской солидарности, и, как частный пример этого, поддержка сербов в их противостоянии с Турцией, и все для того, чтобы «воплотить и создать в конце концов великий и мощный организм братского союза племен, создать этот организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, любовью, бескорыстием, светом». Подобная забота должна проявляться из чувства «материнского призвания», несмотря на убеждение об ожидаемой неблагодарности этих народов по отношению к России по причине их неискоренимого стремления приобщиться к европейским народам. «Особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия – страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации... Все эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами» [6, с. 366, 368]. Современная политическая практика свидетельствует о верности этой идеи, поскольку ориентации всех славянских народов Европы (единственным исключением является Беларусь), включая Сербию и Черногорию, на вступление в Евросоюз уже засвидетельствованы на самом высоком государственном уровне.

Это и провозглашение симфонии в отношениях между монархом и его народом в полном соответствии с уваровской формулой «Православие, самодержавие, народность», что является одним из источников величия России. Как отмечал Достоевский, «у нас в России и нет никакой силы, зиждущей, сохраняющей и ведущей нас, как эта органическая, живая связь народа с царем своим, и из нее у нас все и исходит» [6, с. 424]. Современные российские консерваторы тоже являются сторонниками усиления политической автократии в стране.

Это и настаивание на оригинальном, чисто «русском», проекте организации политической жизни, отрицающей ценность либеральной демократия в качестве оптимальной формы правления, и убежденность в том, чтобы в русле географического детерминизма принимаемые в стране законы были укоренены в российскую почву, вывелись из традиций русского народа, а не заимствовались их «инородных» западных образцов.

Это и уверенность в том, что подлинная политика может быть только моральной политикой. В XXI в. этот тезис сохранил свое значение, выступив составной частью манифеста русского консерватизма: «Построение российского общества возможно в первую очередь на моральных основаниях, а затем уже – на юридических и экономических» [1, с. 23].

Это и негативное отношение к революционному (насильственному) преобразованию общества, но при позитивном отношении к использованию силы в международной политике.

Очевидно, что в той или иной степени эти идеи, пройдя, разумеется, масштабное переформатирование, интегрированы в современную политику РФ. Своеобразным политическим манифестом в этом отношении являются работы еще недавно декана социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова профессора В.Н. Добренькова о современном российском консерватизме, которые и будут рассмотрены в данной статье. Их эвристическая ценность выражается как в том, что автор стремится избежать политико-идеологических крайностей в русле А. Дугина и К°, так и в его нацеленности навести прочные мосты современных российских политиков с идеологическим наследием славянофилов.

Достоевский и современный русский консерватизм: зоны какофонии

Выше уже отмечалось тождество позиций Достоевского и современных адептов русского консерватизма по ряду принципиальных позиций. Наряду с этим очевидно, что между ними существуют и не менее принципиальные расхождения.

Первоначально отметим, что если для Ф. Достоевского характерно принципиальное отрицание «красной идеи», идеи социализма, то для В.Н. Добренькова и его сторонников эта идея принципиально позитивна, в особенности в сталинском формате, и рассматривается как проявление и продолжение базовых постулатов консерватизма. Характерным в этом отношении является следующее его утверждение: «В период наиболее динамичного развития России – в сталинскую эпоху – уваровская формула и идеи русских консерваторов были реализованы, хотя и на иной основе. Вместо самодержавия была предложена абсолютная власть генерального секретаря ...И.В. Сталина, вместо православия – коммунистическая идеология и советский патриотизм, вместо культа Святой Троицы – культ основоположников марксизма-ленинизма и И.В. Сталина, вместо культа православных святых – культ героев, совершивших ратные и трудовые подвиги во благо социалистического Отечества, вместо небесного рая – идеальное коммунистическое общество, вместо кодекса христианской этики – кодекс строителя коммунизма, вместо принципа народности – защита интересов трудового народа, трудящихся, единство власти и народа... Фактически был создан секулярный, светский вариант традиционной российской идеологии» [1, с. 13].

В этом отношении Достоевский был предтечей идей российских религиозных философов о несовместимости христианства и коммунистических идей. Он многократно высказывал негативное и предельно критическое отношение к социалистам различных направлений с четким обозначением исходящих от них социальных рисков по причине исповедующего ими атеизма и аморальности. Н. Бердяев справедливо отмечал: «Человек есть религиозное животное, и, когда он отрицает истинного, единого Бога, он создает себе ложных богов, идолов и кумиров, и поклоняется им... Особенно ненавидел Ленин попытки соединить христианство с социализмом» [7, с. 131]. Действительно, сами классики идеологии коммунизма и их последователи до недавних дней выступали не только как просто богоборцы, но даже как «воинствующие атеисты». Кроме этого, как подчеркивает Ю.Г. Кудрявцев, «Достоевский рассматривает социализм как элемент европеизма, как порождение в конечном счете буржуазности», а также он «сомневается в разумности самого разума социалистов», полагая, что «их разум ограничен, что социалисты “мыслью не орлы”, ибо упрощают человека. Ставят логику выше жизни, сводят человека к механике» [8, с. 94]. Все это приводит его к убеждению о невозможности на социалистических принципах обустроить разумный миропорядок.

Серьезное различие между Достоевским и современным русским национализмом наблюдается и по отношению к Европе. С точки зрения В.Н. Добренькова, «всему нашему обществу необходимо раскрыть глаза на то, что именно западный либерализм является нашим непримиримым врагом, ибо он ставит своей целью подчинение России Западу и уничтожение ее самостоятельности, суверенитета». Эта враждебность носит исторический характер. Он констатирует: «Запад ... всегда был, есть и будет враждебен России... Нашей стране необходимо сменить ориентиры, отвернуться от Запада и повернуться к Востоку и Югу» [1, с. 31, 52]. Отсюда неизбежность холодных, горячих, а теперь уже гибридных войн, к которым необходимо готовиться, укрепляя обороноспособность страны и дух патриотизма народа, что и происходит в современной РФ.

Для Достоевского же отношение к Европе скорее сострадательное, а не враждебное. Сострадательное в том смысле, что она воспринимается как кровнородственная русской душе, но только пораженная язвами либерализма, меркантилизма и материализма. «А между тем нам, – отмечает он, – от Европы никак нельзя отказаться. Европа нам второе отечество, – я первый страстно исповедую это и всегда исповедовал. Европа нам *почти* так же *всем* дорога, как Россия». Поэтому Достоевский предлагает Европе проект спасения, а не разрушения под сенью России, ибо, в его представлении, именно ей принадлежит «будущность Европы», где «уничтожатся все великие державы по весьма простой причине: они все будут обессилены и подточены неудовлетворенными демократическими стремлениями огромной части своих низших подданных» [6, с. 157, 256].

Выше уже отмечалось, что многие религиозные мыслители начала XX в. предостерегали русский народ от попыток обожествления и создания культа вождей будущей русской революции. В.Н. Добреньков же как раз на этом настаивает, полагая, что «в результате многовековой политики государственного патернализма в широких слоях российского общества сформировался устойчивый феномен «авторитарного характера». Авторитарный человек, с одной стороны, относится к власти как к сакральной ценности, всякое неповиновение которой есть смертельный грех, но с другой стороны – он относится так не ко всякой власти, но лишь к сильной, авторитарной» [2, с. 7]. Такой человек по своей природе отвергает все демократические проекты и запрограммирован на поиск и растворение в персоне авторитарного правителя. Поэтому, по мнению современных русских консерваторов, «наша страна ждет появления полновластного и авторитетного вождя, вокруг которого она могла бы объединиться и сплотиться. Мы – вождистская, патерналистская, авторитарно-патриархальная страна, и нам нужен строгий и справедливый вождь, отец нации... Граждане России ... воспринимают власть очень лично, доверяя не институту президентства как таковому, а конкретному человеку, на этом посту пребывающему (“помазаннику Божьему”))» [1, с. 33]. В. Путин существенным образом соответствует этому ментальному запросу, поэтому оценки его деятельности находятся вне сферы прагматичных соображений, а взвешиваются на иных исторических весах: духовной миссии, личного доверия, Божественного Провидения, глобальной борьбы между добром и злом и т.п.

Кроме этого, современные русские консерваторы при всей пронародной риторике все-таки с большим скепсисом взирают на современного гражданина Российской Федерации, полагая, что он отошел от традиционных ценностей, а поэтому ответственность за нацию и государственное строительство возлагается на высшего правителя и небольшой слой его приближенных.

Достоевский исходит из другого принципа. Он ратует за всяческое «сближение с народом образованных классов», для чего «нужно: 1) распространить в народе грамотность... 2) облегчить общественное положение нашего мужика уничтожением сословных перегородок... 3) нужно несколько преобразоваться нравственно и нам самим. Нам

нужно отказаться от наших сословных предрассудков и эгоистических взглядов... Нужно полюбить народ, но любовью вовсе не кабинетною, но сентиментальною» [6, с. 83].

Посредством этого достигается пробуждение и освобождение лучших черт и жизненных сил народа. Поэтому «нужно открыть двери и для народа, дать свободный простор его свежим силам», до поры и времени скрываемым, закупоренным и пребывающим втуне. Как отмечает Достоевский, «в русском человеке из простонародья нужно уметь отвлекать красоту его от наносного варварства... Судите народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает... А идеалы его сильны и святы; они срослись с душой его искони и наградили ее навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и все это в самом привлекательном гармоническом соединении» [6, с. 83, 143–144]. И все это потому, что больше всего на свете русский человек любит Христа и образ его.

Однако этому же человеку по природе своей свойственны и крайности. Про русского человека «рассказывают и печатают ужасы: пьянство, разбой, пьяные дети, пьяные матери, цинизм, нищета, бесчестность, безбожие». Однако даже погруженный в греховную темноту, образно говоря, однажды, «в последний момент», «очнется Влас и возьмется за дело Божие» [6, с. 116]. Почему он это сделает, по какой причине и вследствие чего верх возьмет положительная крайность, Достоевский умалчивает. Мы же, зная историю большевистского переворота и его последствий, отдаем себе отчет в том, что глубочайшим заблуждением Достоевского была его уверенность в истинности и искренности любви русского народа к Христу и к православию. В реальности народ отдал предпочтение другим богам.

Достоевский и предчувствие тоталитаризма

Политические события XX–XXI вв. показывают, что описанная Достоевским политическая «бесовщина», по своей природе приводящая к тоталитарным практикам, оказалась не отвлеченным понятием, а масштабно утвердившейся практикой. Описание этого феномена получило широкое распространение в работах Дж. Оруэлла, О. Хаксли, Е. Замятина и др., но первоначально оно было сформулировано в виде политического пророчества именно Достоевским.

В первую очередь, речь идет об утверждении и пропаганде (в ущерб демократическому) формата тоталитарного государства, исходящего из принципа иерархического централизма с диктатурой вождя, предполагающего создание общества тотального послушания и единомыслия, в котором все его члены должны не только «правильно мыслить и действовать», как того хочет высшая власть, но и искоренять любое «инакомыслие», контролируя мысли и действия других людей и, в случае обнаружения идейной либо практической крамолы, стремиться непременно, с помощью «высшего отчета», доносить об этом «наверх». Действительно, при всей тоталитарной риторике Великого инквизитора и «бесов» и их нацеленности на обустройство своеобразного «рая на земле» ими одновременно предполагается и своеобразная плата за это – полное подчинение народа деспотической диктатуре и воле высшего властителя при абсолютном бесправии людей и их превращении в толпу.

Какие же факторы могут обуславливать тренд к тоталитарности власти? Достоевский исходит из того, что в его основе находятся своеобразные «идолы духа», заложенные в душе самого человека и демонстрирующие его слабость перед искушениями и соблазнами. Во-первых, говоря современным языком, это своеобразное, глубоко залегаемое в душе человека чувство социального мазохизма, т.е. стремление склонить свою волю перед авторитарным правителем, поскольку, по убеждению Великого инквизито-

ра, «нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклониться» [9, с. 299]. Вызвано это чувство тем, что человек боится быть независимым и ответственным, ему изначально присуще «бегство от свободы» (Э. Фромм), и по большому счету никакая свобода ему не нужна, а скорее тягостна. Такому слабому человеку необходим внешний авторитет, берущий на себя всю ответственность за жизнь конкретного индивида и общества в целом.

Во-вторых, это создание совершенно искусственной для человека дилеммы «либо хлеб, либо свобода». Верховный инквизитор утверждал: «О, никогда, никогда без нас они не накормят себя. Никакая наука не даст им хлеба, пока они будут оставаться свободными, но кончится тем, что они принесут свою свободу к ногам нашим и скажут нам: “лучше поработите нас, но накормите нас”» [9, с. 298]. Речь идет о том, что человеку, в представлении антихриста, предпочтительнее «иметь», а не «быть», и он ориентирован на то, чтобы иметь «тихое, смиренное счастье». Искусственность и лживость этого высказывания проявляется в том, что это в реальности как раз наоборот: наиболее свободные страны являются одновременно и самыми экономически богатыми, создав общество «всеобщего благосостояния» (взять, например, отчеты ООН по индексу человеческого развития).

В-третьих, что это отказ от морального выбора в политике как со стороны властвующих, так и социальных «низов». «Бесовская» политика цинично пренебрегает нравственными принципами и оправдывает любые средства для достижения искомых политических целей. «Право на бесчестие», на «все позволено», на ложь и преступление провозглашаются одним из «бесов» П. Верховенским в качестве основополагающего принципа новой (социалистической) политической организации, поскольку эти «принципы» не только эффективны при достижении целей, но и выступают важным фактором группового единства, так как ничто так не объединяет людей, как «общий разделенный грех злодейства». Логично в этом контексте вспомнить известное ленинское высказывание о моральности всего, что служит делу коммунизма. Старец Зосима, говоря об инквизиторски мыслящих людях, утверждал, что они «мыслят устроиться справедливо, но, отвергнув Христа, кончат тем, что зальют мир кровью, ибо кровь зовет кровь, а извлечший меч погибнет мечом» [9, с. 375]. Что в реальности и случилось в социалистической практике. Но есть опасность и для современных демократических режимов, поскольку ценности постмодерна размывают нравственную составляющую политических процессов, в то время как для Достоевского обязательен моральный императив политики, который, в свою очередь, укоренен в религиозный.

В-четвертых, ключевым инструментом социальных преобразований в понимании «бесов» выступают насилие, сила, принуждение. Они активно используются для установления социального единства, единообразия мысли и поклонения вождю. Поэтому предлагается преследование инакомыслящих, сжигание их за идейную крамолу на кострах, всяческая поддержка доносительства и т.п. Более того, «бесы» исходят из целесообразности массового террора по отношению к жителям страны, поскольку, с их точки зрения, основная их масса уже неисправима, да историческое время не ждет. По утверждению П. Верховенского, «сто миллионов голов ...но чего их бояться, если при медленных бумажных мечтаниях деспотизм в какие-нибудь во сто лет съест не сто, а пятьсот миллионов голов?» [10, с. 394]. По подсчетам историков университета Сорбонны, эти «сто миллионов» являются не отвлеченной метафорой, но как раз такое количество людей погибло в результате утверждения коммунистического рая на земле в планетарном масштабе.

В-пятых, для завоевания поддержки народ необходимо привлекать установлением идеала равенства: «все к одному знаменателю, полное равенство». Конечно, такая

идея была популярна в разные эпохи. Но при ее артикуляции «бесами» скрывается главное: обещается равенство в рабстве, поскольку организация общества предполагается «в виде конечного разрешения вопроса – разделение человечества на неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть ...первобытной невинности» [10, с. 390]. Совсем как у Оруэлла: «все животные равны, но некоторые животные равнее других».

История отчетливо доказывает: всякая тоталитарная система основана на большой лжи, на активном и масштабном использовании инструментов манипуляции, мистификации и ложной идеологии. И антихрист, и «бесы» выступают в роли соблазнитель и творцов иллюзий. Сила и убедительность политической лжи должна привести к тому, что все в обществе, «в общем и согласном муравейнике» как будто счастливы, чувствуют себя свободными при полном отсутствии свободы.

Эта ориентация на ложь и соблазн отчетливо выступают в образе Великого инквизитора, который, заимствуя внешнее от христианской идеи и образа Христа, в реальности извращает их подлинность, что на практике приводит к противоположным результатам. Неслучайно в Священном Писании антихрист выступает в облике Отца лжи, рядящегося в одежды ангела света. Он эксплуатирует авторитет Христа и от его имени проводит общественные преобразования, исправляя и искажая его учение. При этом он лжет вполне сознательно, а людям предлагается жизнь в мире иллюзий, где своих поработителей люди должны воспринимать как благодетелей, все знающих, безгранично мудрых и заботливых, «ибо кому же владеть людьми как не тем, которые владеют их совестью и в чьих руках хлебы их» [9, с. 304].

Для управления в тоталитарном государстве необходимы как высокое, смысловое, так и низкое, имеющее отношение к базовым материальным потребностям человека и утилитарности. Высокое выступает в псевдорелигиозном характере деятельности Великого инквизитора. Действительно, у него апелляция к высшим ценностям никаким образом не связана с самой сутью христианского вероучения, поскольку вместо истины артикулируется ложь, вместо любви – ненависть, вместо смирения – агрессия, вместо образа Христа – человеческие политические иды, вместо жизни – смерть.

Низкое же выступает в виде ориентации на нравственное разложение народа и потому, что духовно разложенный народ более послушен и им легче управлять, и по той причине, что сам народ склонен прельщаться внешними (и материальными) соблазнами. Поэтому, согласно «бесам», «первым делом понижается уровень образования, наук и талантов... Мы уморим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве... Но одно или два поколения разврата теперь необходимо, разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь, – вот чего надо!» [10, с. 403, 406]. В более ограниченных масштабах эту идею поддерживает и антихрист, отмечая, что в создаваемой им социальной системе по причине слабости людей и стремления вызвать большую любовь к правящим снисходительно будет допущен и грех, но исключительно под государственным контролем, потому что в реальности греховно только то, что без разрешения, а разрешенное – все праведно и достойно.

В-шестых, это опасность политического культа личности, выступающего в самых разнообразных формах. Предчувствуя Фрейда и психоаналитиков, Достоевский указывает на то, что комплекс неполноценности человека способен породить безудержное стремление к сверхкомпенсации, жажду власти. Заявляя о высоком и претендуя на абсолютное доминирование, как говорил Алеша об инквизиторе, «их идеал ...самое простое желание власти, земных грязных благ, порабощения ...вроде будущего кре-

постного права, с тем, что они станут помещиками ...вот и все у них» [9, с. 307]. То есть создание системы, которую Н. Бердяев назвал Новым средневековьем.

Кульٹ личности основывается на использовании очень эффективных методов политического управления. Как утверждает Великий инквизитор, «есть три силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их же счастья, – эти силы: чудо, тайна, авторитет» [9, с. 301]. Все это предполагает претензии правящих на обладание высшим смыслом жизни, на распоряжение совестью и свободным духом подданных, на демонстрацию собственного всемогущества и всезнания, на искусственное создание политического авторитета, на окутывание властвующей персоны тайной, включая и тайну частной жизни, и, обязательно, на внушение людям страха.

В-седьмых, отметим также политико-психологическое описание в трудах Достоевского феномена политического террора, политически мотивированных убийств, существенным образом связанных с С. Нечаевым и нечаевщиной, но не сводящимся к ним и обладающих универсальным характером. Они нацелены на обличение не только «красного террора», но и любого другого, включая и основанный на религиозном фундаментализме.

Заклучение

Очевидно, таким образом, что в творчестве Достоевского (преимущественно в романах «Бесы», «Братья Карамазовы» и политической публицистике) представлена широкая гамма оригинальных политических идей, обладающих пронзительно пророческим характером, предостерегающих от социальных соблазнов, дающих ответы на целый ряд актуальных современных политических проблем.

Некоторые из них основаны на базовых принципах славянофильства и вполне соответствуют парадигмам, заложенным в современном русском консерватизме. Другие же вступают в непосредственный конфликт с современными российскими славянофилами, особенно в попытках своеобразным образом скрестить идеи русского консерватизма и сталинского социализма. Кроме того, Достоевский атакует принципы консюмеризма, все более широко распространившиеся в современном мире, а также констатирует риски рождения различных социальных и личностных пороков, проистекающих из атеизма. Отметим также, что при всем уважении Достоевского к формату государственности он, в отличие от современных русских консерваторов, при исследовании политических процессов делает акцент на ее человеческом, а не институциональном измерении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добренъков, В. И. Консерватизм – национальная идеология России / В. И. Добренъков // Вестн. МГУ. – Сер. 18. Социол. и политол. – 2011. – № 2. – С. 3–53.
2. Добренъков, В. И. Русский консерватизм как идеология возрождения и развития России / В. И. Добренъков // Вестн. МГУ. – Сер. 18. Социол. и политол. – 2011 – № 1. – С. 5–26.
3. Ватыль, В. Н. Политические изменения: опыт историко-политологического дискурса : монография / В. Н. Ватыль. – Гродно : ГрГУ, 2009. – 279 с.
4. Грицанов, А. А. Достоевский / А. А. Грицанов, L. Ciccarelli // Новейший философский словарь. – Минск : Книжный дом, 2003. – С. 341–342.
5. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.

6. Достоевский, Ф. М. Политическое завещание : сб. статей за 1861–1881 гг. / Ф. М. Достоевский. – М. : Алгоритм, Эксмо, 2006. – 480 с.
7. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1990. – 224 с.
8. Кудрявцев, Ю. Г. Три круга Достоевского (Событийное. Социальное. Философское) / Ю. Г. Кудрявцев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 344 с.
9. Достоевский, Ф. М. Собр. соч. : в 12 т. / Ф. М. Достоевский. – М. : Правда, 1982. – Т. 11. – 623 с.
10. Достоевский, Ф. М. Собр. соч. : в 12 т. / Ф. М. Достоевский. – М. : Правда, 1982. – Т. 8. – 462 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.01.2016

Lysiuk A.I. Dostoyevsky's Ideas and Contemporary Politics

The extent of integration of Dostoyevsky's political ideas into the contemporary political process is studied in the article. Particularly, their link with the ideas of contemporary Russian conservatives is traced. By doing so, their commonness, as well as differences, especially concerning the attempts of the latter to cross-breed the ideas of Russian conservatism with Stalinist socialism is highlighted. The ideas of socialism and liberalism – mainly, for their utility and disdain of religion, «higher senses» and the human soul are criticized. The social and psychological nature of the political terror ideology and practice is showed.

УДК 321.02-048.35

Ф.И. Храмцова*д-р полит. наук, проф., проф. каф. теории права, управления и социологии
Филиала Российского государственного социального университета в г. Минске***ГЕНЕЗИС ЭРГОНОМИЧНОСТИ/ЭТОСООБРАЗНОСТИ ПОЛИТИКИ
ГОСУДАРСТВА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ**

В статье освещаются теоретико-методологические аспекты проблемы эргономичности/этосообразности принятия и реализации политических решений. Раскрыта сущность понятия этосообразность/эргономичность политики государства. Определены особенности политической модернизации в контексте эволюционной парадигмы. Дана сущностная характеристика антиэнтропийной модели политической модернизации.

Новейший этап исследовательского ареала политической науки связан с активной разработкой востребованных практикой теорий политических модернизаций, фундаментальным положением которых выступает принцип этосообразности принятия и реализации политических решений. В основу данных теорий определены закономерности эволюционной парадигмы как научного базиса политики государства на основе проектирования, отбора, адаптации «соответствующих модификаций государственного управления» [1, с. 167]. Эволюционная парадигма политической модернизации постулирует возрастающую значимость «способности, умения органов государственного управления, с одной стороны, направлять в обществе инновационные процессы в социально-конструктивное русло, с другой – структурно и функционально перестраиваться адекватно реальным и прогнозируемым вызовам инновационно изменяющегося общества» [1, с. 166].

Наша трактовка политической модернизации согласуется с подходом В.Д. Перевалова, который метафорично определяет данный феномен как «особый вид надежд, пронизывающий все революции прошлого и все высокие человеческие устремления» [2, с. 383]. Подчеркнем динамический аспект политической модернизации как специфического «процесса растущей сложности человеческих проблем, с которыми сталкивается система политического устройства». Здесь следует выделить следующие типы политических модернизаций: реконструкцию, собственно модернизацию и реформирование.

В данной работе обосновывается антиэнтропийная модель политической модернизации (в рамках подхода В.Д. Перевалова), в основу которой заложен научный синтез учета истории, традиций, особенностей этнокультуры, религии, менталитета в процессе разработки и внедрения новаций в сферу государственного управления. В данном случае в качестве эмпирического объекта политической модернизации институтов власти рассматривается ускоренный, «управляемый процесс сверху» как «переход от традиционного общества к современному обществу (индустриальному или постиндустриальному), к подлинной демократии» [2, с. 384]. При этом главным критерием эффективности процесса политической модернизации следует понимать адаптивность «многокомпонентной самоорганизующейся политической системы, способной к решению задач трансформации в экономической, социальной и культурной сферах» [2, с. 384].

Развивая подход академика Е.М. Бабосова, поясним суть социальной трансформации, которая состоит в синергетическом характере хаотизации социальной системы, вследствие рисков, угроз глобализации, признаками которой являются энтропийная направленность, т.е. нелинейный переход традиционных обществ к индустриальным

и постиндустриальным обществам (согласно теории динамических систем) [3, с. 9]. В этой связи актуален историографический экскурс проблемы «эргономичности/этосообразности политики государства», которая ведет истоки к теории демократизации государства Г. Спенсера (1820–1903).

Теория демократизации политической власти Г. Спенсера опирается на ряде детерминаций эволюционизма, преемственности, целостности, структурности, адаптации общества от уровня развития образования, состояния нравственности, и на основе этого необходимости учета в политике «среднего уровня развития людей этого общества в конкретный период, этнических, культурных, ментальных особенностей народа» [4, с. 135]. Г. Спенсер трактует феномен общества как надорганический объект общественной эволюции на основе закономерностей общественного развития и анализируемого показателя усредненного уровня развития всех членов общества. Ученый постулирует «закон демократизма власти» как оптимальность темпов изменений, новаций в деятельности властных структур, позволяющие обществу адаптироваться к социально-политическим переменам. Здесь Г. Спенсер уточняет: «И если это замечание справедливо в царстве природы, то оно еще более справедливо по отношению к социальному организму, состоящему из человеческих существ, соединенных в единое целое» [4, с. 135]. В противном случае, заключает Г. Спенсер, радикальные реформы без учета этнокультуры, религии, традиций, обычаев могут обернуться непредсказуемыми последствиями, утратой контроля над обществом, его дестабилизацией.

Далее Г. Спенсер формулирует вывод об императиве эргономичности политики государства (т.е. соответствия) историческим, культурным особенностям нации, укладу жизни, общественному сознанию, уровню его развития. Демократизация власти, согласно Г. Спенсеру, есть принятие правильных законов, адекватных уровню свобод человека, общества, развития культуры, образования. Г. Спенсер уточняет, что прогресс в экономических и политических институтах возможен только при условии, если качественно возрастет средний уровень человеческого потенциала как закономерное следствие эволюционного развития и созревания. Это еще раз актуализирует обозначенный выше посыл о ведущем принципе этосообразности политики государства как механизма политической модернизации.

Г. Спенсер подчеркивает факторную роль государства как основного института и главного проводника законности, экономической свободы, политической культуры, политических ценностей «доброты, мудрости, ума, рациональности». Принимаемые законы, не адекватные уровню развития общества, по мнению автора, порождают деструктивность, регрессивную эволюцию. Г. Спенсер заключает, что суть закона демократизации власти состоит в «изменении человеческого поведения, принуждая или способствуя ему, постепенно воздействуя таким образом, что происходит изменение самой природы человека» [4, с. 134].

Востребованность научных идей Г. Спенсера для современной практики политической модернизации подтверждается новой теорией этосообразности политики А.И. Пригожина. Российский методолог политической философии А.И. Пригожин вслед за новаторскими идеями Г. Спенсера разрабатывает теорию этоса как «генотипа нации, ментального кода невидимого программирования социокультурной жизнедеятельности» [5, с. 33]. Автор рассуждает о том, что этос может быть инерционным, если неэффективны управленческие решения, или активным, если учитывается этосообразность политики как механизм модернизации.

А.И. Пригожин утверждает: «Управленческие решения всех рангов необходимо просчитывать на этосообразность. Оценивать, предвидеть судьбу после запуска в конкретную социальную среду» [5, с. 34]. Важен вывод А.И. Пригожина о необходимости

формирования «альтер-этосов как кодексов модернизации» (уважение к себе и другому, обязательность, позитив), которые произведут качество труда и жизни, справедливость оплаты, законность как ориентиров преобразований в государстве и обществе.

Таким образом, проведенный анализ сущности понятия «политическая модернизация» дает основание для его определения как целенаправленного антиэнтропийного процесса¹, обеспечивающего демократические условия для волеизъявления и социально-политического участия широких слоев, групп, общностей в процессах принятия политических решений на уровне обновляемых институтов государства и структур гражданского общества. Тем самым политическая модернизация интегрирует социальные, политические интересы граждан, которые агрегируются посредством созидательного труда, духовно-нравственной жизни, социальной практики, инновационной политики. Отсюда следует, что под инновационным типом политики следует понимать систему государственных мер по обеспечению прав, законных интересов и равных возможностей граждан, в особенности молодежи, женщин, в широком доступе к власти, благам общества, ресурсам развития (на уровне «де-факто»); исключения дискриминаций, нарушений конституционных прав, по учету этнокультуры, религии, традиций, менталитета, на основе мониторинга политического участия всех групп, активного и пассивного статуса женщин, молодежи, гендерной статистики.

Обобщим: политическая модернизация есть изменяющиеся формы, новое содержание властных институтов, структур гражданского общества, расширение функций последних, обновление ценностей неравновесной, динамичной социальной системы как объекта политического управления. Благодаря принципу этосообразности преобразования политической системы создаются наиболее оптимальные условия перевода явлений энтропийности трансформационных процессов в антиэнтропийность модернизации. Как доказывают результаты проведенного лонгитюдного исследования трансформирующихся постсоветских государств (2005–2009 гг.), деструктивность энтропийности прямо влияет на возрастание «экономических и гендерных профилей социальных неравенств» (авторская интерпретация научной терминологии К. Маркса) [6, с. 34].

Раскроем признаки экономических и гендерных профилей: снижение порога духовно-нравственных ценностей, безработица, феминизация бедности, маргинальность, аддиктивность, девиантность, преступность, десоциализация молодежи, рост смертности, снижение индекса развития человеческого потенциала; обострение межэтнических, политических и геополитических конфликтов. Поэтому государственная политика преодоления социальных турбуленций, снижения порога жизненного уровня граждан в условиях вызовов глобализации, нарастания геополитической напряженности, экономических перманентных кризисов социальных систем призвана внедрять эргономичность процесса принятия политических решений как основы политической модернизации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авцинова, Г. И. Инновационная политика в России как основа социального развития / Г. И. Авцинова // Труды научной школы «Россия в глобальной системе социальных координат: историко-социологическая компаративистика / под общ. ред. акад. РАН В. И. Жукова. – М. : Изд-во РГСУ, 2011. – Вып. 2. – С. 165–171.

¹ Антиэнтропийный политический процесс – разновидность социального процесса с участием всех человеческих ресурсов как источника активной, постоянной энергии созидательного преобразования путем активного и равноправного участия в процессах принятия политических решений (этимология понятия происходит от «энтропии» как меры необратимого, беспорядочного рассеивания энергии в неравновесной термодинамической системе, введено в научный оборот Р. Клаузиусом, 1865г.).

2. Политология : учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 512 с.
3. Бабосов, Е. М. Антиэнтропийная направленность человеческого бытия и социальная энтропия / Е. М. Бабосов // Философские проблемы бытия, познания веры и культуры / Е. М. Бабосов. – Минск : РИВШ, 2010. – С. 7–19.
4. Спенсер, Г. Грехи законодателей / Г. Спенсер // Социс. – 1992. – № 2. – С. 132–139.
5. Пригожин, А. И. Российский этос: обогащение или лечение / А. И. Пригожин // Общественные науки и современность. – 2006. – № 2. – С. 31–37.
6. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс // Сочинения. – М. : Политиздат, 1955. – Т. 1. – С. 31–34.
7. Храмцова, Ф. И. Интеллектуальный потенциал молодежи как фактор инновационного развития Республики Беларусь / Ф. И. Храмцова, С. А. Полетаев, А. М. Дулуб. – Минск : Бестпринт, 2016. – 277 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 25.02.2016

Khrantsova F.I. Genesis of Etosoobraznost/ergonomics Policy of the state as Methodological Principle of Political Modernization

The article highlights the theoretical and methodological aspects of ergonomics/etosoobraznosti adoption and implementation of political decisions. The essence of the concept etosoobraznost/ergonomics policy is revealed. The features of political modernization in the context of the evolutionary paradigm are defined. The essential characteristic of anti-entropy model of political modernization is states.

УДК 327:355.48(47+57):94(47+57)''1941/1945''

А.Н. Костючков

старший преподаватель каф. философии

Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

**ВЛИЯНИЕ РККА НА ОБРАЗ СССР
ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

В статье рассматривается влияние Вооружённых Сил Советского Союза (Рабоче-Крестьянской Красной Армии) на образ СССР на международной арене во время Великой Отечественной войны. Статья содержит большое количество примеров влияния Красной Армии на образ Советского Союза в период 1941–1945 гг. Эти примеры классифицированы по четырём основным направлениям: демонстрация мощи и боеспособности Красной Армии, поведение военнослужащих и политика государства по отношению к иностранным гражданам и государствам, военные церемонии и награждения, уровень развития советской военной техники.

Введение

В современных международных отношениях средства воздействия делятся на две группы: *softpower* («мягкая сила», действие через убеждение) и *hardpower* («жёсткая сила», действие через принуждение). Международный имидж относится к *softpower* и выступает инструментом внешней политики. Под ним понимается образ субъекта международных отношений, целенаправленно формируемый в сознании других субъектов международных отношений. Субъектом данного вида имиджа являются государства, нации, политические лидеры и другие участники международных отношений. Актуальность проблемы международного имиджа обусловлена тем, что его роль возрастает вместе с ростом роли информационно-коммуникационных технологий.

Образ государства складывается под влиянием политических, экономических, культурных и других факторов. Формируют образ государства и его вооружённые силы (далее – ВС). Например, российский исследователь Э.А. Галумов считает имидж армии элементом структуры имиджа страны [1, с. 122, 127]. Однако в целом в белорусской и российской науке данная проблема является неразработанной, так как исследователи обращаются только к изучению образа вооружённых сил в сознании общества. Автор же неоднократно рассматривал эту тему в публикациях как в Беларуси [2], так и в России [3].

ВС государства всегда являются его полноправным представителем и несут в себе атрибуты государства (власть, мощь, форма одежды как признак принадлежности к государству и др.). В этом контексте интересно посмотреть на Рабоче-Крестьянскую Красную Армию (РККА) как на субъект воздействия на мировое сообщество во время Великой Отечественной войны. Главная цель данной статьи – выявление направлений, по которым образ РККА влиял на представления мирового сообщества об СССР в 1941–1945 гг. Объектом исследования является образ Советского Союза на международной арене. Предметом исследования выступает влияние РККА, её боевых действий, поведения отдельных её представителей, уровня военного и военно-технического развития РККА на образ СССР. В статье анализируются факты, описанные в официальных документах, в мемуарах, в периодической печати.

Прежде чем говорить о формировании образа, необходимо отграничить понятия «имидж» и «образ». В русском языке слова «имидж» и «образ» не могут в полной мере использоваться как взаимозаменяемые. Слово «имидж» изначально пришло в русский язык как термин, означающий именно *искусственный (целенаправленно формируемый) образ*, т.е. это одна из разновидностей образа [4]. В данной статье рассматриваются и целенаправленно формируемый образ (имидж), и образ, формирующийся естествен-

ным путём. Поэтому, как правило, будет применяться термин «образ», который шире по своему содержанию. Каналами воздействия РККА на образ страны и государства выступали: 1) демонстрация мощи и боеспособности ВС; 2) поведение военнослужащих и политика государства; 3) военные церемонии и награждения; 4) уровень развития военной техники.

Демонстрация мощи и боеспособности ВС

Победы армии в реальных сражениях являются самым убедительным аргументом в пользу страны. Победы Красной Армии в годы войны демонстрировали миру мощь СССР. Как признание роли РККА примечательна фраза госсекретаря США К. Хэлла: «В начале 1943 года Россия была для нас полностью сфинксом во всех отношениях, за исключением лишь одного, а именно – она твёрдо стояла на ногах и сражалась героически» [5, с. 167].

Немаловажное значение для формирования образа СССР имели поездки союзных военных делегаций в районы боевых действий, где можно было увидеть результаты жестоких сражений. Как вспоминал один из руководителей Генерального Штаба РККА генерал С.М. Штеменко: «Особый интерес иностранных миссий вызывали поездки на фронт, где союзники многому учились» [6, с. 20]. Министр же иностранных дел Великобритании А. Иден, описывая поездку на фронт в декабре 1941 г. после контрнаступления советских войск под Москвой, «с восхищением отзывался о блестящей победе советских войск» и рассказывал, как «его поразили груды боевой техники, брошенной поспешно бежавшими гитлеровцами» [5, с. 125–126].

Поездки на фронт организовывались не только для иностранных дипломатов и военных, но и для иностранных корреспондентов, которые затем рассказывали об увиденном своим читателям и слушателям. Если в предыдущем случае целевой аудиторией выступали дипломаты и военные, т.е. официальные представители иностранных государств, то здесь целевой аудиторией были широкие слои населения западных стран. Характерен пример британского журналиста русского происхождения, представителя газеты «Санди Таймс» и одновременно Британской радиовещательной корпорации (Би-Би-Си) Александра Верта. Он в составе групп корреспондентов выезжал в сентябре 1941 г. под Ельню, в 1943 г. в январе и в феврале – на места сражений Сталинградской битвы, в августе – на места сражений Курской битвы, а в сентябре – в блокадный Ленинград, а также встречался с генералами В.Д. Соколовским, Р.Я. Малиновским, М.С. Малиновым, В.И. Чуйковым. На фронт иностранных журналистов стали допускать и организовывать для них поездки по местам сражений, начиная с первой значительной победы под Ельней в сентябре 1941 г. [7, с. 128]. Самая же многочисленная (около 20 человек) группа иностранных корреспондентов выезжала на фронт в феврале 1943 г. после ликвидации самой (опять же) многочисленной окружённой группировки немецких войск в Сталинграде [7, с. 391].

Именно Сталинградская битва служит примером колоссального влияния на международное сообщество. О Сталинграде слышали все! По воспоминаниям К. Симонова, так сербы называли кафе в Южной Сербии [8, с. 462], Сталинградом интересовались и итальянцы, воевавшие на стороне Германии до сентября 1943 г. [8, с. 476]. Признавая значение битвы и заслуги РККА, британский премьер-министр У. Черчилль во время Тегеранской конференции 29 ноября 1943 г. от имени короля и своего народа вручил И. Сталину меч для жителей Сталинграда. Меч был изготовлен потомственными оружейниками Англии. На клинке была выгравирована надпись: «Подарок короля Георга VI людям со стальными сердцами – гражданам Сталинграда в знак уважения к ним английского народа» [5, с. 258–259]. «Меч Сталинграда» подчёркивал отношение Великобритании к этой битве, а значит, и к Красной Армии и к стране в целом. Ныне название «Сталинград» носят станция метро и площадь в Париже, улицы и проспекты в Ли-

оне (Франция), Брюсселе (Бельгия), Милане (Италия) и других городах мира. Имя Сталинград носит также малая планета № 2250 [9]. И даже через годы после завершения этой великой битвы она продолжала оказывать влияние на умы и сердца. В 1958 г. во время визита в СССР президента Египта Г.А. Насера ему был показан фильм о Сталинграде. Как вспоминает разведчик и дипломат В. Кирпиченко, «запомнилась и реакция Насера на показ ему документального фильма о Сталинградской битве. Он попросту заплакал... А по прибытии в Сталинград в произнесённой там речи отдал должное этому героическому городу» [10, с. 62].

За сражениями Красной Армии следил весь мир. У. Черчилль под влиянием побед РККА даже просил И. Сталина прислать ему для Би-Би-Си ноты нового (1944 г.) советского гимна, чтобы исполнять «его во всех случаях, когда будут передаваться сообщения о важных русских победах» [11, с. 216, 233]. Однако победы Красной Армии одновременно настораживали союзников. 31 марта 1945 г. У. Черчилль писал Верховному Главнокомандующему экспедиционными силами в Европе американскому генералу Д. Эйзенхауэру: «Это (продвижение на Восток войск США и Великобритании – А.К.) имеет важное политическое значение, поскольку русские армии на юге, судя по всему, наверняка войдут в Вену и захватят Австрию. Если мы преднамеренно оставим им Берлин, хотя он и будет в пределах нашей досягаемости, то эти два события могут усилить их убеждённости, которая уже очевидна, в том, что всё сделали они» [12, с. 579]. Как правильно заметил английский корреспондент А. Верт, «вопрос о том, кто первым войдёт в Берлин ...уже считался не военным, а дипломатическим вопросом» [7, с. 685], а значит, добавим, и вопросом международного престижа.

Поведение военнослужащих и политика государства

Поведение военнослужащих по отношению к местному населению, к его культурным и религиозным ценностям влияет на восприятие государства и армии, помогает определить уровень культуры нации в целом. Политика советского государства была направлена на создание положительного образа СССР на территории стран, куда вступали советские войска. Перед вступлением на территорию иностранных государств руководящие органы государства и армии, командиры, штабы и политработники всех уровней готовили советского солдата к общению с населением других стран. С.М. Штеменко пишет, «определялись задачи, содержание и основные методы политработы в войсках, правила и нормы поведения советских военнослужащих за рубежом» [6, с. 41, 107]. Это касалось и поведения советских воинов на территории Германии [13, с. 316]. Поведение воинов за рубежом было настолько важно, что принимались постановления на уровне Государственного комитета обороны (ГКО), высшего органа власти в годы войны. Например, согласно постановлениям ГКО от 10 апреля 1944 г. «О линии поведения советских войск на территории Румынии» [14, с. 340–343] и от 27 октября 1944 г. «О линии поведения советских войск на территории Венгрии» [14, с. 382–385] проводилась активная агитационно-массовая работа с личным составом, с местным населением, оказывалась помощь в восстановлении транспорта и промышленных предприятий, помощь в проведении сельскохозяйственных работ, в разминировании, в борьбе против эпидемиологических заболеваний.

В рамках исполнения постановления ГКО от 29 января 1945 г. «О помощи Временному польскому правительству по восстановлению столицы Польши г. Варшавы» советские воины участвовали в разминировании, построили понтонный мост, восстановили электростанцию и водопровод, а также телефонную сеть в польской столице [14, с. 398–400]. Согласно постановлению ГКО от 23 мая 1945 г., «в течение первых пяти месяцев после освобождения Австрии население её столицы обеспечивалось продовольствием исключительно из запасов Красной Армии» [14, с. 416–419]. Кроме того, советские воины восстанавливали мосты через Дунай, очищали фарватер этой реки

от мин. На севере же Европы «на освобождённой территории Норвегии создавалась необходимая для этого района база, проводилась борьба с инфекциями среди населения, налаживалась связь. Советские воины содействовали пуску хозяйственных объектов» [6, с. 379]. Бойцы РККА спасали и культурные ценности на освобождённых территориях. Например, были спасены ценности Дрезденской картинной галереи.

Большое значение для создания образа играло мужество советских бойцов, спасение ими мирного населения. Например, в Трептов-парке (Берлин) установлен памятник, прообразом которому стал советский солдат Николай Масалов, спасший немецкую девочку во время штурма Берлина 30 апреля 1945 года.

Кстати, забота о поведении военнослужащих проявлялась и в ВС Великобритании и США. Там памятки с рекомендациями о правилах обращения с французскими мирными жителями получали солдаты, участвовавшие в высадке на побережье Нормандии в ходе операции «Оверлорд» в 1944 г. [15, с. 110].

На формирование образа влиял уровень не только боевой, но и технической подготовки советских бойцов. Например, в 1944 г. в Великобритании осуществлялась передача трофейных кораблей Советскому Союзу. По воспоминаниям наркома ВМФ адмирала Н.Г. Кузнецова, британский адмирал Дж. Майлс высказывал сомнения: «Разве смогут ваши моряки в такой короткий срок освоить незнакомые им крупные корабли, тем более привести их в Мурманск!». Однако советские моряки настолько быстро освоили иностранную технику, что это дало повод английским газетам написать: «Русские прислали не матросов, а переодетых инженеров!» [16, с. 353–354].

Свой вклад в формирование положительного образа СССР внесли военнослужащие – граждане Советского Союза, участвовавшие в партизанском движении в Западной Европе. Во Франции широко известен лейтенант Василий Порик, удостоенный звания Национальный герой Франции [17]. В Италии самым известным из советских воинов стал гвардии рядовой РККА Фёдор Полетаев, которому было присвоено самое высокое государственное почётное звание – Герой Италии [18].

Военные церемонии и награждения

Говоря о церемониях, нужно в первую очередь сказать о почётных караулах, присутствующих на встрече иностранных гостей. Прекрасно выглядящий почётный караул создаёт соответствующее впечатление о стране и её армии. Например, в мае 1945 г. главнокомандующий британскими оккупационными войсками в Германии фельдмаршал Б. Монтгомери прибыл с визитом к командующему 2-м Белорусским фронтом маршалу К.К. Рокоссовскому. Советский маршал вспоминал: «В почётный караул ставим кубанцев 3-го гвардейского кавалерийского корпуса Осликовского в конном строю, в полной казачьей форме. На Монтгомери и его офицеров они произвели огромное впечатление. Англичане долго провожали восхищёнными взглядами лихо удалявшуюся конницу» [13, с. 372].

Отличной возможностью продемонстрировать мощь своих вооружённых сил выступают военные парады. Например, 7 ноября 1941 г. парады прошли в Москве и Куйбышеве (ныне Самара), основной и «запасной» (на период войны) столицах СССР. Парад в Москве продемонстрировал всему миру решимость советского народа и его ВС защищать свою страну. А в Куйбышеве, где в период войны размещались посольства иностранных государств, в этот день по площади прошли 22 тыс. солдат и над площадью пролетели более 700 самолётов. Это произвело впечатление на иностранных дипломатов, в том числе на представителей Турции и Японии, на тот момент потенциальных противников СССР [19]. Парад Победы, который прошёл в Москве на Красной площади 24 июня 1945 г., демонстрировал миру мощь Красной Армии, победившей врага.

Интересна и церемония подписания Германией капитуляции. Первоначально она прошла 7 мая 1945 г. в Реймсе (Франция). По воспоминаниям генерала С.М. Ште-

менко, на совещании в Кремле И.В. Сталиным было сказано, что «такое соглашение больше похоже на нехороший сговор. Кроме генерала И.А. Суслопарова, никто из государственных лиц СССР в Реймсе не присутствовал. Выходит, что перед нашей страной капитуляция не происходит, и это тогда, когда именно мы больше всего потерпели от гитлеровского нашествия и вложили наибольший вклад в дело победы» [6, с. 408]. В ответ, чтобы сохранить своё лицо великой державы и укрепить свой международный престиж, СССР потребовал подписания капитуляции перед всеми четырьмя державами, и притом в столице страны-агрессора – Германии. Это и было сделано в ночь с 8 на 9 мая 1945 г. Со стороны союзников присутствовали высшие военные и государственные лица СССР, США, Великобритании, Франции.

Уровень развития военной техники

Большое влияние на образ ВС и страны имеют вооружение и военная техника. Качественные образцы вооружения и техники, особенно те, которые превосходят по своим тактико-техническим характеристикам образцы противника, всегда формируют позитивный образ ВС. О характеристиках советских танков вспоминал начальник штаба 4-й армии вермахта, наступавшей на московском направлении, генерал Г. Блюментрит. О первых десяти днях войны он пишет, что «русские танки не отличались совершенством» [20, с. 98]. А спустя три месяца, в октябре 1941 г., пишет он далее, помимо распутицы «на нас обрушилась новая, не менее неприятная неожиданность. Во время сражения за Вязьму появились первые русские танки Т-34. В 1941 г. эти танки были самыми мощными из всех существовавших тогда танков» [20, с. 111].

О советской авиационной технике, как вспоминал авиаконструктор А. Яковлев, «хорошо отзывались не только наши лётчики, но и французские лётчики из полка “Нормандия”, которые летали на всяких машинах – английских, американских, французских» [21, с. 368]. После войны советское правительство подарило французским вооружённым силам те 40 истребителей ЯК, на которых лётчики полка «Нормандия – Норман» сражались с врагом. На них же французские лётчики участвовали в воздушном параде в небе Франции в победном 1945 г. [21, с. 393–394].

Таким образом, РККА и флот своими победами, мужеством бойцов, талантом своих полководцев, мощью и надёжностью своей военной техники проявили себя в сражениях Второй мировой и Великой Отечественной войны, заработали огромный авторитет Советскому Союзу на международной арене, во многом изменив представления об СССР населения значительной части стран. Как пишет в своих мемуарах советский дипломат Н. Новиков, «Красная Армия являлась тогда наилучшим советским пропагандистом, благотворно влиявшим на общественное мнение во всём мире» [22, с. 183].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галумов, Э. А. Международный имидж России: стратегия формирования / Э. А. Галумов. – М. : Известия, 2003. – 446 с.
2. Костючков, А. Н. Вооружённые силы как фактор формирования международного образа государства / А. Н. Костючков // Идеологические аспекты военной безопасности. – 2015. – № 2. – С. 38–42.
3. Костючков, А. Н. Влияние демонстрации мощи и боеспособности ВС на международный имидж государства / А. Н. Костючков // Эволюция российского государства и права : материалы межвуз. науч.-практ. конф., Смоленск, 5 дек. 2014 г. – Смоленск : Маджента, 2015. – С. 36–40.
4. Касцючкоў, А. М. Палітычны імідж: паняцце, прыметы, віды / А. М. Касцючкоў // Весці БДПУ. Сер. 2. – 2007. – № 2. – С. 67–71.
5. Бережков, В. М. Страницы дипломатической истории / В. М. Бережков. – М. : Международные отношения, 1987. – 616 с.

6. Штеменко, С. М. Генеральный штаб в годы войны / С. М. Штеменко. – М. : Воениздат, 1985. – Кн. 2. – 471 с.
7. Верт, А. Россия в войне 1941–1945 / А. Верт. – М. : Прогресс, 1967. – 776 с.
8. Симонов, К. Разные дни войны / К. Симонов. – М. : Известия, 1981. – Т. II. – 720 с.
9. Сталинград на карте мира [Электронный ресурс] // Великая страна СССР. – Режим доступа: <http://www.great-country.ru/articles/stalin/00067.html>. – Дата доступа: 24.04.2015.
10. Кирпиченко, В. Из архива разведчика / В. Кирпиченко. – М. : Международные отношения, 1993. – 336 с.
11. Переписка Председателя Совета Министров СССР с премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : в 2-х т. / А. А. Громыко [и др.]. – М. : Политиздат, 1976. – Т. 1 : Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли. (Июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). – 472 с.
12. Черчилль, У. Вторая мировая война : в 3 кн. / У. Черчилль. – М. : Воениздат, 1991. – Кн. 3, т. 5–6. – 702 с.
13. Рокоссовский, К. К. Солдатский долг / К. К. Рокоссовский. – М. : Воениздат, 1972. – 376 с.
14. Комаров, Н. Я. Государственный комитет обороны постановляет... Документы. Воспоминания. Комментарии / Н. Я. Комаров. – М. : Воениздат, 1990. – 430 с.
15. Хастингс, М. Операция «Оверлорд»: Как был открыт второй фронт / М. Хастингс. – М. : Прогресс, 1989. – 472 с.
16. Кузнецов, Н. Г. Курсом к победе / Н. Г. Кузнецов. – М. : Воениздат, 1976. – 510 с.
17. Порик Василий Васильевич [Электронный ресурс] // Сайт Герои страны. – Режим доступа: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1945. – Дата доступа: 22.01.2015.
18. Русский солдат – национальный герой Италии [Электронный ресурс] // Сайт Люди peoples.ru. – 2009. – 17 мая. – Режим доступа: <http://www.peoples.ru/military/hero/poletayev/index.html>. – Дата доступа: 30.10.2014.
19. Исмаилова, А. Патриотизм великой нации: В «запасной» столице реконструировали парад 1941 года / А. Исмаилова // Аргументы и факты. – 2013. – № 46. – С. 9.
20. Блюментрит, Г. Московская битва / Г. Блюментрит // Роковые решения : сборник. – СПб. : Полигон, 2004. – 637 с.
21. Яковлев, А. С. Цель жизни (Записки авиаконструктора) / А. С. Яковлев. – М. : Политиздат, 1968. – 623 с.
22. Новиков, Н. В. Воспоминания дипломата: (Записки о 1938–1947 гг.) / Н. В. Новиков. – М. : Политиздат, 1989. – 399 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 03.03.2016

Kostyuchkov A.N. Influence of Red Army on International Image of the USSR during the Great Patriotic War

The article deals with the Red Army's influence on the international image of the Soviet Union during World War and Great Patriotic war. The article contains a large number of historical examples demonstrating the power and fighting efficiency of the Red Army, the behavior of the military and state policy, the level of development of Soviet military thinking and military equipment on the international image of the Soviet Union in the period of 1941–1945.

УДК: 323.2

А.А. Гарбуз

*аспірант Академии управления при Президенте Республики Беларусь,
зам. нач. отдела главного управления идеологической работы,
культуры и по делам молодежи
Брестского областного исполнительного комитета*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Статья посвящена анализу процессов функционирования местного управления и самоуправления в Республике Беларусь. Накопленный опыт работы, анализ состояния и развития местного управления и самоуправления позволили предложить направления совершенствования деятельности данных институтов в Беларуси. Сформулированные в работе предложения могут быть использованы в процессе совершенствования законодательства Республики Беларусь и практической деятельности местных Советов депутатов и исполнительных комитетов.

Перспективы совершенствования системы местного управления и самоуправления в Республике Беларусь связаны с реализацией на практике основополагающей идеи «государство – для народа», которая по сути своей означает «создание благоприятных, комфортных условий жизнедеятельности человека, обеспечение его прав и свобод. Человек является высшей ценностью общества и государства, и поэтому все органы государственной власти, и прежде всего местные органы обязаны делать все необходимое для реализации этого основополагающего положения Конституции Республики Беларусь» [1, с. 154].

Процесс совершенствования местного управления и самоуправления сложный и непростой, государство, безусловно, должно помочь становлению местного управления и самоуправления. «При этом нужны не только отдельные меры, а глубоко проработанная стратегия его государственной поддержки, комплексный, системный подход. Нужна четко определенная, демократически выверенная концепция, которая смогла бы дать основные ориентиры и определить меры укрепления социально-экономической, финансовой и правовой базы функционирования местных образований» [2, с. 8].

Поиск путей модернизации правового обеспечения деятельности местного самоуправления находится в поле зрения многих ученых и практиков. Правосубъектность территориального сообщества в значительной степени определяется наличием организационно-правовых форм, которые должны обеспечивать волеизъявление населения при решении наиболее важных вопросов экономического, социального и культурного развития территории. Ряд противоречий и пробелов в действующем законодательстве по-прежнему серьезно осложняет деятельность как местных представительных, так и исполнительно-распорядительных органов, снижается эффективность и результативность территориального управления.

Не побуждается к должной активности в решении общественно-полезных дел местное население, не используется в полной мере административный ресурс.

Научный руководитель – В.И. Чуешов, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философских наук и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь

Основные направления совершенствования местного управления и самоуправления в Республике Беларусь

I. Проведение последовательного реформирования местного управления и самоуправления.

Основными составляющими возможной Программы реформирования местного управления и самоуправления должны стать:

1. Разработка Концепции реформирования местного управления и самоуправления, организация широкого ее обсуждения на местах, на научно-практических конференциях, парламентских слушаниях.

2. Проведение мероприятий по децентрализации государственного управления с последовательной передачей определенных полномочий органам местного управления и самоуправления; необходимо урегулировать пределы полномочий каждого уровня местного управления и самоуправления.

3. Перераспределение полномочий между местными представительными и исполнительными органами с целью повышения роли Советов в решении местных вопросов, а также между Советами депутатов разных уровней.

4. Решение вопросов кадрового и информационного обеспечения деятельности органов местного самоуправления. Академия управления при Президенте Республики Беларусь должна стать «кузницей кадров» для системы органов местного управления и самоуправления. В органах местного управления и самоуправления должны работать высококвалифицированные специалисты в сфере административного и хозяйственного управления.

«Необходимо завершить работу по передаче всех функций локального значения соответствующим административно-территориальным образованиям; обеспечение координации деятельности Советов депутатов всех уровней» [3, с. 148–149].

Задача реформы – приблизить власть к населению, повысить эффективность деятельности органов местного управления и самоуправления, сосредоточить их внимание на удовлетворении потребностей людей. «Реформа должна дать возможность гражданам получать более достоверную и исчерпывающую информацию о деятельности местных органов власти, стать основой развития гражданского общества, главным опорным пунктом согласия и консолидации всех сил в обществе» [4, с. 191].

Безусловно, процесс совершенствования системы местного управления и самоуправления должен быть последовательным и перманентным, поэтому обязательной составляющей Программы реформирования должна быть разработка планов дальнейших преобразований в области местного управления и самоуправления.

II. Совершенствование нормативно-правовой базы функционирования местного управления и самоуправления.

Действующее законодательство Республики Беларусь о местном управлении и самоуправлении в полном объеме не применяется на практике. Многие нормы и институты Закона Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» [5] не реализуются в практической деятельности исполкомов, местных администраций, местных Советов депутатов, а также не используются в качестве инструмента влияния населением, проживающим на территории соответствующей административно-территориальной единицы, на решение местных проблем.

Развитие и совершенствование нормативной базы местного самоуправления в целом и моделей представительных органов местного самоуправления, особенно на базовом уровне, являются в настоящее время своевременными и актуальными. Сравнительный анализ показывает, что преобразования в области местного управления и самоуправ-

равления, проводимые в Беларуси, все еще идут медленно и отличаются по основополагающим принципам от реформ в соседних странах. В плане сравнительного анализа отметим, что в Конституции Российской Федерации право населения на осуществление местного самоуправления закреплено в первом разделе первой главы «Основы конституционного строя» следующим образом: «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления». Далее в ст. 12 Основного Закона РФ записано: «В Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно» [6, ст. 3].

В Конституции Украины в первом разделе «Общие принципы» также закреплено положение о том, что «в Украине признается и гарантируется местное самоуправление» [7, ст. 7].

К сожалению, в Конституции Республики Беларусь какое-либо упоминание в первом разделе «Основы конституционного строя» о местном самоуправлении отсутствует. В дальнейшем при совершенствовании Конституции следовало бы закрепить в данном разделе отдельной статьей норму следующего содержания: «В Республике Беларусь признается и гарантируется местное самоуправление».

Очевидно, что «реформирование системы местной власти в Беларуси необходимо проводить ... на базе научно обоснованной Концепции, которая будет учитывать мировую практику и отечественный опыт. Работа органов местного управления и самоуправления должна оцениваться по таким показателям, которые заставляли бы их работать на рядового гражданина, удовлетворять его насущные потребности, были бы деидеологизированы, измеримы, сопоставимы, понятны и близки каждому» [8, с. 24].

III. Совершенствование управленческой и хозяйственной деятельности органов местного управления и самоуправления.

Основными направлениями совершенствования деятельности органов местного управления и самоуправления могут стать:

1. Обеспечение единства всех местных органов власти с четким определением их структуры, функций, полномочий и ответственности.
2. Расширение хозяйственной самостоятельности, увеличение финансирования и экономических возможностей местных органов власти в развитии своих территорий.
3. Сокращение документооборота, реализация новых методов работы с населением по принципу «одного окна», обеспечение высокой оперативности в решении социально значимых проблем населения.

Система управления документооборотом может состоять из двух больших подсистем:

- 1) подсистемы управления документами;
- 2) подсистемы управления работами и контроля исполнительской дисциплины.

Основной функцией подсистемы управления документами является регистрация всех документов и проектов документов, которые находятся в работе в местных органах власти. Регистрируются как все бумажные документы, так и все электронные документы. Данная подсистема обеспечивает хранение всех электронных документов с ограничением прав доступа к каждому документу. Подсистема управления работами и контроля за исполнительской дисциплиной позволяет объединять в рамках одной работы несколько документов, например, подготовка исходящего документа в ответ на какой-либо входящий документ. «Кроме того, документы из канцелярии могут непосредственно поступать в электронный архив документов. Это может улучшить ведение архива местного органа власти и удешевить затраты на хранение и поиск документов. Таким образом, предлагаемая система позволит более детально контролировать прохож-

дение работ в органе местного управления или самоуправления и избежать потерь документов на любых этапах их обработки» [9, с. 99–100].

4. Использование современных информационных и инновационных технологий, эффективных механизмов управления предприятиями в интересах населения, создание новых рабочих мест. Предлагаем ввести в штатное расписание каждого городского, районного исполнительных комитетов должность специалиста по информационным технологиям, в обязанности которого будет входить обслуживание локальных вычислительных сетей исполкомов, местных Советов депутатов и обеспечение работоспособности компьютерной техники и программного обеспечения, в том числе и в нижестоящих исполкомах и местных Советах.

5. «Разработка и реализация программ инновационного развития, создание инновационной инфраструктуры и инновационно активных предприятий» [10, с. 154].

IV. Выбор оптимальной для Республики Беларусь модели функционирования местного управления и самоуправления.

В развитии законодательства европейских государств наблюдается такая тенденция, как стирание основных признаков двух моделей (англосаксонской и континентальной), их интеграция в одну смешанную модель (Германия, Австрия и др.). «Определиться с моделью развития местного управления и самоуправления в Беларуси – это насущная задача белорусских ученых-юристов по исследуемой проблематике» [11, с. 7].

Анализ практики показывает, что функционирование многоуровневых звеньев Советов как органов самоуправления нерационально. Оптимальной является их двухуровневая структура: первичный – сельсоветы, поселки, города (районного подчинения) и базовый – районы, города (областного подчинения). Первичный уровень самоуправления наиболее приближен к населению. Однако на этом уровне не может быть обеспечено комплексное, в полном объеме удовлетворение потребностей населения. С точки зрения возможностей и целесообразности экономии средств на уровне сел, поселков, районов в городах следовало бы осуществлять частные задачи и функции: содержание дорог, уборка территорий, охрана общественного порядка, противопожарная безопасность, контроль за рациональным использованием земель, оказание содействия районным и городским Советам и исполнительным и распорядительным органам в осуществлении их функций (школьное образование, медицинское обслуживание).

Базовый уровень Советов должен иметь достаточный экономический потенциал, развитую инфраструктуру (экономическую и социально-культурную). Он призван стать действительно основным звеном местного самоуправления. «На базовом уровне должен быть создан комплекс предприятий и учреждений, призванных обеспечить удовлетворение всесторонних запросов и потребностей населения, проживающего на данной территории. Что же касается областей, то они должны рассматриваться не как структура самоуправления, а в качестве административно-территориальных центров, а их органы – как органы управления. На этом уровне обеспечивались бы содействие и контроль за осуществлением общегосударственных задач и функций на их территории, управление объектами, имеющими областное либо межрайонное значение, – профтехучилищами, областными театрами, больницами, диспансерами и др.» [12, с. 139].

V. Введение новых форм взаимодействия населения и органов местной власти.

Предлагаем ввести новую форму взаимодействия населения и местной власти – «общественные слушания и публичные консультации, которые организовывались бы местными органами самоуправления для обмена информацией между органами власти и населением в формальной и официальной манере» [13, с. 9]. Например, в Великобритании муниципалитеты очень широко используют публичные консультации. Законодательство Великобритании предписывает муниципалитетам проводить консультации

с общественностью. Одно из требований содержится в акте Парламента о повышении эффективности управления, который устанавливает «необходимость не реже одного раза в 5 лет по каждой из услуг, предоставляемых муниципалитетом, проводить консультации. Другое требование к органам местного самоуправления предъявляет Акт о местном самоуправлении, в котором прописано, что муниципалитет должен проводить консультации при принятии решений. Использование публичных консультаций позволяет выявлять проблемы на более ранней стадии» [14, с. 92].

VI. Комплексное идеологическое сопровождение функционирования местного управления и самоуправления.

В образовательных учреждениях и средствах массовой информации следует активизировать работу по разъяснению сути местного управления и самоуправления, его роли в построении демократического правового государства.

К комплексным научно-практическим разработкам правового обеспечения в Республике Беларусь крайне редко привлекаются депутаты местных Советов депутатов и актив органов территориального общественного самоуправления. Не практикуется проведение общественных экспертиз законопроектов по вопросам совершенствования местного самоуправления. Кроме этого, местные Советы депутатов по-прежнему не имеют права законодательной инициативы. В последние годы ни разу не вносились законопроекты о повышении роли местных Советов депутатов базового территориального уровня (городских, городов областного подчинения и районных Советов депутатов). Происходят процессы снижения «остаточной» компетенции этих представительных самоуправленческих органов. В связи с этим теоретическое исследование вопросов организационно-правового обеспечения деятельности этого уровня местных Советов депутатов, в целом анализ действующего законодательства и выработка предложений по его дальнейшему совершенствованию приобретает особую значимость и актуальность.

Обобщая изложенное, можно сделать следующие выводы:

- 1) перспективы совершенствования системы местного управления и самоуправления в Республике Беларусь связаны с реализацией идеи «Государство – для народа»;
- 2) основные преобразования в области местного управления и самоуправления должны быть направлены на постепенное ограничение прямого вмешательства государства в развитие конкретных городов, районов и, соответственно, на повышение роли местных сообществ;
- 3) развитие и совершенствование нормативной базы местного самоуправления в целом и моделей представительных органов местного самоуправления, особенно на базовом уровне, являются в настоящее время своевременными и актуальными для Беларуси;
- 4) реформирование системы местной власти в Беларуси необходимо проводить на базе научно обоснованной Концепции, которая будет учитывать мировую практику и отечественный опыт;
- 5) определить с моделью развития местного управления и самоуправления в Беларуси – это насущная задача белорусских ученых-юристов;
- 5) в образовательных учреждениях и средствах массовой информации следует активизировать работу по разъяснению сути местного управления и самоуправления, его роли в построении демократического правового государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сидорчук, В. К. Организация местного самоуправления / В. К. Сидорчук. – Минск : Амалфея, 2002. – 272 с.

2. Шинкарев, В. В. Местное самоуправление: проблемы реформирования : монография / В. В. Шинкарев. – Минск : БГПУ, 2005. – 147 с.
3. Лозовик, Н. И. Местное управление и самоуправление : курс лекций / Н. И. Лозовик. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2005. – 281 с.
4. Мельников, А. П. Местное самоуправление : учеб. пособие / А. П. Мельников. – Минск : РИВШ БГУ, 2000. – 224 с.
5. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 108-З // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
6. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст. – М. : Юрист, 2008. – 56 с.
7. Конституція України. – Київ : Ін Юре, 2007. – 144 с.
8. Приходько, Ф. С. Местное самоуправление как институт власти / Ф. С. Приходько. – Горки : Бел. с.-х. акад., 1998. – 57 с.
9. Новые информационные технологии в муниципальном управлении : сб. науч. ст. / РГГУ; редкол.: В. Н. Дулькин (отв. ред.) [и др.]. – М. : Изд. центр РГГУ, 1997. – 158 с.
10. Сапелкин, Е. П. Местное управление и самоуправление в Республике Беларусь: современные технологии, перспективы развития / Е. П. Сапелкин, Т. С. Масловская. – Минск : Изд. центр БГУ, 2006. – 239 с.
11. Тихиня, В. Г. Европейская Хартия местного самоуправления и современные тенденции развития законодательства о местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь / В. Г. Тихиня // Юридический журнал. – 2008. – № 1. – С. 3–8.
12. Шабайлов, В. И. Местное самоуправление в Республике Беларусь: состояние и перспективы развития / В. И. Шабайлов // Журнал российского права. – 2002. – № 11. – С. 136–147.
13. Вовлечение населения в процесс местного самоуправления / Моск. обществ. науч. фонд. – М. : МОНФ, 2000. – 173 с.
14. Бейко, А. В. Участие граждан в процессе принятия решений органами власти на местном уровне / А. В. Бейко // Проблемы управления. – 2007. – № 2. – С. 91–95.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 29.02.2016

Garbuz A.A. The Improvement of Operation of Local Management and Self-management in the Republic of Belarus

This article is dedicated to the analysis of the processes of operation of local management and self-management in the Republic of Belarus. The accumulated experience, analysis of the state and development of management and self-management allowed the author to formulate conclusions and proposals on the improvement of this institution activity in Belarus. The formulated proposals can be used in the process of improving the legislation of the Republic of Belarus and the practical activities of the local Councils of Deputies and executive committees.

УДК 339.924

А.Н. Гайшун

*нач. отдела по делам молодежи, воспитательной и идеологической работе
Бобруйского филиала Белорусского государственного экономического университета*

ОТ РАСПАДА СССР К ЕАЭС: ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ВЫБОР ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

В статье на основе анализа причин распада СССР определяются факторы интеграции постсоветских государств в евразийском проекте. Подчеркивается, что основой тесного сотрудничества постсоветских стран в ЕАЭС может быть общее признание их национальных интересов. Одним из способов противодействия евразийской интеграции со стороны конкурирующих государств является информационная война.

Введение

В современном быстро меняющемся мире особую значимость приобретает сохранение региональными государствами национальной идентичности. Активно реализуемые гегемоном глобальной политики – США геополитические проекты знаменуют наступление новой реальности и для стран, объединенных географическим понятием «Евразия». Важно отметить, что возможное усиление интеграционных процессов в рамках ЕАЭС может стать необходимым ответом североамериканской доктрине «разворота к Азии», которая ориентирована на установление жесткого контроля ведущей страны Запада над этой частью планеты. «Разворот к Европе» состоялся во второй половине прошлого века и был довольно успешным для США.

Для большинства постсоветских государств участие в ЕАЭС – осознанная на реалиях развития вне СССР необходимость. «Цивилизованный развод» начала 90-х гг. XX столетия, как оказалось, не стал основой ожидаемого тогдашней политической элитой бывшей «дружной семьи народов» социально-экономического прорыва. Более того, последствия геополитической катастрофы сегодня ощущаются еще острее.

Безусловно, Советский Союз был интересным опытом в складывавшейся на протяжении тысячелетий мозаичной картине человеческой цивилизации. Лишенная конъюнктурности оценка его более чем 70-летней истории непростая для современного учебного мира задача. Причем как на Западе, так и на Востоке. Однако большинство исследователей сегодня солидарны в признании того, что распад СССР разрушил мировой баланс сил, который способствовал предсказуемому, часто бесконфликтному развитию большинства регионов. В сущности, мировая цивилизация теряет один из факторов своего развития – элемент разнообразия, и на формирующееся ныне мироустройство решающее влияние оказывают войны различной классификации. Поэтому молодые постсоветские государства активно продолжают искать новую опору. Появившееся в их правящих кругах мотивированное представление о том, что бывшие союзные республики СССР продолжают рассматриваться на Западе как недоразвитые образования, приводит к стратегическому выбору в направлении евразийской интеграции.

Для формирования более объективного представления об интеграционных мотивах постсоветских государств необходимо обратить внимание и на особенности развития СССР во второй половине 80-х годов прошлого века.

Научный руководитель – О.Г. Буховец, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Белорусского государственного экономического университета

Закат «советской империи»: упущенные возможности или «прыжок из царства необходимости в царство свободы»?

Говоря о причинах распада СССР, современные исследователи делают, как правило, три акцента: социально-экономический, внешнеполитический и конспирологический. Проследим их взаимосвязь. Главные ожидания советского народа в 1985 и последующие годы сводились к развитию экономики. Многие тогда задавались вопросом: почему социалистический строй в СССР не сумел показать столь же хороших результатов в производстве и производительности труда, как капиталистический? Известный индийский дипломат Т.Н. Кауль, работавший в США, Англии, Китае, Вьетнаме, Иране и дважды представлявший Индию в СССР, называет следующие причины:

- 1) недостаток материального стимулирования;
- 2) чрезмерный контроль со стороны центральных и республиканских начальников, Госплана, партийного и государственного аппарата;
- 3) отсутствие знания местных условий и применения соответствующих технологий;
- 4) устаревшая техника, ее неудовлетворительное обслуживание и ремонт;
- 5) нехватка мощностей по складированию, транспортировке и переработке продукции, особенно холодильников для фруктов, овощей и другой скоропортящейся продукции;
- 6) неправильное питание людей, которые привыкли потреблять излишнее количество крахмала, сахара и жиров, что способствует распространению сердечных заболеваний и других;
- 7) последнее по месту, но не по важности обстоятельство: отчуждение подлинного труженика от земли, привлекательность для него миграции в город из-за плохих бытовых условий на селе, нехватки там жилья, дорог, больниц, школ, учреждений культуры [1, с. 143–144].

Время показало, что у Михаила Горбачева и его команды четкой экономической программы не было. Либеральные экономисты призывали правительство сразу, без подготовки броситься в непознанный до глубины водоем рынка. При этом приводился исторический опыт стран Европы и США, вышедших из Второй мировой войны с фактически централизованной плановой экономикой, но смело бросившихся в него. Другая влиятельная группа во главе с премьером Николаем Рыжковым предлагала план перехода страны на социально ориентированные рыночные отношения с необходимым государственным регулированием при минимальных трудностях для населения СССР. В итоге случилась программа, которая называлась красиво и таинственно – программа «500 дней».

Можно допустить, что подлинным содержанием «перестройки» было усиление общественной роли частной собственности. Это главное. Например, в августе 1986 г. советский лидер предоставил государственным предприятиям право на непосредственную внешнеэкономическую деятельность. На практике это превратилось в вывоз капиталов за границу. В октябре того же года узаконили определенный тип «производственного кооператива». Это была прикрытая форма существования частных предприятий. Чуть позже, в ноябре, объявили о дополнительном расширении масштабов частной хозяйственной активности. Дельцы «теневой экономики» получили возможность легализоваться. Буржуазный слой в советском обществе укрепился, а вскоре он стал наиболее политически активным среди населения умиравшей страны. Все это стало понятным уже в 1987 г.; в то же время на Западе значительно усилилась информационная поддержка проводимого Горбачевым курса в СССР. Заметим, на фоне тайных внешнеэкономических операций, призванных ослабить экономику Советского Союза (напри-

мер, с нефтью). Итак, к началу 1980-х гг., как отмечает в своей работе Станислав Меньшиков, «нельзя было найти сектора общества и хозяйственной системы, не охваченного и фактически не подчиненного силам и структурами “теневой” экономики» [2].

Виталий Воротников в своей книге воспоминаний пишет: «Проблемы в производстве и повседневной жизни людей нарастали. Нарушались налаженные производственные связи между предприятиями, ухудшалось снабжение населения продуктами и товарами. Что, собственно, и вызывало недовольство, возмущение людей. Это недовольство постоянно и умело подогревалось растущими, как грибы, различными неформальными общественными организациями: союзами, группами, народными фронтами. Стремление лидеров этих организаций к власти уже не скрывалось. Авторитет партийных, государственных органов снижался. Призывы к единству, солидарности, совести, патриотизму не срабатывали. Люди уже не верили в эффект перестройки» [3, с. 150].

Государственный внутренний долг СССР возрастал следующим образом: 1985 г. – 142 млрд руб. (18,2% ВВП); 1989 г. – 399 млрд руб. (41,3% ВВП); 1990 г. – 566 млрд руб. (56,6% ВВП); за 9 месяцев 1991 г. он составил 890 млрд руб. Золотой запас, который в начале 1985 г. составлял 2 000 т, в 1991 г. упал до 200 (!). Внешний долг, которого в 1985 г. практически не было, в 1991 г. составил около 120 млрд долл. В конце 1980-х гг. государство стало «продавать деньги», это был принципиальный отход от советской системы хозяйства. Этим самым, как отмечает российский социолог Сергей Кара-Мурза, «был открыт путь к неконтролируемому росту цен и снижению реальных доходов населения, инфляции и росту внешнего долга. Государство лишалось экономической основы для выполнения своих обязательств перед гражданами, в частности, пенсионерами». Негативно на экономике сказалась и полная ликвидация плановой системы хозяйства [4, с. 311–312]. Все экономические беды свалили на компартию, рейтинг которой со второй половины 1980-х гг. в СССР стремительно падал. Достоинства советского строя старательно забывались, неудачи во внутренней и внешней политике некомпетентного руководства объяснялись кремлевским агитпропом как следствие ошибок, допущенных предшественниками.

Заняв пост Генерального секретаря ЦК КПСС, М.С. Горбачев обозначил и внешнеполитические приоритеты. Процитируем его первую программную речь: «По вине империализма международная обстановка продолжает оставаться тревожной и опасной. Человечество оказалось перед выбором: либо дальнейшее нагнетание напряженности и конфронтации, либо конструктивные поиски взаимоприемлемых договоренностей, которые остановили бы процесс материальной подготовки ядерного конфликта. Ответственность за сложившуюся ситуацию несут прежде всего правящие круги Соединенных Штатов Америки, и об этом надо сказать со всей определенностью». Далее генсек заметил, что «империализм в последние годы усилил подрывную работу и координирует свои действия против социалистических государств. Это распространяется на все сферы – политическую, экономическую, идеологическую и военную». Вместе с тем Михаил Горбачев заявил о готовности развивать многоплановое взаимовыгодное сотрудничество с государствами Западной Европы, с Японией. Выразил советский лидер и надежду на улучшение отношений с США – «к обоюдной выгоде и без попыток ущемления законных прав и интересов друг друга» [5, с. 23–24].

Дальнейшую историю дипломатических отношений СССР с Западом можно назвать «временем больших уступок», что и породило версию о приобретении США и их союзниками «агентуры влияния» в высшем политическом руководстве СССР. Однако было бы неправильно оценивать всю внешнюю политику Горбачева только негативно, были и позитивные моменты, например, так называемая международная разрядка. Правда, достигнута она была за счет интересов СССР, но никак не Запада.

Внешнюю политику СССР в период правления Горбачева можно разделить на два этапа: до Рейкьявика и после него. Как вспоминает известный советский дипломат Добрынин, встреча в Рейкьявике 11–12 октября 1986 г. носила весьма драматичный характер. Впервые тогда в советско-американских отношениях возникла идея о сокращении стратегического оружия. Однако Рейган отказался взять какие-либо обязательства по договору по ПРО, которые могли бы ограничить деятельность США по осуществлению программы «звездных войн» (во многом, кстати, придуманной в лучших традициях Голливуда). Горбачев был разочарован и в сердцах произнес: «Господин президент, вы упустили уникальный шанс войти в историю в качестве великого президента, который открыл дорогу ядерному разоружению». Рейган в ответ бросил следующее: “Это относится к нам обоим”» [6]. Встреча провалилась, но официальные советские СМИ преподнесли ее «как первый шаг во взаимных усилиях достичь соглашения». После Рейкьявика внешняя политика советского правителя являла собой «сдачу» государственных интересов СССР. В конце 1989 г. во время встречи Горбачева на Мальте с президентом США Джорджем Бушем-старшим практически все политико-оборонные позиции Советского Союза были потеряны. Вашингтонский саммит 1987 г. стал переломным: был подписан Договор о ракетах средней дальности. Этот документ обуславливал уничтожение 1846 советских ядерных ракет и 846 американских в течение трех лет. Колоссальная уступка.

Безусловно, негативную роль в истории Союза Советских Социалистических Республик сыграла гонка вооружений, навязанная конкурирующей страной. Официальным началом холодной войны принято считать речь известного политического деятеля Великобритании Уинстона Черчилля, которую он произнес в американском городе Фултоне 5 марта 1946 г. Бывший британский премьер долго и эмоционально говорил о «коммунистической угрозе», исходящей от СССР, призывал брать уроки истории – попытки умиротворения нацизма привели к мировой войне (вспомним в этой связи так называемый «мюнхенский сговор»!). Демократические страны Запада, призывал Черчилль, должны сплотиться в противоборстве с новой угрозой, которую представлял Советский Союз, чтобы установить над подконтрольными ему территориями свои западные порядки [7, с. 274–288].

Речь Черчилля, известного, к слову, русофоба, повторяла во многом геополитические видения небезызвестного министра иностранных дел фашистской Германии Иоахима фон Риббентропа. В телеграмме нацистскому посланнику в Ирландской Республике, отправленной 16 февраля 1945 г., он говорил о том, что если большевизм когда-либо победит в Германии, то он не ограничится районом Эльбы, Везера или даже Рейна, а распространится по всему европейскому континенту. Доводы У. Черчилля о необходимости создания так называемого «антибольшевистского блока» явно позаимствованы у Риббентропа, стенограмма его выступлений в Фултоне и вышеупомянутая телеграмма это неоспоримо подтверждают.

Далее были план «Дропшот», директивы СНБ-58, СНБ-68, карибский кризис, «звездные войны» и еще многое другое, что вошло в сорокапятилетнюю историю холодной войны. По сведениям американского института Брукингса, за 38 послевоенных лет США 215 раз демонстрировали свою военную силу и в 19 случаях угрожали применением ядерного оружия. Не было уголка в мире, где бы не проявлялся особый интерес лидера Запада. Как, собственно, и ныне.

«Холодная война» США против СССР началась 18 августа 1948 г., когда Совет Национальной безопасности Соединенных Штатов принял директиву 20-1 «Цели США в войне против России» [7, с. 107]. Итак, каковы ее главные причины?

Представляется, что наиболее полно и предметно их определил выдающийся

российский историк Анатолий Уткин: «Холодная война родилась из противоречия, которое создатель Организации Объединенных Наций президент Рузвельт старательно стремился не замечать. С одной стороны, новая международная организация должна была идти по вильсоновскому пути и решать свои проблемы на “общем собрании”, на Генеральной Ассамблее. С другой стороны, основные проблемы мира обязаны были решать Великие Державы (Совет Безопасности ООН). Противостояние между двумя этими фактически противоположными подходами в ходе Второй мировой войны как бы камуфлировалось. Но с наступлением мира оно стало очевидным. Мощь, а не “коллективный разум”, стала основой решения спорных проблем, это и породило холодную войну» [8, с. 309]. Приход Михаила Горбачева к власти в СССР совпал с четвертым этапом информационно-психологической войны против Советского Союза.

Вызывает большой интерес книга воспоминаний Г. Арбатова, известного журналиста и ученого, бывшего личного советника Ю. Андропова, имевшего большое влияние и на Горбачева. В ней он признается, что еще во время поздней перестройки его интересовал вопрос, имелся ли у М.С. Горбачева заранее продуманный, так сказать, генеральный план радикальных перемен, или его политика была в основном импровизацией? Годы спустя, когда Горбачев уже не был руководителем страны, он признался: «Над несколькими важнейшими проблемами я думал давно и имел какой-то общий план, а во многом действительно ход событий подсказывал, что делать дальше». «У меня нет сомнений в том, что этот ответ был точен и правдив», – замечает Арбатов [9, с. 101]. Это только подтверждает, что противники СССР эффективно использовали систему рекомендаций и подсказок, чтобы воздействовать на лиц, принимавших решения. Агентура влияния формируется и таким образом. Поражение СССР в холодной войне стало возможным во многом потому, что правители советской страны потерпели поражение несколько раньше в своих головах. 15 февраля 1989 г. сменивший Рейгана президент Буш издал директиву № 3 «Обзор национальной безопасности». Анализ политики советского руководителя Горбачева занял тридцать одну страницу. Главное, что отметили американские аналитики – это то, что СССР вряд ли вернет былое влияние.

После так называемого «августовского путча» 1991 года спасти Советский Союз было нельзя. Главный же вывод из информационной войны того времени – некогда могущественная страна оказалась незащищенной и дезорганизованной. Беловежские соглашения, подписанные руководителями Российской Федерации, Украины и Беларуси 8 декабря 1991 г., оформили распад бывшей сверхдержавы на просторах Евразии.

Евразийская интеграция: будущее на уроках прошлого

Период 1991–1999 гг. для постсоветских республик фактически был временем политического транзита. В некоторых из них (например, в Украине) он продолжается, что и приводит ко все большему ослаблению национальных государственных институтов и экономическому падению.

В Республике Беларусь кризис власти был преодолен во второй половине 1990-х гг. Введение института президентства и референдумы позволили новой политической элите выстроить сильную властную вертикаль, взять курс на развитие социального государства, формирование белорусской экономической модели. Одним из важных внешнеполитических акцентов стало сближение с бывшими советскими республиками, в большей степени – с Российской Федерацией.

В ноябре 1995 г., выступая на республиканском совещании руководителей областных, районных и городских исполнительных комитетов, Александр Лукашенко привел экспертное мнение известного американского экономиста-аналитика Д. Хансена: за три года, с 1991 по 1994, Республика Беларусь практически утратила «репутацию

лучшего образца социалистической индустриализации. Тяжелейшие потрясения, связанные с потерей дешевых энергоносителей, традиционных рынков сбыта, поставили республику в тяжелейшее положение» [10, с. 7]. Еще ранее известный белорусский экономист-аналитик Лев Крюков в начале 1994 г. констатировал: «Суровая правда состоит в том, что сегодня Беларусь уже не располагает той экономической основой, которая необходима для самосодержания нации по нормам, скажем, того же 1990 г. Эффективное в целом хозяйство за три года стало убыточным» [11, с. 2].

Трезвая оценка создавшейся социально-экономической ситуации в стране и определила курс на интеграцию с Россией. Союзное государство Беларуси и России – наиболее продвинутый на постсоветском пространстве интеграционный проект, имеющий целью укрепление оборонного потенциала двух стран, расширение социальных гарантий для близких народов. Именно этот опыт во многом стал стимулом для появления идеи евразийской интеграции в рамках ЕАЭС. Примечательно, что одним из инициаторов создания нового межгосударственного образования является лидер Казахстана Нурсултан Назарбаев, в свое время отказавшийся от участия в демонтаже СССР.

В октябре 2011 г. претендент на пост № 1 в Российской Федерации В.В. Путин опубликовал в газете «Известия» программную статью, четко обозначив контуры Евразийского союза. Это открытый проект, к которому могут присоединиться другие партнеры, и «прежде всего страны Содружества» (СНГ – *А.Г.*) [12]. Президент Беларуси А.Г. Лукашенко в ответной статье дополнил коллегу, заметив, что «изложенная в статье стратегия интеграции адресована не только электорату и нам, соседям России, но и всем мировым центрам силы» [13].

Безусловно, создание Евразийского союза – это открытый вызов конкурирующим государствам, де-факто оформившим к концу прошлого столетия свой весомый статус в мире. Страны – участницы евразийского проекта имеют большие резервы для повышения экономической конкурентоспособности, значительно увеличивают оборонный потенциал, при этом возрастает и гарантированность их национальных государственных границ. То есть сложившийся в 90-х гг. прошлого столетия геополитический расклад рушится, отсюда и все более проявляющаяся нервозность во внешней политике западных стран. Несомненно, острый кризис в Украине для Запада стал катализатором широкомасштабного подавления интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Экономические санкции и информационная война – главные его составляющие.

Направленность подрывных экономических мероприятий отображена довольно ясно. Смысловое же содержание информационной войны заслуживает особого внимания. На сегодняшний день уже можно выделить несколько главных направлений информационных атак в отношении постсоветских государств, избравших стратегическим ориентиром евразийскую интеграцию.

Первое. Формирование чувства неприязни к идеям интеграции в Евразийском проекте у представителей политических элит, партий, движений, в целом среди населения в постсоветских странах.

Второе. Критика социально-экономических курсов в России, Беларуси и Казахстане, ставящая под сомнение сами основы евразийской интеграции.

Третье. Провоцирование раскола в группе стран – инициаторов создания Евразийского союза по социокультурным, конфессиональным признакам.

Четвертое. Внедрение в сознание людей представления о том, что участие в интеграционном проекте приведет к потере государственного суверенитета странами, вступающими в ЕАЭС, ввиду неизбежного доминирования в нем Российской Федерации [14, с. 121].

Мероприятия, направленные на манипулирование общественным сознанием в конкретной стране, особенно усиливаются в период проведения в ней важнейших политических кампаний. Важнейшим условием эффективности интеграционной политики является ясное определение того, как соотносятся «государственный суверенитет» – «интеграция с другими странами». Белорусский лидер А.Г. Лукашенко в упомянутой выше статье «О судьбах нашей интеграции» подчеркнул, что «краеугольный камень всего того, что мы собираемся построить, – суверенитет наших государств, который не отменяет даже самая тесная интеграция» [13]. Как следует из официальной внешнеполитической программы Республики Беларусь, участие в евразийском проекте не исключает ее тесных экономических, социокультурных связей с другими странами мира и, в особенности с ЕС. Объясняется это и тем, что многовекторность внешней экономической политики является необходимым условием укрепления государственного суверенитета.

Приметой современного развития Республики Беларусь стало ее стремление утвердиться в мировом сообществе и через активизацию связей с новыми индустриальными государствами «второго эшелона», которые стремятся усилить свою роль в глобальной политике.

Евразийский проект – один из главных шансов и для Российской Федерации. Практическая реализация продекларированных Кремлем интеграционных устремлений позволит стране избежать участи статиста в стратегической конкуренции ведущих мировых держав.

Заключение

Опыт развития постсоветских и граничащих с ними государств последних двадцати лет показывает, что интеграционный проект – ЕАЭС – может быть привлекательным для них только при наличии базовых составляющих: равноправие народов, содействие их культурному развитию, сохранение национальной государственности, глубокая экономическая интеграция и сильный оборонный потенциал.

Для Республики Беларусь участие в ЕАЭС представляется возможностью укрепления связей с традиционными экономическими партнерами, повышением национальной конкурентоспособности во всех регионах мира и в интеграционных образованиях (прежде всего в ЕС).

В своем исследовании национальных проблем О.Г. Буховец пришел к выводу, что и для представителей политической элиты и для большинства жителей страны «государственная независимость Республики Беларусь стала частным проявлением общей политической нормы для постсоветского, и вообще современного мира» [15, с. 246]. Заметим, что подобные настроения характерны для всех стран – участниц ЕАЭС. Поэтому создание Евразийского союза – это не «возврат к СССР», но новая форма отношений между традиционными партнерами, имеющими общее историческое прошлое.

Таким образом, основой тесного сотрудничества постсоветских стран в ЕАЭС может быть общее признание их национальных интересов. Российская Федерация является ядром интеграционного проекта, и в этом заложен большой потенциал для расширения Евразийского союза.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кауль, Т. От Сталина до Горбачева и далее / Т. Кауль. – М. : Прогресс, 1991. – 224 с.

2. Меньшиков, С. Анатомия российского капитализма [Электронный ресурс] / С. Меньшиков. – Режим доступа: <http://eknigi/raznoe/55484-anatomiya-rossijskogo-kapitaliz-ma.html>. – Дата доступа: 15.01.2016.
3. Воротников, В. Хроника абсурда / В. Воротников. – М. : Алгоритм, 2011. – 350 с.
4. Кара-Мурза, С. Советская цивилизация / С. Кара-Мурза. – Харьков : Книжный клуб, 2008. – 637 с.
5. Горбачев, М. Избранные речи и статьи / М. Горбачев. – М. : Политиздат, 1985. – 383 с.
6. Добрынин, А. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США [Электронный ресурс] / А. Добрынин. – Режим доступа: [http://e-libra.ru/read/335189-sugubo-doveritelno-\[posol-v-vashingtone-pri-shesti-prezidentah-ssha-1962-1986-gg\]](http://e-libra.ru/read/335189-sugubo-doveritelno-[posol-v-vashingtone-pri-shesti-prezidentah-ssha-1962-1986-gg]). – Дата доступа: 15.01.2016.
7. Окорочков, А. СССР против США. Психологическая война / А. Окорочков. – М. : Вече, 2011. – 317 с.
8. Уткин, А. Русские войны / А. Уткин. – М. : Алгоритм, 2008. – 532 с.
9. Арбатов, Г. Ястребы и голуби холодной войны / Г. Арбатов. – М. : Алгоритм, 2009. – 224 с.
10. О повышении эффективности работы исполнительных органов власти в Республике Беларусь. – Минск : Адм. Президента Респ. Беларусь, 1995. – С. 206.
11. Крюков, Л. «Сдача державы» или исторический маневр? / Л. Крюков // Белорусская думка. – 1994. – № 3. – С. 1–3.
12. Путин, В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается [Электронный ресурс] / В. Путин // Известия. – 2011. – 4 окт. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/502761>. – Дата доступа: 24.03.2015.
13. Лукашенко, А. О судьбах нашей интеграции [Электронный ресурс] / А. Лукашенко // Известия. – 2011. – 17 окт. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/504081>. – Дата доступа: 24.03.2015.
14. Гайшун, А. Евразийская интеграция: геополитические предпосылки и информационное подавление / А. Гайшун // Вестн. БГЭУ. – 2015. – № 4. – С. 119–124.
15. Буховец, О. Парадоксы национализма и национальные проблемы [Электронный ресурс] / О. Буховец // Россия в многообразии цивилизаций. – М., 2011. – С. 246–247. – Режим доступа: <https://www.ieras.ru/pub/monografii/Russia>. – Дата доступа: 05.02.2015.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 29.01.2016

Haishun A.N. From the Collapse of the Soviet Union to the EAEC: Integration Choice of Post-Soviet States

On the basis of analyzing the causes of the collapse of the Soviet Union the factors of integration of post-Soviet states in the Eurasian project are determined. It is emphasized that close cooperation in the post-Soviet countries in EAEC could be a general recognition of their national interests. One way to counter the Eurasian integration from competing states is information war.

УДК 911.3(476)

К.К. Красовский¹, В. Даугирдас²

¹д-р геогр. наук, проф., проф. каф. туризма и страноведения
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
²д-р, доц. каф. географии и территориального развития
Вильнюсского университета

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ СТРУКТУР БЕЛАРУСИ И ЛИТВЫ

На основе материалов переписи населения и текущей статистики проведен анализ динамики населения Беларуси и Литвы после Второй мировой войны. Выявлены особенности и тенденции рождаемости и смертности населения.

Введение

На современном этапе общественного развития большинство европейских стран сталкивается с проблемой депопуляции и старения населения. Не являются исключением Республика Беларусь и Литовская Республика, которые после распада Советского Союза в 1991 г. стали независимыми суверенными государствами. Усиление названных демографических проблем к концу XX в. представляет собой серьезную угрозу национальной безопасности Беларуси и Литвы, поскольку сказывается не только на общей численности населения как главнейшей ценности любого государства, но и ограничивает потенциал экономического роста за счет сокращения величины трудовых ресурсов. Однако демографические процессы имеют экономико-географическую специфику, которая выражается в разной степени как на субрегиональном уровне, так и на уровне отдельных стран.

Современная демографическая ситуация на территории двух соседних государств, как и в целом на европейском континенте, формировалась на протяжении длительного периода под влиянием сложного комплекса природных, исторических и социально-экономических факторов.

Цель и задачи исследования – выявить особенности и тенденции трансформации демографических структур Беларуси и Литвы во второй половине XX – начале XXI в., проанализировать динамику численности населения, показатели его естественного движения и миграционных процессов.

Анализ текущей статистики и материалов переписей населения Республики Беларусь и Литовской Республики свидетельствует о наличии общих тенденций в динамике численности населения двух рассматриваемых государств (таблица 1). В первые послевоенные годы и в Беларуси, и в Литве наблюдались самые высокие среднегодовые темпы прироста населения. За период 1950–1990 гг. численность населения Беларуси увеличилась с 7,7 до 10,2 млн человек, а Литвы – с 2,6 до 3,7 млн человек. Резко вырос за рассматриваемый период и уровень урбанизированности двух государств.

В 70-е гг. XX в. в обеих странах начался период классической урбанизации, когда масштабы миграции по направлению «село – город» были самыми интенсивными.

За период с 1950-ых по 1990-е гг. доля городского населения в Беларуси выросла с 21,0 до 66,0%, в Литве – с 28,3 до 67,6%. Как видно из приведенных данных, среднегодовые темпы прироста городского населения в Беларуси за указанный период были несколько выше, чем в Литве.

Таблица 1. – Динамика численности населения Беларуси и Литвы в 1950–2015 гг.

Годы	Беларусь		Литва	
	Все население, тыс. чел.	Доля городского населения, %	Все население, тыс. чел.	Доля городского населения, %
1950	7 709,0	21,0	2 573,4	28,3
1960	8 198,7	30,8	2 711,0	39,5
1970	9 002,3	43,4	3 118,9	49,6
1980	9 643,5	56,5	3 391,5	61,2
1990	10 188,9	66,0	3 693,7	67,6
2000	10 019,5	69,7	3 512,1	67,0
2010	9 481,2	74,5	3 329,0	66,8
2011	9 473	75,1	3 052,6	66,7
2012	9 463,4	75,5	3 003,7	66,6
2013	9 468,1	75,9	2 971,9	66,7
2014	9 470,5	76,3	2 943,4	66,5
2015	9 481,5	77,1	2 921,9	66,6

Однако совпавшие по времени трансформационные процессы к концу XX в. резко изменили существовавшие до распада СССР тенденции в демографическом развитии двух соседних государств. В начале 90-х годов прошлого века резко снизились среднегодовые темпы прироста населения двух стран, а с 1992 г. в Литве и с 1994 в Беларуси начался процесс депопуляции населения. К 2015 г. число жителей Литвы сократилось с 3,7 до 2,9 млн человек, а Беларуси – с 10,2 до 9,5. В целом население и одной, и другой страны уменьшилось на одну и ту же величину (почти на 800 млн человек), однако демографический потенциал Беларуси в преддверии депопуляции превышал число жителей Литвы почти в 3 раза. То есть на одну тысячу жителей демографические потери Литвы за этот период были в 3 раза больше, чем в Беларуси.

Накануне распада Советского Союза уровень урбанизированности территории в Беларуси и Литве был практически одинаковый, но в период суверенитета тенденции роста городского населения изменились. В Беларуси по-прежнему доля городского населения увеличивалась, хотя темпы его роста снижались. За период 1990–2014 гг. уровень урбанизации республики вырос на 10% и по данным текущей статистики в 2014 г. составил 76,3%. В Литве в это время темпы роста городского населения приостановились, а уровень урбанизации даже снизился с 67,6 до 66,5%. Причиной этому является массовая эмиграция населения из Литвы после получения независимости, характерная в первую очередь для городского населения. Таким образом, за послевоенный период темпы роста урбанизации в Беларуси были значительно выше, чем в Литве, в результате чего Беларусь не только догнала Литву по уровню урбанизированности, но и превысила ее по данному показателю.

Причина существующих различий в динамике численности населения в конце XX – начале XXI в. заключается в том, что в Литве депопуляция в этот период происходила за счет как естественной убыли населения, так и механической. В Беларуси же все эти годы наблюдалась только естественная убыль населения, а сальдо миграции было положительным и в значительной степени компенсировало отрицательный баланс между показателями рождаемости и смертности. В последние два года эта особенность динамики населения Беларуси за счет естественного и механического прироста привела даже к незначительному увеличению числа жителей страны. Положительное сальдо миграции в 2013 и 2014 гг. не только компенсировало отрицательный естественный прирост, но даже превысило его показатели на несколько тысяч человек. Таким образом,

если в Литовской Республике продолжается и естественная, и миграционная депопуляция, то в Республике Беларусь – только естественная.

В общей убыли населения Литвы 60% приходится на механическую убыль и только 40% на естественную. По сравнению с переписью населения 1989 г. в 2001 г. численность населения Литвы уменьшилась почти на 200 тыс. человек (5%). За эти годы естественный прирост был еще положительным и составил 30,7 тысяч человек, иммиграция составила 72,2 тыс. человек, эмиграция – 296,7 тыс. В последний межпереписной период (2001–2011 гг.) число жителей Литвы сократилось еще на 430,2 тыс. человек (12%), причем была уже и естественная (–101,9 тыс.), и механическая убыль (–328,3 тыс.). Таким образом, эмиграция в стране резко возросла как после распада Советского союза, так и после вступления Литвы в 2004 г. в Европейский Союз. Ежегодно страну покидают в среднем около 30 тыс. человек, причем 50% эмигрантов составляют люди в возрасте от 20 до 29 лет, а 20% – это молодежь 20–24 лет. В целом за период 2000–2013 гг. в Литве наблюдались самые высокие темпы снижения демографического потенциала в Европе. Согласно социологическим опросам, из Литвы хотели бы уехать 20% респондентов, а среди опрошенных эмигрантов 30% не хотят возвращаться на Родину.

Проводимые ранее нами исследования свидетельствуют, что население Беларуси имеет довольно стабильные миграционные связи не только внутри страны, но и с республиками бывшего Советского Союза, с другими странами мира. Городское население Беларуси растет за счет миграции населения из сельской местности, из городов (кроме городов России) и сельской местности других государств бывшего СССР. Теряет население Беларусь в основном за счет эмиграции за пределы бывшего СССР. Причем практически весь объем эмиграции из страны осуществляется за счет городского населения. Особенно резко возрос объем эмиграции городского населения Беларуси за пределы бывшего СССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг., и связан он был с резко изменившейся политической, экономической и социальной ситуацией в стране. Данные об эмиграции жителей Беларуси в отдельные страны в 1990–2000 гг. представлены в таблице 2.

Таблица 2. – Число граждан Республики Беларусь, получивших разрешение на выезд за границу на постоянное место жительства по отдельным странам

Год	Всего получили разрешение	Из них в:					
		Израиль	США	Германия	Австралия	Польша	Канада
1990	34 094	33 085	508	95	62	66	157
1991	22 017	15 146	6 191	208	132	116	89
1992	9 727	3 157	5 590	370	231	152	97
1993	6 901	2 431	3 627	464	57	101	29
1994	6 950	2 952	2 826	398	94	99	76
1995	8 780	3 705	2 169	552	61	147	37
1996	8 917	3 324	1 912	518	68	206	49
1997	8 891	2 838	1 697	641	35	210	85
1998	9 214	2 182	1 587	579	33	173	103
1999	9 581	2 803	1 451	744	8	74	83
2000	10 674	2 517	1 606	811	19	54	87

Как видно из представленных данных, наибольшее число выехавших за пределы Беларуси в последнее десятилетие XX в. наблюдалось в 1990 и 1991 гг. Это было связано с либерализацией жизни в стране и принятием ряда законов, способствующих упрощенной процедуре для желающих покинуть страну. В 1992–1997 гг. число желающих выехать в другие страны вследствие многих причин (прежде всего, из-за иммиграционной политики потенциальных стран эмиграции из Беларуси) несколько стабилизирова-

лось. Однако в последние годы XX столетия опять наблюдался незначительный рост числа получивших разрешение на выезд за границу на постоянное место жительства, что можно объяснить дальнейшим снижением в этот период уровня жизни жителей Беларуси. Среди эмигрантов лица еврейской национальности составляли менее 25%, а в 1990-м г. их доля превышала 95 %, зато выросло количество эмигрантов в США и Германию. Кроме этих двух стран и Израиля наибольшее число жителей Беларуси выезжало на постоянное место жительства в Канаду, Польшу и Австралию. Как правило, это была высококвалифицированная рабочая сила («утечке умов»). Следует отметить, что в результате этого вида миграции на территории Беларуси наблюдалось отрицательное сальдо миграции на протяжении всего анализируемого периода [1].

Миграционный прирост в Республике Беларусь в 2000–2009 гг. составил 66,7 тыс. человек, что значительно больше, чем в предыдущий период. При этом следует отметить, что положительное сальдо миграции в стране наблюдалось исключительно за счет городских жителей и составило 219,9 тыс. человек. Сельская местность также теряла свое население: миграционная убыль сельского населения составила 153,2 тыс. человек. Положительное сальдо внешней миграции в стране за анализируемый период было достигнуто за счет стран СНГ и Балтии (86,7 тыс. человек); в обмене населением с другими странами мира Беларусь по-прежнему его теряла (20,0 тыс. человек).

На протяжении длительного исторического периода естественное движение вместе с миграцией являлись основными источниками роста численности населения Беларуси и Литвы. Естественное движение населения является итогом взаимодействия двух составляющих его процессов – рождаемости и смертности. Основное влияние на динамику естественного движения населения двух стран во второй половине XX в. оказала рождаемость. На протяжении последних 40 лет XX в. в Беларуси ее общий коэффициент снизился с 23,9‰ в 1960 г. до 9,4‰ в 2000 г., т.е. более чем в 2 раза. В Литовской Республике уровень рождаемости за этот же период уменьшился с 22,5 ‰ до 9,8 ‰, т.е. практически на одну и ту же величину (таблица 3).

Таблица 3. – Динамика общего коэффициента рождаемости в Республике Беларусь и Литовской Республике, ‰

Год	1960	1970	1980	1990	2000	2010	2011	2012	2013
Беларусь	23,9	16,3	16,2	13,9	9,4	11,4	11,5	12,2	12,5
Литва	22,5	17,7	15,2	15,4	9,8	9,9	10,0	10,2	10,1

Динамика рождаемости в Беларуси и Литве в рассматриваемый период имела общие тенденции, хотя происходила далеко не равномерно, так как изменение общего коэффициента рождаемости прерывалось частыми падениями и подъемами, вызванными крупными социально-экономическими процессами, происходящими в странах. Анализируя данные статистики, динамику общего коэффициента рождаемости на территории Беларуси и Литвы в период 1960–2013 гг. можно разделить на 4 этапа. Первый этап (1960–1970 гг.) – резкое снижение уровня рождаемости; второй этап (1970–1990 гг.) – стабилизация и незначительное снижение общего коэффициента рождаемости; третий этап (1990–2000 гг.) – второе резкое снижение уровня рождаемости; четвертый этап (2000–2013 гг.) – незначительный рост показателей рождаемости. Таким образом, тенденция к снижению общего коэффициента рождаемости в послевоенный период была характерна для населения и Беларуси, и Литвы, что связано с влиянием как демографических, так и социально-экономических и психологических факторов. Но главную роль играли факторы, связанные с переориентацией ценностей населения.

Незначительный рост показателей рождаемости в начале XXI в. в Беларуси и Литве был связан как с влиянием демографических волн, так и с проводимыми на государ-

ственном уровне мероприятиями демографической политики. Рост рождаемости, проявившийся в первое десятилетие XXI в., продолжается и в настоящее время: только с 2010 по 2013 г. общий коэффициент рождаемости в Беларуси вырос с 11,4 до 12,5‰, а в Литве – с 9,9 до 10,1‰.

Наибольшими показателями рождаемости в настоящее время отличается возрастная группа от 20 до 24 лет. Этот факт означает, что идет постоянный рост доли детей, рожденных женщинами 20–24 лет от общего числа родившихся детей. Далее по удельному весу рожденных детей находятся женщины от 25 до 29 лет. В 1950–60-е гг. эта возрастная группа женщин являлась наиболее рождающим контингентом. Это связано с трансформацией семейного состава населения Беларуси, в структуре которого раньше доминировали семьи с двумя детьми, а в настоящее время значительно больше семей, воспитывающих только одного ребенка. Этот вывод подтверждает и суммарный коэффициент рождаемости, который характеризует количество рожденных детей одной женщиной за всю жизнь. За весь послевоенный период данный показатель снизился почти в два раза и в настоящее время составляет 1,7 в Беларуси и 1,5 в Литве.

Таким образом, анализ показателей рождаемости в Беларуси и Литве за послевоенный период свидетельствует о демографическом переходе вначале от высокого к среднему, а впоследствии – и к низкому уровню рождаемости. Это является продолжением эволюции демографических процессов к новому типу воспроизводства населения. Однако если во многих европейских странах этот переход осуществлялся на протяжении практически всей второй половины XX в., то в Беларуси и Литве он произошел в течение нескольких лет.

Другим показателем естественного движения населения является смертность, определяемая как процесс вымирания поколения [2, с. 409]. Динамика общего коэффициента смертности на территории Беларуси и Литвы после Второй мировой войны была достаточно противоречивой (таблица 4).

Таблица 4. – Динамика общего коэффициента смертности в Республике Беларусь и Литовской Республике, ‰

Год	1960	1970	1980	1990	2000	2010	2011	2012	2013
Беларусь	9,9	9,0	9,9	10,7	13,5	14,4	14,3	13,4	13,2
Литва	7,8	8,9	10,5	10,8	11,1	13,6	13,6	13,7	14,0

Более детальный анализ показателей смертности в Беларуси и Литве позволяет сделать следующие выводы:

1. На территории обоих государств в анализируемый период общий коэффициент смертности имел тенденцию к росту: в Беларуси за 1960–2013 гг. он вырос с 9,9 до 13,2 ‰, в Литве – с 7,8 до 14,0‰.

2. Темпы роста показателей смертности в Литве были более высокими по сравнению с Беларусью.

3. В 60-е гг. XX в. уровень смертности в Беларуси был значительно выше, чем в Литве, что, вероятно, было связано с более высокой долей сельского населения Беларуси, смертность среди которого всегда была выше.

4. По мере выравнивания уровней урбанизированности показатели смертности к 1990 г. сравнялись, хотя в Беларуси с 1990 по 2000 г. произошел резкий рост смертности (в дальнейшем ее показатели стабилизировались на уровне 13–14‰).

5. Аналогичные показатели смертности в настоящее время характеризуют и демографическую ситуацию в Литве.

Проявившаяся на всем этапе тенденция роста смертности в Беларуси и Литве связана в первую очередь со сдвигами в возрастной структуре населения, а в конце XX в.

в значительной мере была обусловлена последствиями аварии на Чернобыльской АЭС и резким снижением уровня жизни населения вследствие экономического кризиса.

Разный уровень смертности городского и сельского населения влияет на возрастную структуру населения. Так, если в 1950 г. общий коэффициент смертности в городских и сельских поселениях Беларуси и Литвы был почти на одном уровне, то к 2010 г. вследствие резкого постарения сельского населения уровень его смертности превысил соответствующий показатель в городах почти в два раза. Однако не только старением объясняется рост смертности населения на территории Республики Беларусь и Литовской Республики. Свидетельство тому – анализ общего коэффициента смертности, который, как и общий коэффициент рождаемости, является не совсем репрезентативным. На протяжении послевоенного периода значительно увеличились и половозрастные показатели смертности. Статистические данные свидетельствуют, что интенсивность смертности изменяется в зависимости от возраста и пола. Наиболее высокие ее показатели характерны для детей до 5 лет, затем смертность снижается, достигая минимума в возрастной группе от 10 до 14 лет. Начиная с 15-летнего возраста смертность вновь увеличивается, достигая своих максимальных показателей у людей старше 60 лет. Отличительной особенностью половозрастных коэффициентов смертности является их значительный перевес у мужского населения, причем во всех возрастных группах.

Одним из наиболее чувствительных показателей качества жизни населения, его социально-бытовых условий, уровня развития медицины является детская смертность. Ее в некоторой степени можно назвать «барометром благосостояния». Как показывают материалы текущей статистики, и в Беларуси, и в Литве коэффициент детской смертности за послевоенный период снизился почти в 10 раз (таблица 5).

Таблица 5. – Динамика младенческой смертности в Республике Беларусь и Литовской Республике, ‰

Год	1960	1970	1980	1990	2000	2010	2013
Беларусь	34,9	18,8	16,3	11,9	9,3	4,0	3,3
Литва	38,0	19,3	14,5	10,2	8,6	4,3	3,9

Рост общей смертности в Республике Беларусь и Литовской Республике в конце XX в. привел к значительному снижению одного из основных показателей уровня жизни населения – средней продолжительности жизни. Самая высокая продолжительность жизни населения и в Беларуси, и в Литве была отмечена в 1970-е гг. и составляла более 70 лет. После этого периода началось ее снижение, и только в конце XX в. продолжительность жизни превысила рубеж в 70 лет и в настоящее время в Беларуси составляет 72 года, в Литве – 74 года.

Еще одной отличительной особенностью ожидаемой средней продолжительности жизни населения Беларуси и Литвы является наличие существенных ее отличий у мужского и женского населения.

В результате длительной эволюции показателей рождаемости и смертности и их перекрестного влияния друг на друга формировался определенный уровень естественного прироста. В целом на протяжении всего послевоенного периода прослеживалась тенденция к его снижению, хотя практически до 1990 г. в Беларуси и Литве наблюдалось расширенное воспроизводство населения. В 1990-е гг. произошел демографический переход от расширенного типа воспроизводства населения к простому. В сельской местности Беларуси и Литвы естественная убыль населения наблюдается еще с 1970-х гг.

Заклучение

Ретроспективный анализ естественного движения населения Республики Беларусь и Литовской Республики показал, что в странах в течение 25 последних лет произошел демографический переход от расширенного к простому, а затем и суженному типу воспроизводства населения. Для него характерна низкая рождаемость, явившаяся результатом влияния как демографических, так и социально-экономических факторов, и относительно низкие показатели смертности с проявлявшейся на определенных этапах тенденцией к их увеличению.

Структурно-демографические и социально-экономические факторы и в дальнейшем будут определять показатели естественного движения в республиках. Наряду с факторами, ведущими к снижению рождаемости, будут действовать и факторы, ее стимулирующие. В частности, постепенно сглаживаются существующие половые диспропорции населения, увеличивается доля замужних женщин фертильного возраста. Поэтому некоторое увеличение рождаемости в последние годы связано с тем, что в возрасте наибольшей плодовитости находятся женщины, родившиеся в 1980-х гг., когда рождаемость в странах была наиболее высокой по сравнению с предыдущим и последующим периодами. Эта особенность возрастной структуры населения, вызванная демографической волной, и привела к совсем незначительному увеличению в последние годы общего коэффициента рождаемости. Однако маловероятно, что данное повышение рождаемости, вызванное структурными сдвигами, сможет продолжаться длительное время. Уже через несколько лет в активный детородный возраст начнет вступать поколение, рожденное в период системной трансформации, когда показатели рождаемости резко снизились. Ведь главная роль в современных условиях принадлежит психологии людей, выраженной в демографических установках на внутрисемейное регулирование рождаемости. А на формировании психологической установки уже более 20 лет сказывается неблагоприятная экологическая ситуация, а также, в связи с кризисом в экономике, неуверенность большинства населения в завтрашнем дне. Проводившаяся до настоящего времени демографическая политика по стимулированию рождаемости заключалась в основном в предоставлении льгот семьям, имеющим детей. Но льготы не стимул рождаемости, а выравнивание уровня жизни. Политика должна быть направлена на помощь семьям в удовлетворении их потребностей, на сокращение разрыва между тем числом детей, которое родители собираются иметь в данных социально-экономических условиях, и тем, которое они хотели бы иметь в благоприятной во всех отношениях ситуации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Красовский, К. К. Урбанизация в Беларуси: экономико-географический анализ : монография / К. К. Красовский ; Белорус. гос. ун-т ; Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Брест : Изд-во БрГУ, 2004. – 203 с.
2. Демографический энциклопедический словарь. – М. : Совет. Энцикл., 1985. – 608 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 29.02.2016

Krasovski K.K., Daugirdas V. Transformation of Demographic Structures of Belarus and Lithuania

On the basis of the census and current statistics the analysis of population dynamics in Belarus and Lithuania in the aftermath of World War II is given. Characteristics and trends of birthrate and mortality in the region are revealed.

УДК 317

С.Т. Кавецкий*канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВЕКОВ**

В статье раскрываются демографические проблемы белорусского общества на рубеже веков. Анализируются негативные тенденции, связанные с увеличением смертности и снижением рождаемости. Исследуются результаты переписи в Республике Беларусь. Подчеркивается важность «Закона о демографической безопасности» и его значение для повышения позитивного демографического потенциала Беларуси.

Демографический и социально-экономический потенциал каждого народа и этноса, как известно, обладает большой устойчивостью, огромным запасом прочности, надежной системой природных и социальных механизмов защиты, обеспечивающих его воспроизводственную безопасность. Поэтому возникающие в процессе развития негативные тенденции и явления, даже если они имеют долговременный характер, в стабильно развивающемся обществе не вызывают чрезмерных опасений и обычно успешно преодолеваются. Однако тревожная для мирного времени ситуация, которая возникла в 90-х гг. XX в. и наблюдается в настоящее время (возрастание и без того чрезмерной смертности в слоях трудоспособного населения, оказавшихся за чертой бедности, демографическая и социальная деградация этих слоев, утрата ими квалификационных характеристик социального, физического и психического здоровья), вызывает серьезное опасение. По существу эту ситуацию можно охарактеризовать как демографический кризис.

«Кризис воспроизводства населения есть результат такого изменения общественной жизни и прежде всего системы общественного производства, когда нарушается согласованное функционирование и развитие его компонент, сфер, сегментов, а следовательно, нарушается механизм демовоспроизводственного процесса, теряется системное свойство социального организма – способность к самовоспроизведению субъекта общественной жизни в необходимом количестве при более высоком качестве. Таким образом, демографический кризис – это неблагоприятные изменения не только в количественном, но и в качественном составе» [2, с. 408].

При этом необходимо учитывать демографическую ситуацию в республике, сложившуюся в 60–90-е гг. прошлого столетия. Период 1960–80-х гг. для Беларуси был временем ее социально-экономического и культурного расцвета, а по индексу человеческого развития она входила в число развитых стран мира. «Беларусь, несмотря на демографические деформации, детерминированные внешними и внутренними причинами, в демографическом отношении сравнительно со странами Центральной и Восточной Европы и странами Балтии к началу 1990-х годов имела:

- современную возрастную структуру, близкую к развитым странам;
- современную (хотя и деформированную по ряду параметров и причин) структуру заболеваемости и смертности;
- современную структуру демовоспроизводства и демографического поведения населения;
- современный уровень урбанизации;
- современный уровень грамотности и охвата населения средним и высшим образованием;

- современный уровень продолжительности жизни;
- современные социальные службы и институты, которые обеспечивали поддержание систем жизнедеятельности в указанных направлениях;
- современный уровень питания;
- сбалансированную по развитию территорию в направлении Юг – Север – Восток–Запад по урбанизации, образованию, делопроизводству, показателям здоровья и продолжительности жизни, по демографическому поведению и установкам» [2, с. 405–406].

Тем не менее в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. нарастание негативных тенденций неизбежно вело к системному отставанию от развитых стран мира в социальной, экономической и технологической сферах, в том числе и в демографической.

Однако у стран, входивших в состав Советского Союза, был шанс в условиях его трансформации по крайней мере не отстать от стран Запада и хотя бы на некоторых существенных направлениях вступить в постиндустриальную эпоху.

«Вместе с тем тенденция в области здоровья и продолжительности жизни населения (показатели в 1970–1980-х годах не улучшались, тогда как в странах Запада они существенно возросли):

- наблюдался разрыв в ожидаемой продолжительности жизни и смертности городского и сельского населения;

- деформация половозрастной структуры сельского и городского населения, что в совокупности с чрезмерной сельской миграцией вело к накоплению депопуляционных явлений в сельской местности и неумению сельского социума (на многих территориях) приспособиться к современным способам ведения сельского хозяйства и создания современной социальной и экономической инфраструктуры;

- отсутствие научно выверенной стратегии в области образования привело к отставанию бывшего Союза, включая и Беларусь, от Запада в сфере высшего образования и возникновению деформаций в соотношении общего среднего и профессионально-технического образования;

- имевший место разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин (вдвое превышавший аналогичный показатель в западных странах) не сокращался, а увеличивался из-за сокращения (хотя и медленного) продолжительности жизни у мужчин;

- беспрецедентное в сравнении с развитыми странами превышение мужской смертности над женской в трудоспособных возрастных группах. В некоторых из них показатели смертности у мужчин были выше, чем у женщин, в 3 раза и более, причем сменилась лишь причина дисбаланса женского и мужского населения в трудоспособных и репродуктивных возрастах: раньше это была война, а в 1970–1980-е годы сверхсмертность мужчин была вызвана другой детерминацией;

- отсутствие научно выверенной социальной политики, направленной на повышение качества жизни во всех сферах, но сохранившей изжившие себя жесткие социальные запреты, вело к нарастанию в обществе протестных настроений, приобретающих форму уродливого асоциального и девиантного поведения, а со стороны государства стимулировало не менее уродливые формы силового подавления и неоправданное по масштабам разрастание репрессивных структур» [2, с. 406–407].

Таким образом, беспрецедентная для мирного времени демографическая ситуация, которая возникла в конце 1980-х – начале 1990-х гг. и получила уродливое продолжение в социумах стран СНГ в настоящее время, вызывает серьезную тревогу. В полной мере это относится и к Республике Беларусь, все сферы демографической жизнедеятельности которой находятся в тяжелейшем кризисе. Кризис имеет системный характер и охватил всю демовоспроизводственную сферу.

В последние годы демографическая проблематика оказалась в эпицентре общественного внимания и обсуждения на различных уровнях: в органах государственного уп-

равления, в научных дискуссиях, в средствах массовой информации. Оснований для беспокойства по поводу будущего белорусского этноса более чем достаточно. В XX в. Беларусь (так же как и Россия, и Украина) пережила три демографические катастрофы, каждая длительностью в 7–9 лет:

- 1) 1915–1922 гг. – Первая мировая и Гражданская войны;
- 2) 1930–1936 гг. – коллективизация;
- 3) 1941–1948 гг. – Великая Отечественная война и разруха.

С середины 1990-х гг. явно проявились признаки четвертой такой катастрофы, которая оказалась более растянутой по времени, но не менее разрушительной по своим социальным последствиям, чем предыдущие, и перешла в XXI в. Если численность населения Республики Беларусь по переписи 1999 г. составила 10 млн 45 тыс. человек, то за десять лет между переписями она уменьшилось на 541 тыс. человек, или на 5,4%. В городской местности проживало 7 млн 65 тыс. человек, в сельской – 2 млн 440 тыс. человек. Увеличение городского населения произошло за счет сельского. В Брестской области проживало 1 млн 401 тыс. человек [1] (таблица).

Таблица. – Изменение численности населения Республики Беларусь, областей и г. Минска

Регионы	Численность населения, тыс. человек					Численность населения в 1999–2009 гг.: прирост (+), уменьшение (–)
	Год					
	1959	1979	1989	1999	2009	
Брестская	1 177	1 358	1 449	1 485	1 401	–84
Витебская	1 273	1 385	1 410	1 377	1 231	–146
Гомельская	1 359	1 595	1 668	1 545	1 441	–104
Гродненская	1 074	1 127	1 163	1 185	1 072	–146
Минская	1 465	1 547	1 575	1 559	1 423	–136
Могилевская	1 176	1 247	1 280	1 214	1 099	–115
г. Минск	508	1 273	1 607	1 680	1 837	+157
Республика Беларусь	8 032	9 532	10 152	10 045	9 504	–546

На нынешнюю структуру населения Республики Беларусь по возрасту и полу оказали существенное влияние не только события последних 10 лет, но и все социально-политические, экономические события и войны прошлого столетия, Чернобыльская экологическая катастрофа 1986 г. и вызванные ими изменения в потоках миграции и распределении населения на городское и сельское в уровне и структуре занятости мужчин и женщин, в уровне рождаемости.

Численность населения в послевоенное время постоянно увеличивалась до 1994 г. Однако темпы прироста с начала 1970-х гг. начали постепенно снижаться. В период между переписями населения 1989 и 2009 гг. численность населения уменьшилась на 653 тыс. человек, что вызвано естественной убылью населения (превышением числа умерших над числом родившихся), объем которого увеличивается и не компенсируется его миграционным приростом.

Резкое ухудшение демографической ситуации отмечается с начала 1993 г. Именно с этого времени начала проявляться демографическая реакция населения на кризис в экономике и снижение уровня жизни. Эта реакция выражается в росте смертности, в сокращении рождаемости и средней продолжительности жизни, в существенных изменениях в области формирования и стабильности семьи. После переписи процесс депопуляции в стране, начавшийся в 1993 г., продолжался.

С 1993 г. смертность в стране превышает рождаемость: 1993 г. – на 11 тыс. человек; 1994 г. – на 19 тыс.; 1995 г. – на 30 тыс.; 1996 г. – на 46 тыс.; 1997 г. – на 78 тыс.;

2000 г. – на 41 тыс.; 2001 г. – на 31,5 тыс.; 2002 г. – на 57,9 тыс.; 2003 г. – на 54,7 тыс.; 2004 г. – на 51,1 тыс.; 2005 г. – на 51,4 тыс.; 2006 г. – на 41,7 тыс.; 2007 г. – на 24 тыс.; 2008 г. – на 18 тыс. Как свидетельствует перепись, численность населения Беларуси в 2009 г. составила 9 504 тыс. человек, а по классификации экспертов ООН нация, насчитывающая менее 10 млн, обречена на переход в разряд малочисленных вымирающих народов. Процесс сокращения населения продолжается; на 01.09.2010 его численность составляла 9 466,6 тыс. человек [3, с. 31].

В связи с этим в стране принимаются конкретные меры, направленные на предотвращение демографических угроз. В первую очередь это:

1) мониторинг угроз демографической безопасности и прогнозирование факторов, определяющих эти угрозы;

2) определение прогнозных значений социально-экономического развития, влияющих на демографическую безопасность;

3) подготовка комплексных государственных мер по обеспечению демографической безопасности путем разработки и реализации демографических программ и прогнозов на кратко-, средне- и долгосрочную перспективу.

При этом основными показателями демографической безопасности, по нашему мнению, должны стать:

1) стабилизация роста смертности на уровне 13,5–14% в ближайшие годы и снижение этого показателя в долгосрочной перспективе;

2) дальнейшее снижение детской смертности (детей до года) до уровня, сложившегося в развитых странах (4–5%); проведение мероприятий по выживанию детей, снижение материнской смертности;

3) удержание продолжительности жизни на уровне 69–70 лет в ближайшей перспективе и увеличение этого показателя до прогнозных значений развитых стран (74–75 лет) в более отдаленной перспективе.

Следует учитывать, что даже при стечении очень благоприятных обстоятельств и эффективности мер демографической политики, направленной на рост рождаемости и сокращение смертности, естественный прирост будет минусовым. Хотя в случае высокой эффективности мер демографической политики население будет убывать за счет естественного движения несколько медленнее. Сложившаяся к настоящему времени структура населения и параметры его воспроизводства будут и в дальнейшем обуславливать депопуляцию в стране, и численность населения будет уменьшаться еще длительное время, особенно активно во втором десятилетии XXI в.

Все это позволяет оценить современную демографическую ситуацию в стране как кризисную, чрезвычайно опасную, представляющую угрозу национальной безопасности страны. Следует отметить усиление внимания правительства Беларуси в демографической политике в контексте экономического роста и устойчивости развития. Так, Республика Беларусь – практически единственная среди республик бывшего СССР, где был принят Закон о демографической безопасности на 2006–2010 гг., который получил продолжение на последующие периоды. При этом следует подчеркнуть, что в 2015 г. впервые был отмечен прирост населения, но в большей степени это произошло за счет беженцев с Украины. На 01.01.2016 г. население Республики Беларусь составляло 9 млн 489 тыс. человек и увеличилось по сравнению с 2014 г. на более чем 17 тыс.

Преодоление негативных демографических тенденций – длительный и сложный процесс. Его цель состоит в повышении качества населения, сохранении его жизненного и трудового потенциала. При этом важным является приспособление демографической политики к рыночным отношениям. Аномическое состояние демографической структуры белорусского общества, связанное в первую очередь с превышением смертности над рождаемостью, снижением продолжительности жизни населения и другими

факторами, в конце XX и начале XXI в. требует постоянного анализа и мониторинга. В силу исторической длительности решения проблемы демографического кризиса сегодня на первый план выходят вопросы решения качественных параметров демографического потенциала.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Данные переписи Республики Беларусь 2009 г. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by>.
2. Никитенко, П. Г. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития / П. Г. Никитенко. – Минск : Белорус. наука, 2006. – 479 с.
3. Кавецкий, С. Т. Брестский социологический барометр / С. Т. Кавецкий. – Брест : Академия, 2005. – 88 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 29.02.2016

Kavetski S.T. Specifics of the Developments in Demographic Processes of the Republic of Belarus in Late XX – Early XXI Centuries

The article describes the demographic challenges faced by the Belarusian society at the turn of the centuries. It provides analysis of the negative trends associated with the increase in death rate and a drop in births. Results of the census conducted in the Republic of Belarus are discussed. The importance of the Demographic Security Act is emphasized as well as its significance for the improvement of the Belarusian demographic potential.

УДК 911.3 (476)

С.В. Корженевич*канд. геогр. наук, преподаватель Пинского колледжа**Учреждения образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»***ПРИПЯТСКОЕ ПОЛЕСЬЕ В СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ**

Комплексное изучение регионов страны, разработка и реализация программ их социально-демографического развития относится к числу приоритетных задач науки. Одним из таких регионов является Припятское Полесье. В статье даётся характеристика особенностям демографического развития региона: динамике численности населения, показателям рождаемости и смертности, соотношению городского и сельского населения. Проанализированы социально-экономические параметры развития административных районов Припятского Полесья: структура трудовых ресурсов, показатели безработицы, преступности, медицинского обеспечения и др. Предложенные пути инновационного развития региона будут способствовать более аргументированной социальной политике в Припятском Полесье, осуществлению мер по оптимизации демографической ситуации.

Введение

Проект Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2030 г. предполагает равновесное развитие каждого региона с учетом эффективного использования его ресурсного потенциала и конкурентных преимуществ в интересах обеспечения высоких стандартов жизни населения и их позитивного вклада в национальную конкурентоспособность и безопасность. В этой связи комплексное изучение регионов страны, разработка и реализация программ их социально-экономического развития относится к числу приоритетных задач науки в стране. Одним из своеобразных регионов Беларуси является Припятское Полесье: его геологическое строение, рельеф, климат, почвенный покров, гидрология, другие компоненты природной среды имеют значительные отличия по сравнению с другими территориями. В Государственной программе социально-экономического развития и комплексного использования природных ресурсов Припятского Полесья на 2010–2015 гг. к региону относят три района Брестской области (Пинский, Столинский, Лунинецкий), четыре района Гомельской области (Житковичский, Петриковский, Мозырский, Наровлянский) [1].

Потенциал любого государства определяют не только экономическая ситуация, производственные возможности, технологии и инфраструктура, но и состояние и динамика народонаселения, его количественные и качественные характеристики. Изучение социально-демографических особенностей Припятского Полесья будет способствовать более аргументированному ведению хозяйственной деятельности и осуществлению мер демографической и социальной политики государства в регионе.

Результаты исследований и их обсуждение

Численность населения Припятского Полесья на 1 января 2015 г. составила 536,7 тыс. человек. По сравнению с аналогичным периодом предыдущего года она сократилась на 1,9 тыс. человек. В целом с начала 1990-х гг. в регионе наблюдается постоянная тенденция к его уменьшению, причинами которого является депопуляция населения и отрицательное сальдо миграции. Однако в последние годы наблюдается тенденция к уменьшению темпов падения численности населения, что прежде всего связано с эффектом демографических волн, результатами социальной политики государства, изменениями в миграционных процессах.

Сеть поселений региона объединяет 13 городских и 749 сельских населенных пунктов. При этом расселение в Припятском Полесье отличается значительной неоднородностью. В двух городах (Пинск и Мозырь) сосредоточено 250,0 тыс. человек,

что составляет 46,6% населения региона. В остальных 11 городских поселениях проживает 104,1 тыс. чел. (19,4%). Таким образом, показатель урбанизации Припятского Полесья составляет 66,0%, что ниже республиканских показателей примерно на 11%.

Таблица 1. – Динамика численности населения Припятского Полесья

Год	Численность населения, тыс. человек			%	
	Всего	Городское	Сельское		
				Городское	Сельское
1989	609,5	328,6	280,9	53,9	46,1
1999	598,8	349,2	249,6	58,3	41,7
2009	553,1	342,2	210,9	61,9	38,1
2014	538,6	352,3	186,3	65,4	34,6
2015	536,7	354,1	182,6	66,0	34,0

По удельному весу городского населения (с учетом городов областного подчинения) районы Припятского Полесья можно разделить на следующие категории:

- 1) сильно урбанизированные (свыше 75%);
- 2) урбанизированные (51–75%);
- 3) преимущественно урбанизированные (41–50%);
- 4) преимущественно сельские (31–40%) (таблица 2).

Таблица 2. – Распределение районов Припятского Полесья по уровню урбанизации

Свыше 75%	51–75%	41–50%	30–40%
Мозырский	Пинский, Наровлянский, Житковичский	Лунинецкий	Столинский, Петриковский

Такая классификация не в полной мере отражает характер урбанизационных процессов не только Припятского Полесья, а и всего Белорусского Полесья: многие районы существенно отличаются друг от друга площадью территории, количеством населения. Также существенную роль в урбанизационных показателях играет наличие в районах крупных промышленных центров. Неслучайно самые большие показатели урбанизированности территорий отмечены в тех районах, где есть крупные промышленные центры: Брест, Гомель, Пинск, Мозырь и др. Заслуживает внимания тот факт, что районы с большей площадью имеют меньшие показатели урбанизированности.

Начиная с 1989 г. также зафиксировано снижение удельного веса региона в общей численности населения республики. Но если с 1989 по 1999 гг. он оставался практически неизменным, то в последние годы его доля начала уменьшаться, и в 2015 г. удельный вес населения Припятского Полесья составил 5,66% (в 1989 г. – 6,00%).

Таблица 3. – Удельный вес населения Припятского Полесья в общей численности населения республики

Год	Численность населения, тыс. человек		Удельный вес населения региона в общей численности Беларуси, %
	Припятское Полесье	Беларусь	
1989	609,5	10 151,8	6,00
1999	598,8	10 045,2	5,96
2009	553,1	9 513,6	5,81
2010	550,0	9 500,0	5,79
2011	547,0	9 481,2	5,77
2012	543,9	9 465,2	5,75
2013	541,5	9 463,8	5,72
2014	538,6	9 468,2	5,69
2015	536,7	9 480,9	5,66

Отличительной особенностью сети сельских населенных пунктов Припятского Полесья от сети поселений в остальной части страны являются большие показатели плотности. В регионе исторически складывались населенные пункты большей величины, чем на остальной территории Беларуси. Среди заболоченной местности редко встречались возвышенные места – песчаные гривы, на которых удобно было селиться. Наибольшая плотность зафиксирована в Столинском районе. Высокие показатели отмечены в Лунинецком и Пинском районах. В целом плотность снижается по направлению к восточной части Припятского Полесья, где находятся Наровлянский район, один из наиболее пострадавших от аварии на ЧАЭС [2, с. 19–20]. Другим показателем системы расселения в регионе является густота сельских населенных пунктов. Установлена большая пространственная рассредоточенность сельских населенных пунктов на территории Столинского, Лунинецкого, а также Наровлянского районов.

Таблица 4. – Густота и плотность сельских населенных пунктов в Припятском Полесье

Район	Густота (на 100 км ²)	Плотность, чел.
Лунинецкий	3,0	251–500
Пинский	5,3	251–500
Столинский	2,9	свыше 500
Житковичский	3,7	151–250
Мозырский	5,8	151–250
Наровлянский	2,2	51–100
Петриковский	4,5	151–250

Одним из показателей демографического развития регионов служит плотность населения. Сравнительный анализ районов Припятского Полесья за последние годы позволяет сделать вывод о том, что во всех районах к 2014 г. произошло уменьшение плотности населения. Некоторое повышение данного показателя в 2015 г. в Пинском и Мозырском районах связано с естественным приростом в районных центрах (таблица 5). На плотность населения в остальных районах региона по-прежнему оказывает влияние миграционная составляющая, которая выступает в качестве одного из основных факторов демографического развития региона за рассматриваемый период времени.

Таблица 5. – Динамика плотности населения в Припятском Полесье (2009–2015 гг.)

Район	S, тыс. км ²	2009		2014		2015	
		Населе- ние, тыс. чел.	Плот- ность, чел. / км ²	Населе- ние, тыс. чел.	Плот- ность, чел. / км ²	Населе- ние, тыс. чел.	Плот- ность, чел. / км ²
Лунинецкий	2,8	73,8	26,4	69,4	24,8	68,6	24,5
Пинский	3,2	181,7	56,8	184,1	57,5	184,8	57,8
Столинский	3,4	81,8	24,1	75,7	22,3	74,7	22,0
Житковичский	2,9	41,4	14,3	37,8	13,0	37,0	12,8
Мозырский	1,6	128,1	80,1	130,8	81,8	131,8	82,4
Наровлянский	1,6	11,5	7,2	10,8	6,8	10,7	6,7
Петриковский	2,8	34,8	12,4	30,0	10,7	29,1	10,4

Процессы рождаемости и смертности на территории Припятского Полесья имеют примерно такую же динамику, как в Республике Беларусь в целом. Однако уже в 2013 г. в регионе зафиксированы процессы репопуляции в трех административных районах: Мозырском, Пинском и Столинском. И если в Мозырском и Пинском районах основной причиной естественного прироста является наличие крупного промышленно-

го центра, то в Столинском районе на процесс репопуляции оказало влияние действие определенных религиозных структур, особенно протестантских направлений. Также следует заметить, что в городе Пинске депопуляция населения не фиксировалась даже в самые кризисные с точки зрения демографии годы. В 2014 г. естественный прирост населения наряду с тремя вышеперечисленными районами был зафиксирован и в Наровлянском районе. Вместе с тем показатели смертности в большинстве районов характеризуются не только высокими, но и критическими значениями (Петриковский район). Основные причины такой ситуации – старение населения, экологическая обстановка в регионе, обусловленная не только последствиями аварии на ЧАЭС, качество медицинского обслуживания.

Таблица 6. – Коэффициенты рождаемости (КР) и смертности (КСм) в районах Припятского Полесья, ‰

Район	1989		1999		2009		2013		2014	
	КР	КСм	КР	КСм	КР	КСм	КР	КСм	КР	КСм
Лунинецкий	16,4	9,1	12,5	12,6	12,4	14,3	12,3	13,9	12,5	13,7
Пинский	16,0	9,5	10,7	12,3	12,5	14,0	13,0	13,8	12,8	11,7
Столинский	15,0	10,8	14,0	14,7	14,0	15,5	15,0	14,2	14,8	14,5
Житковичский	17,7	10,0	10,4	16,3	11,1	19,9	14,3	17,8	12,8	18,1
Мозырский	17,1	9,8	10,8	11,2	12,7	11,5	12,6	11,3	13,8	11,0
Наровлянский	14,1	12,1	13,7	17,5	14,5	16,0	15,4	15,8	15,7	15,1
Петриковский	14,3	14,0	8,5	21,4	11,1	24,4	12,4	22,7	12,6	22,9

Если демографическую основу определяет численность населения, динамика рождаемости и смертности, то другие качественные показатели, характеризующие развитие региона, зависят от уровня его социально-экономического развития. В условиях становления в стране социально ориентированной экономики особую актуальность приобретает эффективность использования трудового потенциала Припятского Полесья. Именно в этом регионе сосредоточены стратегически важные для экономики страны природные ресурсы: бурые угли, калийные соли, строительный камень. В этой связи вопросы трудоресурсного обеспечения Припятского Полесья являются стратегически важными не только непосредственно для региона, но и для республики в целом.

Для Припятского Полесья характерно увеличение доли населения старше трудоспособного возраста и уменьшение доли населения, которое находится в дотрудоспособном возрасте. Так, доля людей старше трудоспособного возраста в 2009 г. составляла 21,6%, а на начало 2015 г. этот показатель превысил 22%, т.е. каждый пятый житель находится в пенсионном возрасте. Численность людей этой категории на начало 2015 г. превышает численность детей до 16 лет. В ближайшие годы будет происходить уменьшение количества трудовых ресурсов: число уходящих на пенсию станет все больше превышать численность людей, вступающих в рабочий возраст. Данное обстоятельство серьезно затруднит процесс профессионального обновления и повышения уровня квалификации рабочей силы в целом, который происходит в основном за счет людей, вступающих в трудоспособный возраст и приобретающих новые специальности.

Одной из характеристик трудового потенциала страны являются показатели занятости населения. Начиная с 1991 г. официально стали регистрироваться безработные граждане в СССР, а затем и в Беларуси. Появление безработицы в Беларуси связано с началом перехода к рыночной системе хозяйственно-производственных отношений. Структура официальной безработицы в регионе характеризуется высокой долей женщин, так как они являются более уязвимыми на рынке труда, чем мужчины.

Таблица 7. – Уровень безработицы в Припятском Полесье (на начало года), % к численности экономически активного населения [3]

Район	2005	2010	2013	2014
Лунинецкий	2,3	1,0	0,7	0,8
Пинский	1,3	0,9	0,7	0,9
Столинский	2,4	0,8	0,4	0,7
Житковичский	1,4	0,9	0,7	0,8
Мозырский	1,4	0,8	0,5	0,7
Наровлянский	1,5	1,1	0,9	1,0
Петриковский	1,5	0,8	0,8	0,9

Снижение числа безработных, которое было зафиксировано с 2005 г., в значительной степени объясняется принятием решения о снятии с учета безработных, которые стоят на нем свыше трех лет, а также эффективной работой служб занятости населения. Некоторое повышение уровня безработицы в 2014 г. связано с ухудшением экономической ситуацией в стране. Важным показателем, влияющим на социально-экономическое положение региона, являются показатели численности занятого населения.

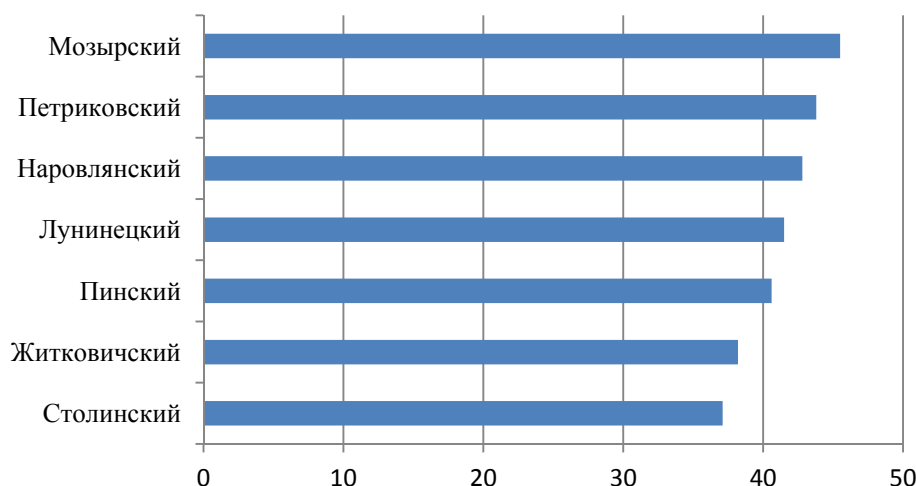

Рисунок. – Доля занятого населения к общей численности в административных районах Припятского Полесья (2014 г.), % [3]

Для Припятского Полесья характерна пространственная неоднородность в доле занятого населения, которая колеблется от 37,1% до 45,5% в Мозырском районе, что объясняется развитием пригородного овощеводства (Столинский район), наличием крупного промышленного центра (Мозырский район).

При анализе числа зарегистрированных преступлений в регионе за 2014 г. четко прослеживается тенденция их увеличения по направлению запад-восток. Например, во всех административных районах Гомельской области, входящих в состав Припятского Полесья, за исключением Петриковского, показатели количества зарегистрированных преступлений превышает 1 000 на 100 000 тыс. населения. Максимальное значение в районах Брестской области не превышает 830 на 100 000 тыс. населения. Данная тенденция объясняется во многом историческими аспектами, прежде всего моральными установками, которые в западных районах имеют большую устойчивость вследствие влияния православной и католической церквей, а в последние десятилетия и протестантских структур. Определенное влияние на криминогенную обстановку оказывает и занятость населения, однако необходимо учитывать так называемую скрытую безработицу, показатели которой подсчитать достаточно трудно.

Немаловажным показателем социального развития региона является состояние и развитие здравоохранения (количество медицинского персонала в расчете на число жителей, уровень квалификации врачей и медицинских работников, материально-техническое оснащение медицинских учреждений и др.). Все это в конечном итоге оказывает влияние на такие показатели, как рождаемость, смертность, состояние здоровья населения, качество жизни. Например, наиболее низкие показатели среди административных районов Припятского Полесья по уровню обеспеченности врачами занимают районы Гомельской области. Исключением является Мозырский район (30,5 врачей на 10 000 населения). В Брестской области лидирует Пинский район, где этот показатель составляет 36,0 врачей на 10 000 человек. В этой связи можно сделать вывод о взаимосвязи показателей урбанизированности территории и количеством врачей: чем выше значения урбанизации в районе, тем большее количество медицинского персонала высшего звена работает в нем.

Для дальнейшего успешного социально-экономического развития региона требуется разработка комплекса мер по оптимизации демографической ситуации. В 2011 г. были разработаны [2, с. 19–20] направления развития трех районов Припятского Полесья, некоторые из которых стали реализовываться на практике.

Таблица 8. – Направления развития демографической ситуации в Припятском Полесье [4, с. 132–133]

Область применения	Меры		
	Столинский район	Житковичский район	Петриковский район
Занятость населения	Дальнейшее развитие частного овощеводства (предоставление земельных участков большей площади) для сокращения оттока трудовых ресурсов	Развитие агротуризма в Припятском Полесье, строительство промышленных объектов на базе месторождений полезных ископаемых	
Здравоохранение	Обязательная диспансеризация		
	трудоспособного населения		всего населения района
	Увеличение числа высшего медицинского персонала	Увеличение числа высшего и среднего медицинского персонала	
Миграция	Регулирование процессов миграции внутри района по направлению «село – село»	Регулирование процессов миграции внутри района путем совершенствования транспортных связей городов с прилегающей территорией, что ведет к усилению маятниковой подвижности населения	
Конфессиональная политика	Поддержка и сохранение ситуации, существующей в районе	Расширение возможностей влияния традиционных конфессий на демографическую ситуацию	
Образование	Увеличение количества направлений на учебу в высшие и средние специальные учебные заведения, дающих льготы при поступлении, с государственным распределением сроком на пять лет в своем районе		
Рождаемость и семья	Создание условий для сочетания материнских функций и профессиональных обязанностей (развитие сети дошкольных учреждений, социальные гарантии)	Открытие в учреждениях образования в сельской местности в радиусе не более 5 км от населенных пунктов разновозрастных групп и групп кратковременного пребывания и обеспечение бесплатной доставки детей	

Окончание таблицы 8

Смертность	Снижение детской смертности путем модернизации родильных домов и детских больниц	Глубокое изучение процессов смертности для определения наиболее проблемных населенных пунктов	Снижение смертности мужчин трудоспособного возраста
Совершенствование системы расселения	Незначительное регулирование процессов расселения путем продолжения строительства агрогородков, создание новых сельских населенных пунктов на основе крупных поселений (д. Ольшаны)	Развитие пригородной зоны	Концентрация населения в крупных сельских населенных пунктах, агрогородках
Формирование здорового образа жизни	Установление возрастного ценза на продажу алкогольных напитков с 21 года, ограничение времени их продажи. Усиление борьбы с самодоварением. Полный запрет на рекламу табачных изделий в информационном пространстве Беларуси		
Экономическое развитие	Развитие инфраструктуры по переработке плодовоовощной продукции, оптимизация заготовительной деятельности	Создание предпосылок для привлечения инвестиций в развитие и модернизацию промышленных предприятий	Внедрение концепции «выживания за счет собственных усилий и ресурсов»

Заключение

1. Динамика численности населения Припятского Полесья характеризуется ее снижением. Также наблюдается уменьшение удельного веса региона в общей численности населения республики.

2. В регионе продолжается процесс урбанизации, хотя для него характерны меньшие показатели доли городского населения по сравнению с республиканскими.

3. В ряде административных районов Припятского Полесья наблюдается естественный прирост населения, причинами которого стали результаты социальной политики государства, а также влияние «демографических волн».

4. Для региона, как и в целом по республике, характерна трансформация возрастной структуры трудовых ресурсов, которая проявляется в уменьшении доли лиц моложе трудоспособного возраста и увеличении доли лиц старше трудоспособного.

5. Анализ криминогенной обстановки свидетельствует об увеличении преступности по направлению запад – восток, обусловленной прежде всего историческими и экономическими причинами.

6. Установлена взаимосвязь между значениями урбанизированности территории и количеством врачей, что влияет на ряд социально-демографических характеристик.

7. Реализация мер по оптимизации демографической ситуации будет способствовать уменьшению негативных тенденций в демографическом развитии региона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственная программа социально-экономического развития и комплексного использования природных ресурсов Припятского Полесья на 2010–2015 годы [Электронный ресурс] / Государственная программа социально-экономического развития и комплексного использования природных ресурсов Припятского Полесья на 2010–

2015 годы. – Минск, 2010. – Режим доступа: <http://www.econovy.gov.by/ru/program-my/polesye>. – Дата доступа: 15.09.2010.

2. Корженевич, С. В. Географические закономерности трансформации населения Белорусского Полесья : монография / С. В. Корженевич. – Пинск : ПолесГУ, 2014. – 125 с.

3. Регионы Республики Беларусь : статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева [и др.]. – Минск, 2015. – Т. 1. – 756 с.

4. Корженевич, С. В. Географические закономерности трансформации населения Белорусского Полесья : дис. ... канд. геогр. наук : 25.00.24 / С. В. Корженевич ; Брест. гос. ун-т. – Брест, 2011. – 183 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.03.2016

Korjenevich S.V. Pripyat Polesye in Social-demographic Dimension

Integrate study of the regions of the country, creation and realization of programmes of their social-demographic development refers to the number of priority science aims. One of such regions is Pripyat Polesye. The characteristic of such peculiarities of demographic development of the region as dynamic of population number, indicators of fertility and mortality, correlation of urban and rural population, is given in this article. The authors analyzed such main social characteristics of the development of administrative districts of Pripyat Polesye as the structure of labour resources, indicators of unemployment, criminality, medical maintenance and others. The offered ways of innovative development of this region will promote more argued managing of social policy in Pripyat Polesye and it will also promote realization of measures on optimization of demographic situation.

УДК 316.42 (045)

И.П. Салтанович*канд. социол. наук, доц. каф. философии и логики
Минского государственного лингвистического университета***РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ
В СТРАТЕГИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ ИННОВАЦИЯМИ**

В статье рассматривается формирование стратегий инновационной политики, опирающихся на конкретные процессы и механизмы внутри среды современного социума. Делается попытка дать ответ на один из самых интригующих вопросов всемирной истории: почему одни государства процветают, в то время как другие остаются экономически неразвитыми? Ответом служит инициирование серьезного изучения конкретных социокультурных сред, самой культуры, влияния культурных различий и ценностей на экономику и, как следствие, на благоденствие наций. Первичным в данном направлении является вопрос о реакции социума на распространение инноваций, которые сопровождаются или сталкиваются с социальными изменениями, связанными с социальной структурой и культурными особенностями различных сред.

В процессе прогнозов и споров о том, каким быть XXI в., высказано немало суждений. Широкое распространение применительно к общественному развитию получили такие понятия, как устойчивый рост и глобализация. Признавая их значимость в оценке современных тенденций, нельзя вместе с тем не видеть, что они не могут служить универсальными характеристиками нового этапа социальных, экономических, политических и иных процессов. Более точно сущность этого этапа отражает категория «инновационное развитие».

Изучение инноваций означает серьезную попытку объяснить процесс развития инноваций в соотнесении многих факторов, которые влияют на сам процесс, инициируя или затормаживая его протекание. В частности, речь пойдет о сопряжении социального фона, культурной подложки и инновационных процессов. Технический, экономический, инновационный процессы столь же социальные, как и политичны; в то же время все этапы этих процессов несут на себе сильнейшее культурное влияние. Изучать инновации – значит проливать свет на социальные, технические, экономические, политические и культурные особенности, которые выстраиваются благодаря как индивидуальным, так и коллективным авторам (субъектам). Эта совокупность факторов имеет важное значение потому, что любые изменения в обществе имеют четкую привязку, происходят в определенном месте и в определенное время.

Любое нововведение обусловлено социальным контекстом. Поэтому динамика социальных инноваций вводит в игру деятелей, говоря современным социологическим языком, акторов, которые занимают определенные позиции, должности в пределах ряда институциональных механизмов. Поскольку эти группы географически структурированы на базе различных, но взаимодополняющих нормативных режимов своих социальных систем, социальные инновации работают на основе и в рамках этих регулирующих уровней. Именно поэтому можно сослаться на существование множества социальных инновационных систем, географические пределы которых колеблются от глобальной системы координат до локальных пространств, проходя через транзитивные, промежуточные пространства (континентального, национального и регионального уровня), которые выстраивают свои стратегии управления инновационным процессом и взаимосвязь с культурой.

Таким образом, возникает вопрос: как можно адаптировать социальную среду, чтобы создать условия для появления наиболее продуктивных социальных групп, институтов, способных воспользоваться в наилучшем варианте, в своих интересах эффек-

том от инноваций? Но можно развернуть вопрос иначе. В первую очередь мы должны исследовать, как социум реагирует на распространение инноваций. Вместо того чтобы рассматривать, какое влияние оказывают инновации, мы должны рассмотреть, как двигаться к новым производственным практикам, индуцирующим инновации либо специализирующихся в тех видах производства, которые имеют сильный потенциал развития либо создают такие социальные условия, которые позволяют внедрять инновации [1].

Распространение изменений (новаций) сопровождается или сталкивается с социальными изменениями, которые связаны с социальной структурой и культурными особенностями различных сред. Эти изменения имеют прямое отношение к способности социума приспособиться к техническому прогрессу, технологическим изменениям, вызванным различными типами инноваций и адаптировать их таким образом, чтобы, в свою очередь, создать последующие условия для генерации инноваций как потенциала последующего экономического роста.

Комбинация социокультурных изменений, которые включают и организационную и социальную структуру, дающая возможность идти в ногу с инновациями, является условием для появления социальных институтов, творческих сред, творческих индустрий, характерных для конкретной социальной среды со своим неповторимым почерком в различных регионах.

Говоря об инновационном бизнесе в мире в целом, следует отметить, что в развитых странах от 50 до 90% прироста ВВП происходит за счет инновационного бизнеса. И это очень важно понять и принять, обсуждая модернизацию и инновации: все технологические изменения, порождаемые вначале игрой ума, неотделимы от социальных сдвигов. Настоящие инновации превращаются в технологические революции, меняют хозяйственный уклад стран и делают их более эффективными и экономически состоятельными на мировой экономической карте только в том случае, если они дают массам людей шанс осуществить то, что хочется, но раньше было невозможно. Инновации – это действительно вопрос качества и даже осмысленности жизни.

Важно учесть, что в развитии инноваций есть определенная временная логика. Инновации, которые обновляют промышленный потенциал в определенное время, возникают всегда за несколько десятилетий (точнее, за тридцать лет) до этого. Примерно таков естественный период «приспособления» научного достижения к практическим потребностям. Для Беларуси это означает, что страна имеет еще актуальный инновационный задел, накопленный поздней советской наукой и обороной, и его надо использовать при создании точек инновационного роста экономики.

Главный вопрос: зачем нужна та или иная инновация? Сосредоточить ресурсы необходимо именно на востребованных инновациях. Культура в данном процессе является катализатором, хотя очень многие из исследователей инновационного процесса практически не уделяют культуре должного внимания. Если государство решает активно идти вперед, начинаются процессы модернизации. Если государство принимает решение быть среди передовых, авангардных стран, то оно должно понимать, что следует выбрать такие точки, которые обеспечат инновационный прорыв.

Вновь возвращаемся к сказанному о том, что самое важное в этом случае: каким образом инновационные программы усваиваются обществом. Ведь ни гениальные учёные, ни замечательные чиновники, ни прекрасные эксперты, придумавшие как осуществить прорыв через инновации, не являются гарантом успеха, если эти инновации не получают поддержки со стороны общества или, что ещё хуже, будут полностью им отторгнуты. Значит, дело не только в инновационной политике. Дело в том, что эта инновационная политика должна касаться не только технологий и вопроса о том, куда направить деньги, – важно представлять себе, как эту инновационную политику выстроить на том общественном каркасе, который общество имеет. Это, в свою очередь,

предполагает необходимость понимания тех механизмов, которые лежат в основе развития общества вообще и данного конкретного общества в частности. Ведь можно привести какую-то модель извне, можно создать какие-то институты, можно выделить немалые средства, можно начать развивать определённые направления, но все они никак не будут связаны с остальной инфраструктурой.

Пример стран, совершивших инновационные прорывы, таких как Сингапур, Малайзия, Индия, Япония, показывает, что помимо замечательных программ, серьёзных средств, привлечения известных специалистов, своих и зарубежных все они очень мощно подкрепляли инновационный прорыв целой системой инфраструктуры. В инфраструктуру включается наличие в данном обществе определённых традиций: традиций научных, технологических и духовных, даже отношение к успеху, к исполнительской дисциплине и совокупность ценностей, которые сложились в данном обществе. Т.е. в процессе поступательного движения возникает необходимость найти то, что заставило бы инновацию превратиться в традицию, когда сама инновация стала бы традицией в данном обществе.

Социологи и экономисты видят два основных пути. В первом случае выявляются традиции, имеющиеся в обществе, и ищутся совпадения с условиями реализации инновационной программы. Показательными примерами в данном случае могут служить Япония, Малайзия, Южная Корея, Сингапур. Использование соответствующих совокупностей традиций, отношение к труду и целый ряд других параметров, значительно облегчило этим странам модернизацию общества. Второй вариант предполагает внедрение инновации «сверху». В нашей истории такой путь связан с именами Петра Великого, Витте – примеры прорывов, когда сверху внедрялся определённый тип и далее, практически искусственно, срачивался с тем, что имеется. На выходе такой путь даёт разный результат: иногда положительный, иногда нет.

В Беларуси государство выступает главным инициатором модернизации. При этом общество должно выполнять роль творческого исполнителя намеченных целей. Функциональная же роль государства в инновационной модернизации определяется его значением в жизни общества. Правда, основным субъектом инновационных процессов остается (должен быть) формирующийся творческий класс. В любом случае государство выступает как инициатором перемен, так и их заказчиком.

Какие же сложности можно выделить на пути появления, внедрения и даже «выживания» инноваций в современном обществе, в том числе белорусском? Любые инновации имеют свою социальную и территориальную характеристику, которая зависит от местных и глобальных социально-экономических условий, которые могут как способствовать, так и препятствовать всяким попыткам изменений, как уже говорилось выше. С этой точки зрения территориальные особенности, связи и договоренности между субъектами хозяйствования, организациями и людьми, которые конкретно принимают решения, и составляют ту социальную уникальную среду, которая позволяет возникнуть конкретным инновационным культурам, естественно не изолированным от всех глобальных процессов.

Предприниматель, по Schumpeter, не автор идеи, не изобретатель, а тот, кто вводит инновацию в бизнес, промышленность, экономику, тот, кто ответственен за ее диффузию в социокультурное пространство. По его мнению, «экономическое общество» находится в ведении человека, в русле решений именно предпринимателей, а не идеологии или абстрактных социальных классов. Поэтому функция предпринимателя состоит в преодолении серии препятствий. Инновации и есть творческий ответ на эти препятствия.

Можно выделить три основных типа сопротивления инновациям.

Во-первых, бизнесмен-новатор выступает в условиях неопределенности: даже учитывая информацию, которую он имеет, стопроцентной убежденности в том, что проект

будет успешным, у него нет. Используя предыдущий опыт, свое чутье, он все равно находится в состоянии неопределенности, неуверенности, так как зачастую это только его решение, его предположение о грядущем успехе без особой или вообще без поддержки со стороны.

Второй тип препятствия, по-видимому, довольно очевиден, и был описан Schumpeter в 1935 г. следующим образом: «Объективно более трудно ввести новшества, чем использовать то, что привычно и доказано».

Наконец, третий тип препятствия – наиболее важный – включает реакцию социальной среды на инновации или на «кого-либо, кто хочет ввести новшества» (Schumpeter, 1935).

Таким образом, Schumpeter сказал: «Недостаточно произвести удовлетворительное мыло, необходимо также побудить людей мыться» [2, р. 93–94]. Эта метафора актуальна и сегодня, так как поднимает проблему встраивания изобретения, инноваций в социальную конструкцию, а особенная важность этого процесса не потеряла, да и не теряет своей остроты никогда.

«Эволюционные» экономисты предложили глобальное видение инноваций. Для них инновации представляют собой «процесс, который передает и получает импульсы, подключая и объединяя новые технические идеи на рынках» [3], процесс решения проблем, задач, процесс обучения, который приносит знания, навыки, компетенции, ноу-хау, возможности и способности [4]. Следовательно, инновации должны опираться на инфраструктуру общества.

Инновации сами по себе не есть положительный показатель, связанный с социальным прогрессом, который с точки зрения субъективного изменения конфигурации социальных отношений проистекает из конкретного выбора конкретных людей, когда происходит двойное движение локализации нововведения и его применения. Социум, опираясь на конкретную культурно-историческую основу и перспективу, сам делает использование инноваций положительным или отрицательным для себя в зависимости от того, какой смысл социальные субъекты вкладывают в это использование. Социокультурный же контекст инноваций можно увидеть как многообразный и многогранный процесс производства и реконструкции существующих обстоятельств для того, чтобы производить позитивные социальные изменения на различных уровнях. Социально-инновационные изменения возникают как ответ на потребности или желания, сформулированные внутри социальных институтов, произрастающие в конкретной социокультурной среде.

Инновационная стратегия должна учитывать большую или меньшую «переструктурированность» социальной среды в следующие периоды:

- 1) до инноваций (через переопределение культурных ориентаций);
- 2) во время их внедрения (с помощью новых методов хозяйствования, изменения общественных отношений и т.д.);
- 3) после их осуществления (через давление, оказываемое в перестройке – иногда очень заметной – культурных кодов, индивидуальных и коллективных привычек потребления на всех уровнях сознания).

Таким образом, инновации не могут избежать культурного и социального детерминизма, но этот культурный детерминизм сам иерархично организован вокруг реальной мировой экономики.

Современное видение инноваций отмечает социальный фундамент и культурную основу в них, также процессы и взаимосвязи, которые вступают в игру на всех уровнях. Главная цель состоит в том, чтобы поместить в центр исследований обозначаемые, но еще мало исследуемые в отечественной науке процессы взаимосвязи социокультурной среды и формирования стратегий инновационного развития, изучение ин-

новаций прежде всего как сложного социокультурного феномена, выявить общую перспективу, которая покажет теснейшую связь между культурными, территориальными особенностями и продуцируемыми под их влиянием инновациями, рассмотрит специфику действующих лиц (акторов), которые являются авторами или разрешающей инстанцией на пути инноваций.

Следует отметить, что инновации, в том числе связанные с культурой, а также социальные, привлекают все больший интерес во всем мире. Мы не должны слепо копировать, но должны увидеть свою магистраль в данном направлении, если хотим сформировать среду, рождающую инновации. Это сложный, но необходимый, а впрочем, очень интересный процесс.

Можно выделить пять областей, которые потребуют особого внимания для развития инновационно-восприимчивой среды в нашей стране, среды, генерирующей инновации для социально-экономического процветания:

1. Необходимо обязательно учитывать влияние социальных инноваций на науку и технологии при разработке инновационной политики. Чтобы убедиться, что инновации идут на пользу всего общества, эта политика должна создавать демократические платформы, где различные субъекты могут участвовать, используя разнообразные формы и средства.

2. Для обеспечения успешной реализации инновационной деятельности в межстрановой кооперации мы должны умело координировать и интегрировать эти процессы на национальном и региональном уровнях социально-экономического планирования.

3. Образование и исследования в области науки, технологий и инноваций должны выходить за рамки достаточно узкого фокуса проблем, на которых они сосредоточены на современном этапе. Важно не только промышленное или элитное направление в науке, а также поддержка науки, которая ориентирует свои усилия на достижения в удовлетворении различных социальных потребностей.

4. Инновационная стратегия может быть успешной, только если есть достаточный потенциал для расширения инноваций. «Омлаживая» социальную базу через крупные инвестиции в наращивание потенциала, а также создавая платформы, способствующие взаимодействию и сотрудничеству, мы формируем мощный катализатор, серьезную предпосылку для формирования творческих индустрий в Беларуси.

5. Государственно-частное партнерство играет важную роль в поддержке инноваций. Укрепление этих глобальных партнерств и платформ могут быть эффективными для понимания и содействия социальным инновациям как в нашей стране, так и во всем мире.

Беларусь, как страна с развивающейся экономикой, активно поощряет инвестиции в крупные промышленные предприятия, но не менее важно инвестировать в небольшие социально-ориентированные предприятия, вырастающие на национальной социокультурной среде, которые становятся неотъемлемой частью экономики, той национальной почвой повышения благосостояния всех социальных групп, социальных структур и каждого человека в отдельности.

Поощряя инновации, культивируя социокультурную среду, их порождающую, белорусские политики в итоге получают тройной успех:

- 1) успех общества и каждого отдельного человека; предоставление всем услуг, отличающихся высоким уровнем, выгодой и доступностью для пользователей во всех сферах жизни, характеризующих качество их повседневной жизни;

- 2) успех управленческий (для правительства), делающий предоставление этих услуг более устойчивыми и имеющими долгосрочную перспективу;

- 3) успех для промышленности путем создания новых возможностей для бизнеса и творческих начинаний.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lévesque, B. La nouvelle sociologie économique / B. and F. Lévesque. – Paris : Desclée de Brouwer. – 2001. – P. 284.
2. Tremblay, D.-G. La multidimensionnalité du phénomène de l'innovation: une réalité abordée par les économistes institutionnalistes. Dans La recherche sur l'innovation; une boîte de Pandore? / D.-G Tremblay // Cahiers de l'ACFAS. – 1995. – № 83. – P. 79–113.
3. Le Bas, C. Economie de l'innovation / C. Le Bas. – Paris : Presses universitaires de France. – 1995. – P. 361–380.
4. Harrison, L. E. Culture matters: how values shape human progress / L. E. Harrison, S. P. Huntington. – New York : Basic Books. – 2000. – 348 p.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 29.02.2016

Saltanovich I.P. The Role of Socio-cultural Environment in the Strategic Innovation Management

The article is dedicated to the development of tragic innovation policy based on the processes and mechanisms existing in modern society. The attempt to answer one of the most challenging questions of the world history is made. The answer to the question why some governments prosper and the other ones not is given. And the answer will be the start of the in-depth investigation of selected cultural environments, the culture itself, the impact of different values on economy and , as a result, on prosperity and wellbeing of the whole nation. Primary question on this field will be the reaction of society on the innovation spread that is coupled or tackle the changes within the social structure and peculiarities of different nation.

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармата А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадкавы інтэрвал – адзінары;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Інструкцыі па афармленні дысертацыі, аўтарэферата і публікацый па тэме дысертацыі, зацверджанай пастановай Прэзідыума Дзяржаўнага вышэйшага атэстацыйнага камітэта Рэспублікі Беларусь ад 24.12.1997 № 178 (у рэдакцыі пастановаў Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 22.02.2006 № 2, ад 15.08.2007 № 4). Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па левым краі);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па левым краі);
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;
- асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруецца падзаглаўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);

- спіс літаратуры;
- рэзюмэ на англійскай мове (да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку, калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнаасцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронны адрасы для перапіскі і кантактныя тэлефоны);
- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *А.В. Дзябёлая, Л.М. Калілец*
Камп'ютарнае макетаванне *С.М. Мініч, Г.Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 24.05.2016. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.
Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 17,21. Ул.-выд. арк. 13,38.

Тыраж 100 экз. Заказ № 225

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў

№ 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.